

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального
образования
«Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова»

На правах рукописи

Яковченко Евгения Викторовна

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ
В УСЛОВИЯХ УЧЕБНОГО ДВУЯЗЫЧИЯ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор
В.А. Пищальникова

Барнаул 2003

Содержание	
Принятые сокращения	4
Введение	5
Глава 1. Теоретические основы изучения языковой способности индивида в переводческой деятельности	14
1.1. Постановка проблемы изучения языковой способности индивида	14
1.1.1. Современные подходы к определению языковой способности	14
1.1.2. Особенности формирования языковой способности в условиях учебного двуязычия.....	17
1.1.3. Ассоциативное значение слова как способ интерпретации языковой способности индивида	20
1.1.4. Языковая способность как функциональная динамическая категория	21
Выводы.....	24
1.2. Отражение языковой способности индивида в метафоре как элементе переводческой деятельности	26
1.2.1. Перевод как речевая деятельность индивида.....	27
1.2.2. Метафора как компонент текста перевода: анализ современных концепций.....	28
1.2.2.1. Метафора в лингвистических теориях перевода.....	28
1.2.2.2. Метафора в коммуникативных / деятельностных теориях перевода	33
1.2.2.3. Когнитивные основы переводческой деятельности	38
Выводы.....	48
1.3. Метафора как познавательная модель, отражающая языковую способность индивида	51
1.3.1. Специфика речевого бытия метафоры.....	52
1.3.2. Метафора как вид речемыслительной деятельности	54
1.3.3. Проблема понимания метафоры: комплексный подход	57

Выводы.....	62
Глава 2. Экспериментальное исследование языковой способности билингвов (на материале ассоциативного и переводческого экспериментов)	63
2.1. Цель, задачи, методы исследования.....	63
2.2. Ход эксперимента	67
Выводы.....	151
Заключение.....	155
Библиографический список.....	158
Словари	169
Приложение.....	172

Принятые сокращения

AM – Айрис Мердок. «Под сетью». 1991.

БАРС – Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х т. 1993.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. 1990.

СЕ – Словарь русского языка/ Под ред. А.П. Евгеньевой. 1985-1988.

СО – Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 1998.

КК – коммуникативная компетенция.

ЯС – языковая способность.

HAD – The Advanced Learner's Dictionary of Current English /by A.S. Hornby, E.V. Gatenby. H. Wakefield. 1992.

IM – Iris Murdoch. "Under the Net". 1960.

LA – Longman Language Activator. 1993.

LDI – Longman Dictionary of English Idioms. 1979.

OERD – The Oxford English Reference Dictionary. 1996.

ORD – The Oxford Russian Dictionary. 1993.

PS – A Book of English and Russian Proverbs and Sayings Illustrated. 1995.

Введение

В фокусе настоящей диссертационной работы одновременно находятся такие сложные и неоднозначные лингвистические объекты, как *языковая способность, механизм метафоризации, переводческая деятельность*. Каждый из обозначенных феноменов имеет свою историю становления в лингвистической науке в качестве объекта исследования, и до сих пор не существует однозначной непротиворечивой исследовательской модели ни одного из них. Проблема заключается в том, что феноменология этих лингвистических явлений не подлежит *непосредственному изучению*. Проявление их в речевой деятельности есть результат «на выходе», а потому их изучение возможно только опосредованным путем. Кроме этого объективного препятствия существуют еще и методологические рамки, накладывающие определенные концептуальные ограничения на *способ рассмотрения* лингвистических объектов. Так, изучение переводческой деятельности начиналось в свое время с накопления сопоставительного языкового материала и установления четких межъязыковых соответствий (лингвистический подход).

В настоящей работе перевод рассматривается как специфический вид речемыслительной и когнитивной деятельности, как возможный способ исследования закономерностей актуализации определенных когнитивных структур в речевой деятельности формирующихся билингвов. Сама речемыслительная деятельность осуществляется по принципу функциональной системы, оптимизация которой происходит за счет действия законов результата и динамической мобилируемости структур. Прогнозирование вероятности того или иного переводческого решения во многом определяется структурой метафоры.

Метафора определяется нами как когнитивная структура, включающая в себя как стабильные, фиксированные, так и динамические, стремящиеся к стабилизации компоненты. В поле нашего исследования находится процесс фиксирования / стабилизации этих случайных периферийных компонентов в сознании носителей языка.

Языковая способность как динамическая функциональная система, способная к саморазвитию в процессе формирования языковой компетенции носителей языка, является полем пересечения переводческой деятельности и механизма метафоризации. Динамический аспект изучения языковой способности выявляется при рассмотрении ее в условиях учебного процесса овладения вторым языком, при котором неосознаваемые в большинстве случаев носителями языка механизмы функционирования языковой способности попадают в фокус сознания, становятся элементом метакогнитивного анализа.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью разработки теоретических и практических оснований когнитивного подхода к определению механизма языковой способности. Многогранность специфики языковой способности, или когнитивной компетенции, вызывающая противоречивость ее модельного представления, требует поиска новых интегративных способов описания этого феномена.

Привлечение в переводе именно метафорических структур в качестве *материала* для изучения реализации языковой способности формирующегося билингва обусловлено их способностью передавать разнородный смысловой континуум дискретными языковыми единицами. Наличие лакунарности в текстах, осложненных метафорическими образованиями, способствует выявлению механизмов компенсаторности, позволяющих билингвам «*находить внешние и внутренние ориентиры и опоры процессов продуцирования и понимания речи в условиях коммуникативных затруднений*» [Залевская 2002, с. 22] (курсив автора. – Е.Я.).

Поскольку метафора как особый способ познания мира уникальна, а механизм ее образования предположительно универсален, то привлечение ее в качестве материала в переводческой деятельности в рамках когнитивного подхода поможет существенно обогатить психолингвистическое представление о функционировании языковой способности, или когнитивной компетенции индивида.

Обращение к исследованию переводческой деятельности формирующихся билингвов обусловлено рядом причин. *Во-первых*, перевод служит способом и средством межъязыковой коммуникации, выявляя специфику речемышления не только разных людей, но и разных народов. Переводческая деятельность позволяет осуществлять **сопоставительный когнитивный анализ языков в естественных условиях**.

Во-вторых, анализ процесса перевода позволяет выявить некоторые существенные стороны речемыслительной деятельности вообще. Естественный процесс рождения собственной мысли человеком не анализируется, не осознается или осознается не полностью (исключением являются случаи саморефлексии), а процесс понимания текста оригинала и вербализация его в переводе в этом смысле уникальны: формирование мысли, построение адекватного оригиналу смысла представлены более наглядно уже потому, что в переводе выбор языковых средств **целенаправленно ограничен исходным текстом**. Существование определенных ограничительных параметров позволяет проследить хотя бы некоторые этапы «совершения мысли в слове».

В-третьих, привлечение формирующихся билингвов к эксперименту позволяет провести изучение переводческой деятельности **в динамическом аспекте**. Осуществляя когнитивный подход к анализу механизма метафоризации в переводе, можно проследить процесс *становления значения как когнитивной структуры*, которое еще не стабилизировалось в сознании этноса.

Цель работы заключается в аргументации гипотезы о том, что языковая способность является динамической категорией, подчиняющейся действию законов функциональной системы и обнаруживающей себя в процессе формирования вторичной языковой личности в условиях учебного билингвизма.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

1. Проанализировать специфику понимания сущности механизма языковой способности, его природы;

2. Аргументировать понимание механизма метафоризации как основного способа смыслопорождения в условиях лакуарности текста;
3. Сопоставить основные исследовательские модели переводческой деятельности и обосновать ее когнитивный динамический характер;
4. Экспериментально подтвердить операциональную природу механизма когнитивной компетенции, или языковой способности;
5. Экспериментально выявить доминантные / актуальные когнитивные признаки и периферийные признаки текстов, содержащих метафорические комплексы, для обоснования динамической функциональной природы значения как когнитивной структуры.

Объект нашего исследования – *метафорические структуры* иноязычного текста, являющиеся **вербальным репрезентантом способов фиксации ментальных структур метафорических моделей познания**. Метафора рассматривается нами как *динамическая функциональная система порождения континуальных смыслов*, основанная на аналогии, как *единство стабильных / фиксированных / доминантных компонентов и динамических / становящихся / периферийных компонентов*.

Предметом исследования является *языковая способность*, или *когнитивная компетенция* искусственного (формирующегося) билингва, проявляющаяся в закономерностях вербальной актуализации ментальных структур, представленных метафорой. Под *языковой способностью*, или *когнитивной компетенцией* в настоящем диссертационном исследовании понимается **совокупность психофизиологических механизмов, обеспечивающих вербализацию ментального содержания и обнаруживающихся в речевой деятельности**.

В работе принципиально разграничиваются такие понятия, как «языковая компетенция», «коммуникативная компетенция». Под первым в современном языкознании понимается *знание* определенного, конкретного языка, а под вторым – соответственно *умение* им пользоваться в конкретной коммуникативной ситуации с определенной целью. В своей работе мы предлагаем

понятие *когнитивной компетенции*, которое является базовым для реализации вышеназванных понятий языковой компетенции и коммуникативной компетенции, и под которой понимается **способность индивида порождать речевые произведения в соответствии с коммуникативной ситуацией, используя как метаязыковые знания, так и некоторый набор оптимизирующих стратегий по обработке информации**. Введение двойного обозначения «языковая способность», «когнитивная компетенция» обусловлено сложной природой самого феномена. Оба термина находятся *в отношениях взаимной дополнительности*. «Языковая способность» предполагает актуализацию таких свойств этого механизма, как готовность индивида к усвоению языка, вербализуемость ментального содержания. Термином «когнитивная компетенция» подчеркивается операциональная природа этого когнитивного механизма, предполагается владение индивидом набором неких «правил» различной степени осознаваемости, когнитивных стратегий, которые могут выступать как в вербализованной, так и в невербальной форме. Таким образом, когнитивная компетенция и языковая способность являются двумя сторонами одного и того же феномена. Мы будем использовать оба термина в зависимости от того, какой аспект находится в тот или иной момент в поле зрения.

Научная новизна. Во-первых, в работе теоретически и экспериментально обосновывается гипотеза о деятельностной основе механизма языковой способности индивида как динамической функциональной системы. Во-вторых, экспериментально доказывается положение об отсутствии однозначной зависимости между развитием языковой способности, или когнитивной компетенции, и языковой компетенции. В-третьих, в работе осуществлен интегративный подход к изучению механизма языковой способности в условиях учебного двуязычия, совмещающий психолингвистическую и когнитивную парадигмы. В-четвертых, предлагается методика проведения эксперимента и обработки данных, реализующая вышеназванный интегративный

подход к анализу исследовательского, ассоциативного и переводческого этапов эксперимента.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в аргументации представления *языковой способности как универсального механизма вербализации ментального содержания, способного к развитию по законам функциональных динамических систем*. В работе также дается теоретическое обоснование когнитивного статуса языковой способности как *когнитивной компетенции* носителя языка, которая представляет собой *набор универсальных оптимизирующих когнитивных стратегий* и является базовой для развития языковой и коммуникативной компетенций индивида. Привлечение метафоры в переводческой деятельности в качестве материала для изучения языковой способности билингвов позволяет выявить специфику данного языкового явления, раскрыть его функциональную деятельностьную основу.

Практическая значимость работы состоит в разработке методики проведения и анализа эксперимента с целью исследования языковой способности билингвов, проявляющейся в степени адекватности перевода, с использованием статистических методов. Предложенный алгоритм анализа имеет, с нашей точки зрения, несомненную практическую ценность и может быть использован в преподавании иностранного языка, в теории и практике перевода, в частности, и в области межкультурной коммуникации в целом. Комбинированный подход ассоциативного эксперимента с сопоставительным исследовательским и переводческим анализом текстов может также стать основанием изучения особенностей вторичной языковой личности.

В работе использованы следующие **методы исследования**:

1. *моделирование* – метод психолингвистического анализа, позволяющий конструировать когнитивную структуру текста, исходя из выявленных в ходе предыдущих видов анализа когнитивных признаков метафорических комплексов. Существуют три принципа модельного познания: 1) принцип объективного соответствия формы модели оригиналу; 2) принцип экстрапо-

лябельности модельной информации – перенос информации, полученной из более простой модели, на сам оригинал; 3) принцип верифицируемости модельной информации [Вартофский 1988, с. 465]. Поэтому следует помнить о том, что создаваемые когнитивные модели текстов являются гипотетическими *конструктами* и частичным приближением к самому психическому феномену. Модель объекта не равна самому объекту;

2. *лексико-семантический анализ*, обнаруживающий лексический и семный состав анализируемого выражения с привлечением дефиниций словарей разного типа (моно- и двуязычных, толковых, синонимичных, фразеологических, смешанного типа);

3. *когнитивный анализ* – «вид смыслового анализа, результатом применения которого является определение того, какие компоненты каких когнитивных структур актуализированы на определенном участке текста» [Бутова 2001, с. 19]. В результате экспериментального исследования была выявлена совокупность всех когнитивных признаков для каждого анализируемого текста. При этом актуальные признаки вошли в когнитивную структуру каждого конкретного текста, в то время как неактуальные в данном контексте когнитивные признаки составили его вероятностное значение и не были включены в когнитивную структуру текста;

4. *лингвистический анализ*, при помощи которого были выявлены метафорические комплексы, являющиеся концентрированным выражением доминантного личностного смысла текста;

5. *сравнительно-сопоставительный анализ* выделенных когнитивных признаков в исходном и переводном текстах, предложенных профессиональным переводчиком, а также элементы сопоставительного анализа результатов проведенных ассоциативного и переводческого экспериментов среди русскоязычных искусственных билингвов и англоязычных носителей языка;

6. *ассоциативный метод* – выявление ассоциативного значения исследуемого выражения с помощью проведения свободного ассоциативного эксперимента. Стимулами послужили ключевые элементы метафорических

комплексов, выделенные в ходе собственного психолингвистического и когнитивного анализа текстов и также выделенные испытуемыми на предыдущем этапе эксперимента в качестве опорных слов текста;

7. *метод статистического анализа*, позволяющий верифицировать данные экспериментального исследования. Результаты обоих этапов эксперимента представлены в виде электронных таблиц данных, а также проведен анализ процентного соотношения всех полученных данных;

8. *эксперимент* — направлен на выявление механизма языковой способности формирующихся билингвов в условиях высокой лакуарности иноязычного текста. С этой целью было связано решение задач 1) выделения ключевых (опорных) слов текста, 2) понимания текста с информационно-смысловыми лакунами, представленными метафорическими комплексами, 3) выявление скрытого смысла текста, содержащего этический подтекст или неярко выраженный смысл (например, иронию).

Материалом исследования послужили метафорические выражения, полученные методом сплошной выборки из оригинальных текстов, русских и английских, а также при сопоставлении оригинала и перевода. Материал представлен отрывками из романов I. Murdoch “Under the Net” и его переводом – А. Мердок «Под сетью», J. Grisham “The Runaway Jury”, S. Sheldon “If Tomorrow Comes”, а также статьями из англоязычных газет Washington Post, The Times, Moscow news. Общий объем материала составил 220 текстов, объем анализируемого материала – 18 текстов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Языковая способность, или когнитивная компетенция индивида является динамической категорией, подчиняющейся действию законов функциональной системы.

2. Когнитивная компетенция как набор оптимизирующих стратегий по операциям с информацией является базовым механизмом для формирования и развития языковой и коммуникативной компетенций индивида.

3. Обнаружение и установление ассоциативных связей в структуре языковой личности, образованных посредством восприятия метафоры, позволяет моделировать когнитивный механизм языковой способности.

4. Ассоциативное значение метафоры в «нулевом контексте» может рассматриваться как смысловая опора для порождения текста.

5. Языковая способность формирующегося билингва может быть исследована при помощи интеграции психолингвистического и когнитивного подходов, заключающейся в совмещении методов ассоциативного, лексико-семантического, переводческого и когнитивного анализов.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены на следующих конференциях: VII межвузовская научно-практическая конференция «Литература и общественное сознание: варианты интерпретации художественного текста» (Бийский государственный педагогический университет, 2002), Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Коммуникация» (Барнаульский государственный педагогический университет, 2002), Международная научная конференция «Язык. Время. Личность» (Омский государственный университет, 2002), Международная научная конференция «Актуальные проблемы исследования языка: теория, методика, практика обучения» (Курский государственный университет, 2003), Всероссийский научно-методический симпозиум «Перспективы развития межрегионального образовательного пространства на базе гуманитарных кафедр российских университетов» (Алтайский государственный университет, 2003). Содержание работы отражено в 7 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, а также приложения, в котором представлены образцы анкет, предлагаемых в эксперименте.

Глава 1. Теоретические основы изучения языковой способности индивида в переводческой деятельности

1.1. Постановка проблемы изучения языковой способности индивида

1.1.1. Современные подходы к определению языковой способности

Понятие «языковая способность», введенное А.А. Леонтьевым, в современной лингвистической науке не является однозначным. В научных исследованиях используются термины «языковой / речевой механизм», «языковая / речевая способность», «языковая компетенция» и некоторые др. в зависимости от того, какой аспект находится в актуальном поле исследования и наиболее полно отражает функционирование определенного языкового явления. Само понятие восходит к идее Л.В. Щербы о психофизиологической речевой организации индивида как системе потенциальных языковых представлений [Щерба 1974], в которой впервые были выявлены такие базовые характеристики языковой способности, как психофизиологическая основа, ментальность, готовность индивида к речесмысловосприятию / порождению.

Рассмотрение содержания понятия *языковой / речевой способности* начнем с позиции В. фон Гумбольдта. «Усвоение языка детьми – это не ознакомление со словами, не простая закладка их в памяти и не подражательное лепечущее повторение их, а *рост языковой способности с годами и упражнением*;... Успехи здесь растут поэтому не как при заучивании вокабул..., но с постоянно увеличивающейся скоростью, потому что *рост способности и накопление материала подкрепляют друг друга и взаимно раздвигают свои границы*. Что у детей происходит *не механическое выучивание языка, а развертывание языковой способности*, доказывается еще и тем, что коль скоро для развития главнейших способностей человека отведен определенный период жизни, то все дети при разных обстоятельствах начинают говорить и понимать внутри примерно одинаковых возрастных пределов с очень небольшими колебаниями» [Гумбольдт 1984, с. 78] (курсив мой. – Е.Я.).

Важно подчеркнуть, что В. фон Гумбольдт актуализирует 1) *динамичность* языковой способности, 2) *взаимовлияние* развивающейся языковой способности и речевых навыков, 3) *усложнение механизма* языковой способности у формирующейся языковой личности.

Необходимо акцентировать и следующее положение В. фон Гумбольдта: «...человек повсюду одинаков, и способность к языку может поэтому развиваться при поддержке первого попавшегося индивида. Развитие это тем не менее совершается *внутри самого человека...*» [Гумбольдт 1984, с.79] (курсив мой. – Е.Я.).

Положение В. фон Гумбольдта о «врожденности» механизма языковой способности актуализируется в современных лингво- и психолингвистических исследованиях, и было подчеркнуто Н.И. Гореловым. «Гораздо более основательной является, вероятно, позиция тех, кто считает, что человек *биологически наследует некую общую основу развертывания любого языка*, своего рода универсальную грамматику. Сомнительно, чтобы младенец «начинал с нуля» и овладевал за короткий период *наименее сознательной части* своей жизни сложнейшим механизмом речи» [Горелов 1974, с. 8] (курсив мой. – Е.Я.).

Многие ученые определяют *способность* как потенциальную готовность носителей языка к пониманию и производству речи (Г.И. Богин). Употребление другого термина – *компетенция* – предполагает знание неких неосознаваемых / осознаваемых правил языка и умение воспользоваться ими в конкретной коммуникативной ситуации. Те, кто использует термин *языковая личность*, прежде всего, подразумевают антропологический аспект моделирования феномена, поскольку именно человек как носитель вербально-авербальных, когнитивных, аффективных и иных механизмов находится в этом случае в центре исследования. В нашей работе мы используем оба термина – компетенция и способность – как взаимодополняющие.

Так, А.А. Залевская дает следующее определение языковой способности: «*устройство, предназначенное для осуществления определенных про-*

цессов, обладающее возможностями (и накладываемыми на них ограничениями), которые определяются материальным субстратом – мозгом, и доступное для исследования на различных уровнях» [Залевская 2001, с.51] (курсив автора. – Е.Я.). При этом механизм (структура) и процессы (функционирование) являются взаимозависимыми и взаимообусловленными.

А.А. Залевская отмечает следующие общие характеристики/принципы работы речевого / языкового механизма: *функциональность* – предназначенность для использования в целях какой-либо деятельности; *динамичность* – способность формироваться, варьироваться, развиваться в соответствии с внешними и внутренними условиями осуществления деятельности; *интегративность* – способность обеспечивать *компрессию смысла* за счет включения «в себя» комплекса потенциальных возможностей развертывания ситуации, описания объекта и пр.; *кодовая вариативность* – *разнообразие форм репрезентации знаний* [Залевская 1999, с. 53] (курсив автора. – Е.Я.). Последние две характеристики являются существенным дополнением психолингвистики к свойствам языкового механизма, отмеченных В. фон Гумбольдтом. Под интегративностью в данном случае мы понимаем набор гетерогенных функциональных опор в речемыслительной деятельности индивида, обеспечивающих, например, вероятностную актуализацию некоего ментального содержания; кодовая вариативность представлена наличием когнитивных структур различных типов и различной степени осознания в структуре языковой личности.

С учетом вышеизложенного предлагаем собственное определение языковой способности, отражающее ее наиболее релевантные в данной работе характеристики. Итак, языковая способность – это **универсальный механизм вербализации ментального содержания, представляющий собой совокупность оптимизирующих когнитивных стратегий, способный к развитию по законам функциональных динамических систем.**

1.1.2. Особенности формирования языковой способности в условиях учебного двуязычия

Поскольку в фокусе нашего исследования находится языковая способность формирующихся билингвов, нас, прежде всего, будут интересовать вопросы, связанные с особенностями формирования вторичной языковой личности в условиях учебного двуязычия. При этом под *двуязычием*, или *билингвизмом*, в данной работе понимается процесс овладения вторичной языковой системой, в результате которого происходит операционализация неосознаваемых в большинстве случаев носителями языка когнитивных стратегий и формирование новых когнитивных структур, не присущих родному языку индивида.

В большинстве случаев фаза понимания иноязычной речи предшествует фазе вербализации своих мыслей средствами иной языковой системы, а не осуществляются одновременно. Известно, что «состояние ... необученности второму языку может быть сравнимо с фазой **готовности замысла при невозможности его реализации в акте речевой деятельности**» (выделено автором. – Е.Я.); «причина невозможности речи у лица, приступающего к овладению вторым языком, в том, что нет соответствующей модификации второй сигнальной системы» [Горелов 1974, с.74]. То есть понимание речи не абсолютно зависит от умения воспроизводить чужую или производить собственную речь [Леше, цит. по: Горелов 1974].

Это подтвердили данные эксперимента: понимание осуществляется, однако перевыражение содержания на другом языке во многих случаях затруднено, несмотря на то, что в большинстве своем билингвы владеют метаязыковыми знаниями, а также знаниями декларативного типа (т.е. знаниями значений вербальных единиц). Отсюда возникает вопрос о содержании понятия языковой способности. Неспособность выразить мысль средствами другого языка – это результат недостаточного развития языковой *компетенции* или собственно языковой *способности*?

Проблема заключается, видимо, в том, что на этапе так называемого «промежуточного языка» у обучаемых недостаточно сформирован механизм создания функциональных опор, при котором «вербальные единицы увязываются (по принципу информационного уподобления) с определенными *процедурами оперирования* единицами субъективного кода» [Залевская 2002, с. 47] (курсив мой. – Е.Я.). Таким образом, владение значением языковой единицы не обязательно влечет за собой умение ее применять в речевой деятельности, т.е. неразвито процедурное знание. Следовательно, неспособность выразить мысль средствами другого языка есть результат недостаточного развития языковой *компетенции*, а не собственно языковой способности, поскольку формирование и развитие языковой компетенции взаимосвязано с формированием коммуникативной компетенции; последняя есть следствие развития знаний *процедурного* характера – умения оперировать полученными функциональными ориентирами согласно целям коммуникации.

Н.И. Горелов, вслед за Л.С. Выготским, отмечает: явление обучаемости языку свидетельствует о том, что «язык не является базой интеллектуальных действий, **существует некоторый базис интеллектуальных действий, обеспечивающий переход от авербальной знаковой деятельности к вербальной**» [Горелов 1974, с.105] (выделено автором. – Е.Я.). Гипотеза Н.И. Горелова о функциональном базисе речи коррелирует с нашей гипотезой о существовании механизма когнитивной компетенции как набора оптимизирующих стратегий по обработке информации, служащего основой развития языковой и коммуникативной компетенций индивида. Таким образом, весь человеческий механизм речесмыслопорождения можно представить как триединство языковой способности, или когнитивной компетенции, языковой компетенции и коммуникативной компетенции. При этом как языковая, так и коммуникативная компетенции могут быть обнаружены только в условиях функционирования «промежуточного» слоя речевого механизма – языковой способности, обеспечивающей *вербализацию* некоего ментального содержания адекватными вербальными средствами в соответствии с целями

коммуникации. В целом, такая трактовка речевого механизма совпадает с моделью структуры языковой личности, предложенной Ю.Н. Карауловым: вербально-семантический, тезаурусный (когнитивный), мотивационный (прагматический) уровни [Караулов 1987, 1999]. Однако в модели Ю.Н. Караулова когнитивный уровень состоит из *понятий / концептов* (статичный аспект), структурирующих «картину мира» индивида, тогда как в нашей работе когнитивная компетенция, помимо этого, подразумевает и *способ построения, индивидуальные стратегии* образа мира (концептуальной картины мира) (динамичный аспект).

Каковы механизмы развития языковой *способности*, что является пусковым импульсом к развитию ее? Принцип опоры на родной язык при овладении иностранным имеет под собой психолингвистическое обоснование. Успешность овладения новым языком действительно зависит, с одной стороны, от уровня владения родным языком, что свидетельствует, по всей видимости, о *сформированности неких универсальных когнитивных стратегий* как результате овладения процедурным типом знания. Однако спецификой процесса обучения второму языку является *формирование новых когнитивных структур*, не присущих родному языку индивида – формирующегося билингва. Поэтому с другой стороны, на определенном этапе обучения когнитивные модели (схемы и пр.) родного языка могут оказывать негативное влияние на восприятие и овладение новыми когнитивными структурами, в связи с чем метод «прямого обучения» выглядит более предпочтительным по сравнению с методом сопоставительного обучения, т.к. позволяет избежать интерферирующего влияния родного языка.

Все эти вопросы, неоднозначно решаемые в современной науке, являются предметом рассмотрения в нашей работе, рассмотрения как теоретического, так и экспериментального.

1.1.3. Ассоциативное значение слова как способ интерпретации языковой способности индивида

Невозможно переоценить роль ассоциативного эксперимента в построении модели языковой личности и, следовательно, в изучении языковой способности индивида. Выявленные нами в ходе ассоциативного эксперимента поля ассоциативных значений / смыслов¹ определенных выражений помогают воссоздать когнитивные структуры текста, а через них выйти и на модели когнитивного поведения конкретной личности, ее когнитивный стиль.

Многие исследователи подчеркивают важность такого пути исследования проблемы. Так, В.А. Пищальникова отмечает «зависимость *порождения смыслов* от ассоциативно-апперцепционного содержания концептуальной системы реципиента и продуцента» [Пищальникова 1997а, с.77] (курсив мой. – Е.Я.).

В психолингвистике ассоциативное значение слова является полем формирования *опорных схем понимания* текста. В значении слова, находящемся в «нулевом контексте» (т.е. отдельно взятое слово / словосочетание в отрыве от контекста), можно обнаружить закономерности организации смыслового поля, актуальные для проекции текста. При этом имеется определенная *вероятность* формирования тех или иных типов сложных опорных комплексов поиска информации в памяти, общих для ряда читательских проекций текста, которая определяется спецификой ассоциативного значения опорного слова и способствует сохранению инвариантности понимания текста.

¹ В современной лингвистике поле рассматривается как системное образование, характеризующееся связями и отношениями, имеющее собственные специфические черты, такие, напр., как структура поля. Поле является одной из форм систематизации языкового материала, а потому служит своеобразной *моделью* описания языковых фактов. Таким образом, поле – это модель отношения языковых единиц, в частности, лексических, в которой выделяются различные структурные компоненты, чаще всего ядро (максимальная концентрация полнообразующих признаков в ядре) и периферия (неполный набор признаков и/или ослабление их интенсивности).

Выделенные положения позволили нам разработать многоэтапный эксперимент, направленный на выявление некоторых характеристик языковой способности. Во-первых, в ходе второго этапа эксперимента испытуемым было предложено задание отметить в тексте подчеркиванием те слова и / или выражения, которые, на их взгляд, максимально передают смысл всего текста. Абсолютное большинство испытуемых отметили в качестве таковых метафорические структуры и компоненты, поддерживающие эти структуры. Таким образом, метафоры, выделенные нами как *опорные слова* в каждом тексте (т.е. несущие основную смысловую нагрузку), были также отмечены в ответах респондентов как опорные. Во-вторых, выделенные метафоры послужили *словами-стимулами* при проведении ассоциативного эксперимента. В задачи проведения ассоциативного эксперимента логично вошло и подтверждение следующей гипотезы. **Ассоциативное значение метафоры в «нулевом контексте» может рассматриваться как смысловая опора для порождения текста.** Кроме того, вклад свободного ассоциативного эксперимента в изучение языковой способности заключается в выявлении компонентов значения *разной степени осознаваемости*.

1.1.4. Языковая способность как функциональная динамическая категория

В нашей работе языковая способность (далее – ЯС) рассматривается как *динамическая функциональная система, способная к саморазвитию в процессе формирования языковой компетенции* носителей языка. Одним из условий успешного развития языковой компетенции является обучение и овладение вторым языком, при которых неосознаваемые в большинстве случаев носителями языка механизмы функционирования языковой способности попадают в фокус сознания, становятся элементом метакогнитивного анализа. «Языковая компетенция одновременно и обуславливает пользование языком, и формируется через последнее» [Залевская 2002, с. 21].

«Понятие языковой способности возникло как часть триады: «система – процесс – механизм» и может рассматриваться только в связях и отношениях с другими компонентами триады. Языковая способность как механизм является *динамическим образованием*» [Шахнарович 1995, с.213] (курсив мой. – Е.Я.).

А.М. Шахнарович рассматривает ЯС как иерархическое образование, состоящее из «ярусов», при этом структура ЯС коррелирует со структурой языковой системы. По мнению Шахнаровича, ЯС является полностью приобретенной, а не врожденной, однако исследователь признает существование *неосознаваемых психолингвистических правил в сознании индивида*, по которым тот пользуется языком. Это становится возможным через совместную предметную игровую деятельность, критерий адекватности выбора языковых единиц – коммуникативный успех. Вместе с тем «Процесс использования (психологических) орудий, культурные правила их выбора и ситуативная организация находятся *вне собственно языковой способности*» [Шахнарович 1995, с.223] (курсив мой. – Е.Я.). Действительно, если рассматривать языковую способность с лингвистической (психолингвистической) точки зрения, то ее операциональная природа лежит вне рассмотрения исследователей. Однако именно она и является наиболее притягательным объектом изучения. Расширение методологических рамок за счет интеграции традиционной лингвистики и психолингвистики с когнитивной лингвистикой ведет к изменению угла зрения на природу языковой способности индивида как *когнитивного механизма*. Основной категорией когнитивной лингвистики должна быть «*языковая способность как совокупность операциональных ментальных механизмов, осуществляющих вербализацию знаний и мнений*» [Пищальникова 2003, с. 6] (курсив автора. – Е.Я.).

Т.е. словоупотребление (собственно процесс пользования языком) относится А.М. Шахнаровичем, с нашей точки зрения, к сфере *коммуникативной компетенции* (далее КК – Е.Я.). Поэтому структура языковой личности выглядит следующим образом: ЯС+КК. Следовательно, ЯС принадлежит об-

ласти языка как потенции, а КК – это язык-реализация. С нашей точки зрения, ЯС как динамическая функциональная категория может рассматриваться одновременно и как *процесс*, и как *результат*, являющихся двумя сторонами единого речевого механизма индивида.

Психолингвистический подход к ЯС развивается в *теории деятельности А.Н. Леонтьева*, отмечающего корреляцию структур речевой и предметной деятельности и возникновение первой на основе второй (предметной). Возможно следующее определение ЯС: «многокомпонентная функциональная система, являющаяся следствием *отражения (и генерализации) элементов системы родного языка*»; это «система элементов и прескрипторного типа правил их реализации» [Шахнарович 1995, с.214] (курсив мой. – Е.Я.). Но при этом возникает вопрос: почему только родного? Как быть с другими языками? А собственно *изучение* иностранного языка? На наш взгляд, ЯС является механизмом, определяющим принципом функционирования *любого* языка. Кроме того, необходимо вычлнить и другой вопрос: в каком виде хранятся эти правила выбора адекватного значения, грамматической формы и пр.? Неясным остается, с нашей точки зрения, и вопрос о том, каким образом «прескрипторные правила» усваиваются носителем языка в наименее осознаваемый период жизни. Более вероятно существование врожденной *готовности к формированию универсальных стратегий* обработки информации.

Н.И. Горелов считал, что оперирование формой и содержанием текста/речи происходит автономно, поэтому сначала происходит понимание речи, а позднее приобретает способность к построению собственных выражений, что подтверждается процессом овладения вторым языком.

В соответствии с нашей гипотезой *понимание* речи осуществляется «легче», чем *порождение* собственного высказывания на родном / неродном языке именно потому, что ЯС – универсальный механизм вербализации. Он освоен человеком в определенный период жизни, но способен к развитию и переструктуризации в течение всей жизни индивида. Но однозначной зависи-

мости между ЯС и языковой компетенцией нет, что и доказывается нами экспериментально.

Нейрофизиологическим обоснованием механизма ЯС является признание двух относительно автономных и своеобразно устроенных ментальных структур в качестве его основы. Вербальная левополушарная структура дискретных единиц построена на жестких логических правилах. Напротив, вербальная правополушарная структура обеспечивает соотнесение (хотя и «грубое») вербальных структур с внешним миром на основе «перцептивного эталона», сохраняющего цельность и континуальность описываемого события [Сахарный 1994, с.48]. Исследователями отмечается функциональное взаимодействие двух выделенных блоков мозга, их компенсаторность и дополнительность. Взаимодействие разноуровневых мозговых структур происходит в виде обмена опытом функционирования.

Выводы

Нами были рассмотрены различные исследовательские подходы к определению ЯС и выработана собственная позиция, опирающаяся на теоретические положения В. фон Гумбольдта, Н.И. Горелова, А.А. Залевской, А.А. Леонтьева, В.А. Пищальниковой. Наша позиция заключается в следующем. *Языковая способность, или когнитивная компетенция является совокупностью механизмов, имеющих операциональную (когнитивную) природу и осуществляющих вербализацию ментального содержания.* Механизм ЯС рассматривается нами в динамическом аспекте как функциональная динамическая система, способная к саморазвитию в процессе формирования языковой компетенции индивида.

В ходе анализа концепций были выявлены актуальные для нашей работы специфические *свойства языковой способности:*

- *динамичность* (развитие / формирование механизма ЯС);
- *взаимовлияние* развивающейся ЯС и речевых навыков (коммуникативной компетенции);

— *усложнение механизма ЯС* у формирующейся языковой личности (появление качественно новых когнитивных структур);

— *интегративность* (комплекс потенциальных возможностей / вероятность актуализации каких-либо компонентов);

— *кодовая вариативность* (существование различных типов когнитивных структур в структуре языковой личности, наличие определенных предпочитаемых когнитивных стратегий);

— основу ЯС составляют *универсальные стратегии обработки информации* (когнитивная готовность – некая общая биологически наследуемая основа развертывания любого языка).

Способность индивида к изучению иностранного языка обусловлена *сформированностью неких универсальных когнитивных стратегий*, т.е. наличием развитой когнитивной компетенции индивида. В работе дано теоретическое обоснование специфики овладения вторым языком с точки зрения *формирования новых когнитивных структур*, не присущих родному языку индивида – формирующегося билингва. Специфика становления вторичной языковой личности заключается в том, что процесс понимания иноязычного высказывания протекает быстрее и вызывает меньше затруднений у формирующихся билингвов, чем процесс вербализации. Данное положение основано на признании *отсутствия прямой однозначной зависимости между развитием языковой способности и языковой (и коммуникативной) компетенции*.

Поскольку сущность механизма ЯС заключается в вербализации ментального содержания – *порождения смыслов*, подчеркивается необходимость изучения *ассоциативно-апперцепционного содержания концептуальной системы* индивида. Необходимость подобного изучения продиктована исследовательской точкой зрения на ассоциативное значение как *основу формирования смысловых опор текста*. Кроме того, теоретически обоснована определенная *вероятность* формирования тех или иных типов сложных опорных комплексов поиска информации в памяти, инвариантных для целых групп

носителей языка. Инвариантность понимания текста обусловлена специфической ассоциативного значения опорного слова.

Нейрофизиологическую основу механизма ЯС составляет взаимодействие двух специфических асимметрических ментальных структур, локализуемых соответственно в правом и левом полушариях мозга и действующих по типу функциональных динамических систем.

1.2. Отражение языковой способности индивида в метафоре как элементе переводческой деятельности

Интерес к метафоре как компоненту речемыслительной деятельности вообще и перевода, в частности, вызван насущной потребностью науки, пытающейся *вскрыть механизмы мышления*, найти ту грань, за которой нейрофизиологические процессы мозга «вдруг» превращаются в продукты мышления. Извечный вопрос о соотношении мышления и речи получает в исследовании перевода наиболее очевидное освещение из-за специфики процесса перевода как особого вида речемыслительной деятельности. Именно здесь уникальность человеческого восприятия и порождения речи – мысли проявляется с максимальной наглядностью.

В соответствии с характером научного объекта психолингвисты разделяют и обособляют процессы восприятия и порождения речи, акцентируя какой-либо один аспект. Такое искусственное разделение хотя и имеет право на существование, однако не способствует их комплексному рассмотрению как сторон *единого смыслопорождающего процесса*. Исследование *метафорических смыслов* в аспекте переводоведения позволит взглянуть на эти проблемы с новой точки зрения. Поэтому в своей работе мы опираемся на ряд теоретических положений когнитивистики, разрабатывающей вопросы формирования и функционирования языковой способности в целом.

В современных подходах к теории перевода отражаются разные взгляды, освещаются проблемы целей и задач перевода, способов передачи ин-

формации, формы и содержания текстов оригинала и перевода, а также рассматриваются культурологические, психологические и прочие особенности данного процесса. Нас прежде всего интересуют *способы языковой фиксации ментальных структур*, т.е. когнитивные структуры, лежащие в основе метафоры. Метафоризация – универсальный механизм познания мира. Законы создания аналогических соответствий, лежащих в основе метафоризации, как показывают многочисленные исследования, можно считать едиными для всех людей. Следовательно, при переводе метафор могут акцентироваться определенные факторы, способствующие/не способствующие адекватности перевода, то есть адекватной передаче когнитивной структуры метафоры.

1.2.1. Перевод как речевая деятельность индивида

Прежде всего необходимо определить статус перевода. Долгое время существовал единый подход в определении места перевода в языковом бытии индивида. Согласно этой традиционной точке зрения, перевод представляет собой особый вид речевой деятельности наряду с другими ее разновидностями: говорением, чтением, письмом, аудированием. Помимо собственно лингвистических, нейрофизиологических и иных особенностей, этот вид деятельности характеризуется построением текста, эквивалентного оригиналу, по заданной программе на другом языке с учетом языковых и узуальных норм последнего. Отсюда текст перевода является *вторичным* образованием на основе первичного – текста оригинала. При этом основной проблемой такого подхода была и остается проблема эквивалентности².

Однако ряд исследователей придерживается иной трактовки статуса перевода. Это связано, во-первых, со сменой научной парадигмы – осуществляющимся отходом от принципов системоцентристской лингвистики, с развитием психолингвистических и когнитивных штудий. Перевод рассматрива-

² Подробнее об этом см. в разделе 1.2.2. «Метафора как компонент текста перевода: анализ современных концепций».

ется как глобальное явление в сфере межкультурного общения; более того, он сам конструирует культуру. Во-вторых, термин «перевод» понимается сейчас расширенно: это не перекодировка и трансляция языковых структур, а процесс *постоянной взаимной интерпретации* знаков [Клюканов 1998]. Таким образом, культура представляет собой результат интерпретации системы знаков, а межкультурная коммуникация – это взаимоперевод знаков различных культур. С когнитивной точки зрения перевод является *первичным и центральным* по отношению ко всем остальным аспектам жизнедеятельности людей, находящихся в процессе межкультурной коммуникации. Т.А. Фесенко в этой связи приписывает вторичный характер образования самому естественному языку, трактуя перевод предельно расширенно: «основу этого феномена составляет перевод образов восприятия и памяти человека, образов его сознания в графический и звуковой ряд» [Фесенко 2002, с. 16] (подчеркнуто автором – Е.Я.). При таком подходе вопрос об эквивалентности текстов перевода оригиналу становится избыточным.

Для нас важно, что такое понимание перевода ведет к актуализации проблемы *когнитивной (языковой) способности как совокупности механизмов, обеспечивающих создание интегративных когнитивных структур, операционально связывающих когнитивные структуры исходного и переводного языков. Перевод не просто посредник между двумя языковыми системами, а особый когнитивный процесс.*

1.2.2. Метафора как компонент текста перевода: анализ современных концепций

1.2.2.1. Метафора в лингвистических теориях перевода

Лингвистические концепции перевода возникли раньше других и претерпели значительные изменения, связанные с развитием представлений о лингвистическом объекте и эволюцией научного лингвистического знания. Все они сводимы к *субститутивно-трансформационным теориям*, в основе которых лежит идея преобразования текстов на основе нахождения эквива-

лентных или соотносимых единиц. Лингвистические теории перевода моделируют *закономерности* трансформации текста оригинала (ИЯ) в текст на языке перевода (ПЯ). При этом рассматривается техническая сторона переводческой деятельности, дается детальное описание способов перевода (опущение, добавление, замена, антонимический перевод и т.д.) и применения их. Однако на практике это знание мало эффективно. Опыт переводчиков свидетельствует о том, что в принятии переводческого решения переводчик руководствуется конкретной коммуникативной целью, которая и определяет выбор той или иной стратегии. В свою очередь коммуникативная цель формируется на базе *понимания текста* и *рефлексии над способами представления содержания текста*. Поэтому есть типология техники перевода, но нет и, на наш взгляд, не может быть типологии переводческих решений, поскольку понимание речевого произведения осуществляется по принципу функциональных систем [П.К. Анохин, Н.И. Жинкин, В.А. Пищальникова и др.]. Отсюда знание субститутивно-трансформационных правил в отрыве от целей их применения несколько не помогает в самом переводческом процессе, а иногда даже мешает ему. Начинаящий переводчик перебирает известные ему способы перевода в попытке создать адекватный текст на ПЯ, но это не приводит к удовлетворительному результату. По справедливому замечанию Н.К. Рябцевой, «переводить могут все, но объяснить, как это происходит, – никто», так как мыслительные процессы в значительной степени протекают на бессознательном уровне [Рябцева 1997, с. 42]. Именно поэтому мы обращаемся к исследованию переводческой деятельности «стихийного переводчика» – формирующегося билингва, который не владеет всеми имеющимися трансформациями языковых структур, принятых в среде профессиональных переводчиков. Это с необходимостью приводит к актуализации определенных когнитивных структур, в той или иной степени способствующих переводу. Закономерности такой актуализации и составляют предмет нашего исследования.

Отсюда положения о переводе как ряде трансформаций и принципиальной переводимости / непереводимости текстов с ИЯ на ПЯ рассматриваются нами в ином ракурсе. Они базируются на нескольких положениях о невозможности адекватного перевода. Во-первых, такая невозможность происходит из несовпадения предметно-понятийных рядов в разных культурах. Во-вторых, проблема непереводимости часто объясняется лингвистическими трудностями, «коммуникативной недостаточностью» слова, и в этих смыслах она является скорее лингвокультурологической, нежели проблемой собственно перевода.

Согласно третьей позиции, каждый язык обладает богатыми потенциями для передачи какой угодно мысли, и задачей переводчика является поиск равноценных языковых средств для выражения данного содержания.

Все приведенные точки зрения, несмотря на значительные расхождения, могут быть объединены категорией *языковая компетенция* индивида, под которой обычно понимается степень владения определенным языком. Но общеизвестен факт, что даже в процессе одноязычной коммуникации между ее участниками нередко возникает недопонимание (а иногда и полное непонимание), и здесь дело объясняется не только языковой компетенцией. Мы считаем, что нельзя создать текст перевода, который был бы точной функциональной, коммуникативной и пр. копией оригинала, как невозможно абсолютное совпадение *содержания концептуальных систем индивидов*. А понятие концептуальной системы включает не только знания о предметах и понятиях, о языковых знаках и их соотношениях, но и о *способах представления любого знания в вербальных структурах*. «Структуры передаваемых в акте коммуникации знаний (когнитивных содержаний) небезразличны и к структурам сообщений, языковых форм, в которых эти знания (содержания) передаются» [Шахнарович 1995, с.220]. Именно *разницей в способах вербализации знания* определяются трудности переводческой деятельности. (Вспомним при этом, что процессы мышления и собственно речевые не имеют прямых корреляций.) Выбор такого способа (или иначе стратегии) пере-

хода от «смыслового индивидуального кода к внешнеречевому объясняет возможность реализации одной и той же программы с помощью различных языковых средств» [Залевская 1990, с. 74]. В связи с этим сам процесс вербализации приобретает вероятностный характер.

Поэтому мы акцентируем иной аспект перевода как вида речемыслительной деятельности – когнитивный, где основной интерпретирующей категорией будет языковая способность (в последнее время ее иногда называют когнитивной компетенцией, чтобы избежать омонимии с известным термином Л.В. Щербы). И в этом аспекте для нас важны многие результаты, полученные в рамках лингвистической теории перевода, поскольку они *обнаруживают* когнитивное содержание многих языковых структур и выявленных закономерностей их трансляции.

В рамках субститутивно-трансформационной теории перевода выделяют различные *уровни эквивалентности*, или *степени закономерных соответствий* языковых структур разных языков [Бархударов 1975, Рецкер 1974, Латышев 1986, Мчедlishvili 1986, Комиссаров 1988, 1999, Влахов, Флорин 1986, Найда 1978, Ферс 1978 и многие другие]. Так, Я.И. Рецкер в своей теории выделяет три вида закономерных соответствий: эквивалентные соответствия (полное соответствие значений между ИЯ и ПЯ); вариантные и контекстуальные соответствия (отражают традиции словоупотребления и включают устойчивые словосочетания); переводческие трансформации, делающие текст уместным и адекватным [Рецкер 1974]. Очевидно, что когнитивно адекватными являются лишь соответствия первой группы, тогда как все другие – *функционально соответственны*. Знание таких соответствий не помогает при переводе метафорических конструкций, по определению служащих для передачи *нового знания*, то есть представляющих специфическую концептуальную структуру, когда нестабильное ментальное содержание фиксируется конвенциональными языковыми средствами. Налицо когнитивный (познавательный) процесс, стремящийся зафиксировать познанное индивидом, но еще не стабилизировавшееся в сознании этноса.

Сторонники *ситуативной теории перевода* полагают, что языковые средства описывают *сходные ситуации в разных языках, а не отдельные реалии*. Знание различий в представлении ситуаций, сформулированное в понятиях фреймов и сценариев, действительно необходимо для достижения адекватного перевода. Когнитивная теория фреймов, предложенная в свое время Ч. Филлмором, базируется на выявлении структур знаний, в известной мере определяющих функционирование естественного языка. Согласно Ч. Филлмору, эти структуры знаний представляют собой *пакеты информации, обеспечивающие адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций*. Фреймы позволяют прогнозировать будущие события на основе ранее встречавшихся сходных по структуре событий, поставляя контекстные ожидания [Филлмор 1988, с. 52-93].

Теория фреймов, безусловно, внесла большой вклад в «расшифровку» устройства человеческой памяти, в выявление способов организации знаний и в моделирование процессов речепорождения, в том числе и в межъязыковой коммуникации. Однако она касается лишь стабильных компонентов знания, состоящих из стабильного же соотношения ментального содержания, ситуации и языковой репрезентации их. Применение теории фреймов эффективно в случае с переводом метафоры по уже определенным нами основаниям.

Таким образом, метафора «не вписывается» в субститутивно-трансформационные модели перевода, поскольку метафора – это каждый раз создание нового смысла в процессе речемышления, а не манипуляции переводчика по замене знаков одного языка на знаки другого. Кроме того, в рамках субститутивно-трансформационной модели не рассматривается процессуальный аспект выработки переводческих решений, значительный при репрезентации содержания метафоры. Взгляд на перевод как простую трансформацию текста исключает из поля зрения исследователей самого переводчика, его лингвистические и экстралингвистические установки, а также проблему восприятия и понимания текста переводчиком. А ведь именно с

восприятия текста и начинается весь процесс речесмыслопорождения. *Механизм метафорообразования как специфического способа познания мира неизбежно ставит вопрос о языковой способности (когнитивной компетенции) и языковой активности человека. Следовательно, возникает необходимость разработки когнитивного подхода для решения переводоведческих задач, поскольку в рамках рассмотренного лингвистического подхода сделать это представляется маловероятным.*

1.2.2.2. Метафора в коммуникативных / деятельностных теориях перевода

Коммуникативная, или деятельностная онтология перевода вобрала в себя положения нескольких наук, главным образом информатики и психологии. Их интеграция с лингвистическими дисциплинами привнесла в теорию перевода иные методы исследования, постановку новых проблем и иную трактовку старых.

Акцент смещается с операций *трансформации* текста на *личность* переводчика, что впервые позволяет включить в исследование проблематику понимания текста. До этого момента проблема понимания даже не ставилась перед исследователями перевода. Априорно признавалось, что переводчик уже как-то понял текст оригинала, но что значит «понял» и «как» он это понял, не раскрывалось. И это вполне «уживалось» с другим вопросом: если бы процесс перевода в самом деле представлял собой цепочку замен, то чем объяснить существование множества вариантов перевода одного и того же текста?

Постановка проблемы понимания в рамках перевода породила и новый взгляд на сам *процесс* перевода. Как отмечает А.Н. Крюков, проблема понимания занимает центральное место в деятельностной теории, поскольку, только понимая текст на ИЯ, переводчик может строить текст на ПЯ сразу как «некоторое речемыслительное целое, а не «собирать» его путем манипуляций с единицами исходного текста» [Крюков 1997, с. 80].

Процесс перевода в данном подходе называют по-разному – коммуникативным, деятельностным, или психолингвистическим, но всегда имеется в виду одно и то же: процесс перевода – это межъязыковая коммуникативная деятельность по порождению речи, когда содержательная сторона высказывания (или ее программа) задается извне.

В основу коммуникативного / деятельностного подхода к переводу были положены идеи теории деятельности А.Н. Леонтьева и теории информации. Известно, что А.Н. Леонтьев представлял человеческую деятельность как процесс, опосредованный знаком [Леонтьев 1983, т.1]. Это положение активно используется современными исследователями в разных областях знания. А.Н. Леонтьеву принадлежит и идея разделения личностного смысла и психологического значения, являющегося актуальным для перевода метафоры. Перевод метафоры всегда был и остается пробным камнем для переводчиков. Это разграничение, по сути, лежит, например, в основе концепции перевода З.Д. Львовской, хотя автор ее не пользуется психолингвистической терминологией. В рассматриваемом подходе акцент смещается с лингвистических трудностей перевода на смысловую структуру текста, на мотивацию деятельности автора и переводчика, что кажется нам вполне правомерным. Опираясь на дихотомию смысл / значение в теории перевода, З.Д. Львовская рассматривает переводческий процесс через проблему понимания. Смысл высказывания, акцентирует исследователь, ориентирован в первую очередь на самого *автора*, на речевую ситуацию в целом, которая не зависит от языковых различий. Такой подход снимает остроту проблемы зависимости переводческих решений от языковых особенностей текстов.

Основная проблема перевода с точки зрения З.Д. Львовской заключается в том, что языковое значение предложения и контекста неоднозначно сигнализирует об их смысле [Львовская 1985, с. 20]. Здесь мы обнаруживаем сходство с *теорией доминанты* [Пищальникова 1992, 1999], базовые положения которой заключаются в следующем. Во-первых, психолингвистическая теория доминантных смыслов опирается на психологическое учение о

регуляции высшей нервной деятельности посредством доминирования центров [Ухтомский 1978]³. Во-вторых, под доминантным смыслом понимается инвариант личностных смыслов, акцентирующих авторскую позицию в тексте. В-третьих, актуализация доминантного смысла реализуется в структуре соотношений языковых единиц, фиксирующих значимые для автора личностные смыслы. В-четвертых, понимание доминантных смыслов осуществляется на основе концептуальной системы реципиента. При этом под пониманием подразумевается процесс интерпретации, построения личностного смысла в конвенциональных языковых единицах. В-пятых, смысл текста является собой непрерывное смысловое пространство, при восприятии которого происходит одновременно актуализация имеющихся концептов и построение новых на основе собственной концептуальной системы. Непрерывность смыслового континуума обеспечивается континуальностью его составляющих – концептов, а вероятностный характер понимания – разницей потенциалов концептуальных систем продуцента и реципиента. В-шестых, регулирующая роль в адекватном понимании доминантных смыслов текста принадлежит эмоциональному компоненту (эмоциональной мотивированности процесса понимания). С одной стороны, через систему эмоций (доминантных и производных), всегда имеющих индивидуальную структуру, реализуется авторская мотивация. С другой стороны, сама доминантная эмоция текста обнаруживается за счет акцентуации языковыми средствами.

Итак, для нас значимым является положение о том, что нет универсального инвариантного смысла текста, а существует представление сугубо индивидуальных, личностных смыслов конвенциональными языковыми средствами. То есть восприятие языкового значения служит лишь «точкой отсчета» в непрерывном процессе интерпретации и построения смыслового пространства в своей концептуальной системе. Это положение соотносимо с

³ Доминанта определяется как очаг повышенной возбудимости. Впоследствии это учение было переработано и применено в психолингвистике для объяснения механизмов понимания текста.

трактовкой метафоры как одного из основных способов смыслопорождения, поскольку именно в метафоре континуальность смыслов «остановлена» в дискретных языковых единицах. А потому важен не только и не столько эквивалентный перевод языковых значений, сколько перевод того, что стоит за ними, то есть передача эквивалентного смысла.

Еще раз акцентируем важность введения категории значения. В *лингвистическом подходе*, где метафора рассматривается как сокращенное сравнение, дистинкция «смысл / значение» вообще игнорируется. В данном случае пытаются установить прямую связь между значениями отдельных компонентов и метафорическим выражением в целом. Смысл метафоры, отсюда, равняется сумме значений его компонентов. Совершенно очевидно, что подобный механистический подход не соответствует действительности. Метафора является *системой* порождения новых смыслов, и механизм ее бытования в речи и мышлении тоже подвержен действию функционального принципа.

Заслугой же *коммуникативного подхода* является преодоление этого недостатка путем введения категории личностного смысла / языкового значения в теорию перевода. Однако для нас значение является прежде всего психологическим и *когнитивным механизмом познания*, усвоение и *интеприоризация* которого переводчиком дает ключ к когнитивной компетенции автора. Под «значением» мы понимаем способ представления ментального содержания в языковой единице.

Поскольку перевод традиционно связан с проблемой эквивалентности, то в рамках *коммуникативной парадигмы* эта проблема решается следующим образом. Коммуникативно-функциональный подход рассматривает вопрос об инвариантности в переводе с точки зрения неизменности прагматических, а не семантических (лингвистических) структур текстов на ИЯ и ПЯ. Эффект, производимый на читателя, должен соответствовать интенции автора, то есть подразумевает прагматическую инвариантность. По сути, речь идет о нахождении доминантного смысла. Теория доминантного личностного смысла,

разработанная в трудах В.А. Пищальниковой, нашла свое отображение в последующих исследованиях многих ученых. Например, об этом же, используя другую терминологию, говорит А.Н. Крюков, вводя в коммуникативную теорию перевода «закон гомоморфизма рецептивного смысла интенциональному» [Крюков 1997, с. 83]. С его точки зрения, модель перевода должна строиться на уровне интенционального смысла, и все возможные модификации конвенционального значения оригинала должны начинаться одной цели: ограничение рецептивного произвола через максимальное приближение к интенциональному смыслу, заложенному автором текста на ИЯ [там же]. Другими словами, переводчику необходимо раскрыть мотивацию исходного текста. Опять мы возвращаемся к идее о доминантной эстетизированной эмоции, фиксирующей авторские смыслы, опираясь на которые возможно адекватное понимание текста [Пищальникова 1992].

Структура метафорического выражения репрезентирует не только новое ментальное содержание, в том числе и ассоциативное, но и специфический способ представления этого содержания. На наш взгляд, проблема адекватности перевода метафорических выражений подразумевает прежде всего *адекватность когнитивных структур текстов* на ИЯ и ПЯ, закрепляющих способы познания мира автором текста.

Следующее положение, разработанное в рамках коммуникативного подхода, представляет для нас чрезвычайную важность. *Деятельностная онтология* перевода рассматривает весь переводческий процесс как состоящий из определенного количества операций для решения переводческой задачи. В языках оригинала и перевода есть лишь ограниченное число однозначных соответствий. Поэтому в переводе действует *закон вероятностной детерминации* в принятии решений. Это отмечено, например, в исследовании В.А. Иовенко: «Вероятностный статус в переводческой деятельности связан с самой природой этого процесса и подтверждается вариативностью как универсальной формой существования речевых произведений» [Иовенко 1997, с. 89-90]. Однако здесь необходимо сделать некоторые поправки. Во-

первых, вариативность переводческой деятельности не «подтверждается», а обнаруживается в ней. Во-вторых, вариативность в свою очередь объясняется неповторимостью содержания и непрерывностью построения концептуальных систем автора и всех последующих переводчиков. Исходя из понимания перевода как основы речевой деятельности в межкультурной коммуникации, а самой межкультурной коммуникации – как взаимоперевода знаков разных культур [Клюканов 1998], необходимо отметить, что адекватность/эквивалентность текстов может носить только условный характер, так как знаки и сами культуры существуют как бесконечная интерпретация друг друга. В-третьих, перевод метафоры всегда осложнен синкретичностью и смысловой емкостью ее структуры, ее большим «когнитивным объемом», а «концептуально-когнитивный объем возрастает там, где любой знак полифункционален» [Бутакова 2001, с.30] (курсив автора. – Е.Я.). Нам представляется, что понимание текста оригинала и порождение текста перевода определяется функциональной природой речесмыслопорождения. Поэтому, отмечая достоинства представленной группы концепций, мы все же обратимся к когнитивному направлению в лингвистике для обоснования нашей теории.

1.2.2.3. Когнитивные основы переводческой деятельности

В когнитивном подходе получают дальнейшую разработку идеи, выдвинутые в свое время в рамках психолингвистического подхода. Отметим те из них, которые имеют для нас существенное значение. Прежде всего, это принцип вероятностной детерминации механизмов речемыслительной деятельности (и перевода), а также процесс речесмыслопорождения с точки зрения функциональной динамической системы. Важным для нашей работы является рассмотрение механизмов восприятия и понимания текста в целом и метафоры, в частности, изучение закономерностей их функционирования. Кроме того, следует отметить разработку проблемы сущности процесса метафорообразования в переводе. Целый ряд аспектов при этом получает новое освещение в когнитивном подходе. Опираясь на теоретические положения

когнитивной лингвистики, можно сделать вывод о прогностическом характере как процесса восприятия и порождения метафоры, так и переводческой деятельности в целом. Так, одной из основных категорий становится категория значения с точки зрения ее развития. В нашей работе проводится исследование **структуры метафоры как соотношения стабильных и динамических компонентов**. Акцент делается на изучении нестабильного ментального содержания, фиксируемого конвенциональными языковыми единицами. Кроме того, вводится понятие «когнитивной компетенции» как степени владения универсальными стратегиями по обработке и применению информации. По-новому решается и вопрос эквивалентности переводческих текстов. Доказано, что в качестве причин переводческих ошибок могут выступать как субъективные факторы (уровень языковой компетенции), так и вполне объективные – несовпадение концептуальных и когнитивных структур автора и переводчика [Романова 2002]. В переводческой деятельности искусственных билингов, для которых второй язык является неродным, актуализируются определенные переводческие стратегии, связанные с пониманием исходного текста. Исследование метафоры в переводческой деятельности в русле когнитивной лингвистики позволяет выявить *закономерности* такой актуализации с выходом на проблему перцептивных (и когнитивных) универсалий. Таким образом, мы обозначили круг вопросов, которые будут нами рассмотрены далее более подробно.

Известно, что не существует общепринятой модели процесса порождения речи, как нет и общей модели восприятия и понимания речи. Более того, все чаще утверждается, что процесс понимания разворачивается под действием закона вероятностной детерминации. В последнее время это основательно аргументировано в лингвосинергетических исследованиях [Бутакова 2001; Герман 2000; Герман, Пищальникова 1999; Горелов 1974; Демьянков 1983, 1994; Кинцель А.В. 1998, 2000; Москальчук 1998; Налимов, Дрогалина 1984; Пищальникова, Сорокин 1993; Пищальникова, 1997а, 1999, 2001; Сонин 1999; Староселец 1997; Швейцер 1988, 1997 и другие].

Современный подход к изучению так называемых когнитивных структур учитывает этот принцип при объяснении механизмов обработки информации человеком. Акцентируем внимание, что в этом случае речь идет конвенциональных, устоявшихся структурах знания и о последовательности (особенно последовательности стереотипных ситуаций) их хранения в памяти и развертывания в речи⁴.

Однако в реальной коммуникации реализуются не столько стереотипные ситуации, сколько нестереотипные. Поэтому в целом ряде исследований «фреймовые» представления получают развитие. Так, влияние отечественной психологии сказывается в такой позиции. Получатель приписывает сообщаемому некое содержание, извлекая из него элементы своих фоновых знаний. Поэтому понимание всегда активно, оно достраивает модельный идеальный мир до своего внутреннего мира. Процесс интерпретации текста представляет собой верификацию гипотез о предполагаемом смысле исходя из внутренних возможностей интерпретатора [Демьянков 1983]. Естественно, что модель текста никогда не равна самому моделируемому феномену. И такой подход представляется нам плодотворным.

В переводческой деятельности осуществляется моделирование исходного текста. Закономерности такого моделирования исследуются многими учеными. Например, в соответствии с лингвистической моделью порождения вторичного текста [Сунцова 1995] пусковым механизмом моделирования следует считать тему текста. При этом под темой понимается «ментальное образование, возникающее в мышлении в результате понимания текста и представляющее собой максимально свернутое его содержание» [Сунцова 1995, с. 10].

Процесс понимания может рассматриваться и как декодирование с языка слов на язык образов и мыслей. Основу этого процесса составляет су-

⁴ [см. ван Дейк 1989, Минский 1988, Рябцева 1997, Хайруллин 1995, Langacker 1986, Thelen and Smith 1993, Rumelhart & Ortony 1977, van Gelder 1990, Bechtel and Abrahamsen 1990, Laks 1996, Changeux 1990, Eliasmith 1996].

ществование единого *механизма смысловых замен*, обеспечивающего возможность адекватного понимания текста. Выдвигается основной принцип, предполагающий наличие сходных механизмов восприятия и порождения речи [Кузьменко-Наумова 1980]. Оба процесса базируются на единых для всех людей нейрофизиологических процессах. Следовательно, существует принципиальная возможность понимания как декодирования смыслов, заложенных автором, в ходе восприятия речевого произведения на основе собственной системы смыслов (концептуальной системы).

Реализуя ту же идею, М. Ледерер выделяет три этапа в переводе: понимание смысла оригинала, девербализация этого смысла (то есть смысл лишается своей словесной опоры) и перевыражение смысла на ПЯ. Необходимо забыть конкретные слова и выражения оригинала, а затем передать понятие без оглядки на ИЯ, с учетом всех нормативно-узуальных требований переводящего языка [Ледерер 1997].

Проблеме моделирования процесса перевода посвящена также работа [Подольская 1998], где выделяются основные его этапы. Это восприятие высказывания на ИЯ и решение проблем понимания; принятие стратегического решения (переводить либо опустить); поиск варианта перевода и контроль правильности поиска и выбора эквивалента; «контроль качества», то есть сличение оригинала и перевода [Подольская 1998, с. 16]. Ступени перевода в целом соответствуют этапам речепорождения в одноязычной коммуникации, предложенных еще Л.С. Выготским, что и подтверждено Н.И. Подольской: «письменный перевод протекает в соответствии с общими закономерностями порождения речи» [там же, с. 21].

Нам важно акцентировать следующее. Вероятностное развитие процессов восприятия обеспечивается действием механизмов двоякого рода – нейрофизиологических и психологических. По данным нейрофизиологии в восприятии речи центральное место занимает узловой механизм афферентного синтеза воспринимаемых слов, предсказывающий последующие слова воспринимаемого речевого потока [Анохин 1975, с. 10]. При этом следует, по

мнению И.Н. Горелова, подразумевать «не механизм ожидания наиболее вероятного слова, а механизм готовности к восприятию ожидаемого в данной ситуации, ожидаемого **семантически** (выделено автором. – Е.Я.) адекватного сообщения, в отличие от любого другого» [Горелов 1974, с.44] (курсив мой. – Е.Я.). По сути, речь идет еще о психологической установке индивидуума на восприятие сообщения в пределах конкретного семантического окружения.

Центральная структура любой функциональной системы представлена узловыми механизмами – механизмами афферентного синтеза, принятия решения, акцептором результатов действия, программой действия, формирования результатов действия, обратной афферентации о результатах действия и, наконец, механизмом сличения результата смоделированного в акцепторе с реально полученным. Оптимизация всей функциональной системы происходит за счет действия закона *результата* (курсив мой. – Е.Я.) и закона *динамической мобилизуемости структур* (курсив автора. – Е.Я.) [Анохин 1975, с.10]. Другими словами, *прогнозирование результатов действия осуществляется еще до получения этих результатов.*

Степень вероятности такого хода формирования мыслей определяется структурой концепта. Каждое слово в речи служит пусковым стимулом для произнесения при речепорождении и прогнозировании при речевосприятии следующего слова. Оба процесса основаны на афферентном синтезе ранее произнесенных / воспринятых словесных сигналов [Аминев 1972, с. 98]. Поскольку установлено, что восприятие и предсказание речи вообще определяются деятельностью иерархически организованной ассоциативной системы и регулирующих ее структур, то возможно рассмотрение порождения и восприятия метафоры также на основе определенной ассоциативной сети. Тогда проблема перевода метафоры органично встраивается в проблему перцептивных универсалий, являющихся базой процесса речесмыслопорождения. Вербализованные перцептивные универсалии могут стать основой возникновения метафорических комплексов. Их понимание обеспечивается способно-

стью человеческого мышления сопоставлять реалии на основании субъективных ассоциаций при объективном отсутствии подобия [Пищальникова 1992]. Это связано еще и с тем, что метафоры способны не только включать в себя разнообразные ассоциации личного характера, но и «внушать» направление этих ассоциаций.

Говоря о проблеме когнитивных (в том числе и перцептивных) универсалий, надо отметить, что выделяются *переменные и универсальные когниции*, и индивидуальные и универсальные *стратегии использования* этих когниций при порождении и интерпретации сообщений на конкретном языке [Демьянков 1994, с. 28]. При этом имеется в виду универсальность основных *механизмов когниции, проявляющейся в семантике языка*.

Существуют не врожденные лингвистические знания, а *универсальные стратегии обработки, восприятия и понимания информации* (когнитивная компетенция). В этой связи мы обратимся к стратегиям понимания метафорических выражений, выявленных в работе [Староселец 1997]:

- 1) стратегия установления смыслового тождества наглядно изображаемому;
- 2) стратегия эмоционального реагирования и / или выявления эмоциональной доминанты;
- 3) стратегия встречной метафоризации (замена авторского смысла собственными вариантами);
- 4) стратегия выявления авторского личностного смысла (реципиент наиболее адекватно понимает авторский смысл) [Староселец 1997, с. 116].

Первые две стратегии понимания метафорических смыслов являются, по мнению автора, частотными, тогда как восприятие личностных смыслов путем встречной метафоризации или выявления авторского смысла нетипично для реципиентов. В ходе экспериментального исследования было установлено, что *способность находить интегративные признаки, общие для нескольких концептов* (лежащая в основе механизма метафоризации), присуща лишь 30% реципиентов [там же, с. 106].

Однако подобная дистрибуция частотности стратегий понимания метафорических структур была подвергнута серьезному пересмотру в диссертационной работе [Губернаторова 2003]. В результате автором были сделаны выводы об *ином распределении* тех же самых переводческих стратегий, выделенных в исследовании О.А. Староселец:

1) стратегия адекватного выявления авторского смысла / встречной метафоризации; 2) стратегия эмоционального реагирования; 3) стратегия замены авторского смысла личными ассоциациями и представлениями; 4) стратегия буквального тождества [Губернаторова 2003, с. 138]. Таким образом, наиболее предпочитаемой стратегией, по мнению Э.В. Губернаторовой, является первая – стратегия *адекватного выявления авторского смысла/встречной метафоризации*. Исследователь объясняет причину такого положения сущностными свойствами самой метафоры **«как эмоционально значимой / нагруженной когнитивной / познавательной структуры нестереотипного порядка»**, и потому благодаря системе доминантных и производных эмоций, наличествующих в метафоре, переводчик способен адекватно понять текст [там же, с. 140] (выделено автором. – Е.Я.).

Положение о способности формирующихся билингвов не только адекватно понимать, но и передавать адекватную когнитивную структуру авторского текста также нашло экспериментальное подтверждение в нашей работе. В основе адекватного восприятия / порождения иноязычной речи / текста лежит наличие универсальных стратегий по обработке информации – когнитивная компетенция индивидов, которая также обнаруживается при восприятии метафоры. Последняя актуализирует комплекс вербально-авербальных ассоциативных значений, имеющих свойство служить полем формирования *опорных схем понимания* текста.

Итак, выявив основные способы понимания метафоры и доказав, что понимание метафорического выражения осуществляется на тех же основаниях, что и понимание любого другого языкового знака, О.А. Староселец не

рассматривает причины такого положения. Нам же представляется, что оно – следствие разной когнитивной компетенции носителей языка.

С когнитивной точки зрения восприятие является познавательным процессом. При увеличении числа альтернатив происходит замедление времени реакции выбора [Величковский 1982, с. 48]. Однако в силу своей *эмоциональности и компрессированности смыслов* метафорические комплексы, содержащиеся в тексте, имеют тенденцию к использованию «все более *экономных свернутых схем* речевой деятельности, восприятие которых вызывает *ускорение сенсорных и мыслительных процессов*» [Пищальникова 1999, с. 62] (курсив мой. – Е.Я.). В выше названной тенденции отчетливо проявляется специфика метафорического мышления: восприятие и понимание эмоционально маркированных смыслов происходит быстрее их интеллектуального анализа. Механизм номинирования (ярким примером которого является метафоризация) репрезентирует когнитивные структуры «свернутого» типа, позволяющие «без значительных вербальных затрат актуализировать когнитивные признаки и целые структуры» [Бутакова 2001, с.28-29]. Это означает, что метафорический способ речесмыслопорождения удовлетворяет основному принципу функционирования естественного языка: принципу экономии усилий (метафора – это своеобразный «смыслоемкий» и «энергосберегающий» механизм), и потому является чрезвычайно продуктивным в определенных коммуникативных ситуациях.

Подтверждением данного положения может служить уже рассматриваемое выше [Губернаторова 2003] исследование метафоры как одной из форм реализации универсального ментального механизма компрессирования смысла. Автор определяет сущность этого механизма как **«способность «сворачивать» эмоциональную энергию языковых структур и структур ментальных в структуры метафорической когниции»** за счет стабилизации определенных вербально-авербальных комплексов [там же, с. 18-19] (выделено автором. – Е.Я.).

Обращаясь к вопросу понимания метафоры в этом аспекте, следует акцентировать «полифоничность», или когнитивный потенциал ее смысловой структуры. Под когнитивным потенциалом метафоры мы, вслед за Л.О. Бутаковой, понимаем *«возможность языковой единицы быть компонентом и средством означивания когнитивных признаков и когнитивных структур разной степени сложности»* [Бутакова 2001, с.29] (курсив автора. – Е.Я.). В процессе понимания метафоры происходит корректирование рождающегося смысла в силу перехода от образа предмета в понятие о предмете через слово, его внутреннюю форму [Потебня 1999, с. 58]. При этом и сама внутренняя форма слова в понимании И.А. Потебни не является постоянной доминантной величиной, а способна функционально изменять «место» в когнитивной структуре. «У слова есть наследственность – есть объективная мысль, передающаяся и понятная всем. Мысль имеет в своем содержании ряды восприятий, и может состариться» [там же, с. 83]. Перефразируя А.А. Потебню, можно сказать, что *значение как когнитивная структура постоянно развивается.*

На сегодняшний день это положение экспериментально доказано в ходе исследования когнитивной структуры концептов в обыденном сознании носителей языка [Лукашевич 2002, 2003]; более того, стало возможным говорить о формировании нового направления в когнитивной семантике – *прогностического*. Рассматриваемая концепция базируется на разграничении и соотнесении трех понятий: концепт – смысл – значение как разных аспектов представления одного объекта. Для нашего исследования значимым является то, что интегральное понятие *концепта* (соответственно и когнитивной структуры) как «динамической когнитивной модели, отображающей структуру смысла в сознании индивида», включает в себя как стабильные смысловые компоненты, так и нестабильные, «случайные». В результате одновременного воздействия разновекторных факторов происходит **вероятностное развитие значения** [Лукашевич 2002, с. 210] (выделено автором. – Е.Я.); при этом нестабильные компоненты значения играют решающую роль, поскольку

ку стремятся быть стабилизированными / зафиксированными в языковом сознании этноса. Кроме того, наличие и актуализация нестабильных компонентов свидетельствует о происходящем процессе изменения в структуре значения (концепта), следовательно, возможно *прогнозирование* пути его дальнейшего *развития* в силу действия закона вероятностной детерминации. Открывающиеся при этом перспективы исследования позволят «присутствовать» на различных этапах изменения обыденного сознания носителей языка (например, при создании новых толковых, ассоциативных словарей), что само по себе уже увлекательное занятие для лингвиста.

Итак, когнитивные основы перевода делают возможным комплексное описание процесса понимания метафоры, предполагающее *синкретичность* понимания текста. Когнитивный подход к переводу устанавливает взаимодействие вербализованного / декларативного знания (знать «что») и перцептивного / процедурного (знать «как»). Теория перевода должна объяснять это взаимодействие. Отсюда задачей когнитивного подхода к переводу является установление того, как *переводчик формирует релевантное процедурное поле выбора переводного эквивалента* [Рябцева 1997, с. 44-46].

Когнитивный подход к переводу призван объяснить, почему случаи метафорического употребления выражения в переводе зачастую не отражают того смысла, который был заложен автором в оригинале. Как отмечает Н.К. Рябцева, когнитивный подход к переводу включает следующие процедуры:

- соотнесение специфически переводческих ментальных процедур с общими речемыслительными и определение их сходств и различий;
- установление концептуальных причин «неконгруэнтности» оригинала и перевода;
- уяснение когнитивных оснований переводческих ошибок [Рябцева 1997, с. 52].

Взгляд на переводческую деятельность как на специфический вид речемыслительной деятельности предполагает решение проблемы эквивалентности только в отношении «функций элементов исходного текста и перевода,

поскольку их смысловое содержание возникает как функциональное образование в рамках конкретного речемыслительного процесса» [Герман, Пищальникова 1999, с.9]. Более того, понятие эквивалентности приобретает неравновесный характер, поскольку разные культуры высвечивают через перевод различные аспекты одного и того же объекта, т.е. эквивалентность рассматривается как *«сходство, проявляющееся в фундаментальном различии»* [Клюканов 1998, с. 68-69] (выделено автором. – Е.Я.).

Понятие переводческого инварианта тесно связано с понятием концептуальной системы как базы интерпретации смысла, а также с когнитивной компетенцией автора. Несовпадение этих систем у автора и переводчика при разнице в когнитивной компетенции зачастую ведет к неадекватному переводу [Романова 2002]. Отсюда «неадекватность» и различие когнитивной компетенции участников межкультурной коммуникации может стать ключом к проникновению в их обыденное сознание.

Выводы

Подводя итог обзору концепций переводческой деятельности в свете их адекватности и применимости к трансляции когнитивных структур, представленных метафорой, следует акцентировать положения, актуальные для «когнитивной» теории перевода. Отметим и актуальные для исследования положения психолингвистики.

Метафора – это универсальный когнитивный механизм познания. В структуре метафоры пересекаются стабильные / конвенциональные и динамические / периферийные компоненты. Метафора является динамической развивающейся структурой, в которой представлена аналогия нового знания с прежним опытом. Такое понимание метафоризации делает **лингвистические модели** перевода в целом неприемлемыми для нашего исследования, поскольку они:

— рассматривают метафору односторонне как явление *языковое, дискретное, статичное;*

— акцентируют способы передачи лишь *конвенционального знания* и не отражают процесс *формирования нового значения*;

— рассматривают процесс перевода только как *трансформацию* знаков одной языковой системы, замены их на знаки другой, тогда как перевод – это специфическое речесмыслопорождение;

— игнорируют проблематику *понимания*; следовательно

— не рассматривают личность самого переводчика, его *языковую (когнитивную) способность* и содержание его *концептуальной системы* как основы *интерпретации текста оригинала*; а отсюда

— не объясняют *вариативность* переводных текстов.

Однако, благодаря лингвистическим концепциям, накоплен богатый сопоставительный материал, который позволяет обнаружить когнитивное содержание многих языковых структур. Также выявлены многочисленные закономерности перевода стабильных лингвистических комплексов стабильными / регулярными способами.

Коммуникативный, или деятельностный подход к исследованию перевода в аспекте психолингвистики снял часть выше указанных проблем. Во-первых, заслугой этого подхода является *включение* в исследование *проблематики понимания и коммуникативной личности переводчика*. Во-вторых, в работах, выполненных в рамках деятельностного подхода, введено и акцентировано *разграничение смысла / значения* речевого произведения. Понимание содержания перевода и понятие его эквивалентности существенно расширилось: акцентируется адекватная передача *смысла*, а не языкового выражения. В-третьих, важным для нас является теория *эмоциональной доминанты* как основы коммуникативной переводческой деятельности, поскольку она служит инструментом обнаружения смысла. В-четвертых, психолингвистическая парадигма исследований помогла вскрыть *деятельностный характер* перевода, акцентировать его процессуально-процедурный аспект. Наконец, с разработкой коммуникативного подхода повышается интерес к *метафоре* как основному механизму раскрытия смысловой структуры

текста. Если в лингвистических теориях перевода метафора – это лакуна, не подвергающаяся систематическому исследованию в переводе, то здесь она выступает *механизмом понимания* не только содержания текста, но и личности самого переводчика.

Тем не менее, коммуникативный/деятельностный подход к переводу также не лишен *недостатков*. 1) Прежде всего, он не позволяет раскрыть сущность такой категории, как «когнитивная компетенция» автора / переводчика. 2) Обращение к экстралингвистическим знаниям переводчика – попытка преодолеть ограниченность лингвистического подхода. Однако такое обращение носит зачастую только декларативный характер, поскольку понятие «экстралингвистическое знание» принципиально не ограничено, а потому не объясняет многих явлений. 3) Определение статуса эквивалентности в переводе как соответствия коммуникативных целей автора оригинала и переводчика не раскрывает, на наш взгляд, каким же путем достигается эта эквивалентность. 4) Остаются неисследованными причины межъязыковой интерференции и переводческих ошибок / неудач, возрастание роли заимствований в ходе межкультурной коммуникации и др.

Вышеизложенное объясняет факт обращения к **когнитивному подходу** как *возможному способу* исследования закономерностей актуализации определенных когнитивных структур в переводческой деятельности формирующихся билингвов.

В рамках данного подхода снимается проблема переводческой адекватности / эквивалентности. Понимание является *деятельностью* по интерпретации знаков культуры, и существование самой культуры возможно лишь как перевод чувственных, когнитивных и прочих универсалий в образы, понятия, слова (поэтому эквивалентность может носить только условный характер). В основе процесса понимания лежит *механизм эквивалентных смысловых замен*, предполагающий сходство в функционировании механизмов восприятия и порождения речи. (Однако в ходе эксперимента было выявлено частичное расхождение в функционировании названных процессов в услови-

ях учебного двуязычия). Сама речемыслительная деятельность осуществляется по принципу функциональной системы, оптимизация которой происходит за счет действия законов результата и динамической мобилируемости структур. Прогнозирование вероятности того или иного переводческого решения во многом определяется структурой метафоры. Это связано с тем, что в основе метафоры могут лежать вербализованные перцептивные универсалии, понимание которых обеспечивается способностью человеческого мышления анализировать и сопоставлять реалии с помощью субъективных ассоциаций. Последние обладают свойством задавать направление этих ассоциаций. Еще раз акцентируем интегральное понятие *значения как динамической когнитивной модели*, включающей в себя как стабильные, фиксированные, так и динамические, стремящиеся к стабилизации компоненты. В поле нашего исследования находится процесс фиксирования / стабилизации этих *случайных периферийных* компонентов в сознании носителей языка. При этом *когнитивная компетенция билингвов как набор оптимизирующих стратегий по операциям с информацией* является тем фокусом, в котором пересекаются переводческая деятельность и механизм метафоризации.

1.3. Метафора как познавательная модель, отражающая языковую способность индивида

Обращение к переводческой деятельности для исследования когнитивного содержания метафоры выбрано нами не случайно. Проблема сущности метафоры, одна из вечных проблем философии и филологии, в настоящее время привлекает не только практикующих переводчиков, теоретиков – лингвистов и филологов, но и специалистов многих смежных наук – психологов, нейролингвистов, программистов.

Интерес к *метафоре как к когнитивному механизму* вырос в последние десятилетия. Метафору перестали рассматривать, как «болезнь» языка, как «досадную ошибку», противоречащую логике разума, или как простое укра-

шение текста. О повышенном интересе к метафоре свидетельствуют многочисленные работы, изданные в последнее время как в нашей стране⁵, так и за рубежом⁶.

В метафоре стали видеть *ключ к пониманию основ мышления и процессов создания универсального образа мира.*

Процессы создания метафорических комплексов всегда относили к креативной деятельности индивида. При этом, по мнению Н.И. Горелова, творческий характер речи обнаруживается не на уровне операции развертывания формы, а на уровне семантического развертывания замысла, до начала поиска единицы выражения. «Новая мысль (в строгом значении слова) есть *новая семантическая программа*, ранее не бывшая известной. Новизна мысли проявляется во внешней речи не путем создания новой синтаксической модели и не способом нового лексемного сочетания, а через *новую композицию* ранее известных семантических узлов в рамках ранее известной семантической конструкции» [Горелов 1974, с.89] (курсив мой – Е.Я.). Сказанное со всей очевидностью можно отнести к вопросу функционирования языковой способности на примере метафоры. Перефразируя приведенное выше высказывание Н.И. Горелова, еще раз подчеркнем развиваемое в данной работе положение о сущности метафорического мышления как создания новых познавательных моделей.

1.3.1. Специфика речевого бытия метафоры

Говоря о «вездесущности» метафоры, исследователи расширили ее понимание, отказались от ее трактовки в узком поэтическом смысле, и доказательством тому служит уже «сам факт распространенности метафорических номинаций в разных подсистемах языка и речевых жанрах – от языка науки до языка рекламы» [Опарина 2000, с. 186].

⁵«Метафора в языке и тексте» (1988), Н.Ф. Крюкова (2000), Е.О. Опарина (2000), В.Н. Вовк (1986), С.С. Гусев (1984), К.К. Жоль (1984), А.Ф. Лосев (1982), Ю.М. Лотман (1999), В.А. Пищальникова (1993, 1999), Г.Н. Скляревская (1993)

⁶ Дж. Серль (1987), Lakoff G., Johnson M. (1980), «Теория метафоры» (1990), Т. Rohrer (1995).

Таким образом, присутствие метафоры в различных областях бытования языка является свидетельством ее *полифункциональности* в речевой деятельности. О метафоре как компоненте науки говорят философы; при этом отмечают, что метафора – это «форма научной мысли», что она «служит не только наименованию, но и мышлению» [Ортега-и-Гассет 1990, с.68]; «научное и поэтическое мышление сходны; различия заключаются не в характере мыслительных операций, а в их режиме и целях» [там же, с. 73]. Установлено, что мыслительные операции, протекающие при решении как эстетических, научных, повседневных, так и любых других задач, обеспечиваются действием одних и тех же нейрофизиологических механизмов. Что же касается целевой направленности метафоры в языке науки, то здесь мы имеем дело с моделирующей, возможно даже прогностической функцией.

Познавательную функцию метафоры в науке (как способа построения аналогического знания) отмечают многие исследователи. «Соединяя несходные понятия, метафорический контекст обращает внимание на возможность наличия у объекта таких свойств» [Гусев 1984, с. 52]. Метафора выполняет эту функцию благодаря актуализации в ней одновременно нескольких значений, репрезентирующих разные познавательные модели. А поскольку *значение как когнитивная структура внутренне динамична*, происходит постоянное ее развитие, смещение доминантных когнитивных признаков. Кроме того, следует отметить роль метафоры в образовании и репрезентации систем вербально-авербальных ассоциаций, способствующих осознанию возможных связей между явлениями.

Познание посредством метафоры не является прерогативой эстетической и научной мысли. Наша обыденная речь с очевидностью обнаруживает универсальность метафорического мышления. Степень образности и эмоциональности метафоры только частично зависит от того, какие признаки концептов метафоризируются; главным же метафорообразующим фактором является мотив речевой деятельности. По мере удаления доминирующих признаков от центра к периферии происходит усиление активности мысли-

тельной деятельности, направленной на формирование или понимание метафорического значения.

Исследуя концептуальные метафоры, Дж. Лакофф и М. Джонсон [Lakoff, Johnson 1980] называют их метафорическими моделями мышления, влияющими на восприятие и интерпретацию конвенциональных языковых метафор носителями языка, то есть отмечают взаимовлияние концептуальных метафор и миропонимания. Исследователи считают такие метафоры когнитивными моделями, структурирующими все наше знание и опыт [там же].

В самом деле, человеческое мышление имеет в целом метафорическую природу, то есть способно находить связи между объектами на основе *аналогии*. Аналогия является когнитивным механизмом, устанавливающим структурное подобие между конструктами или реалиями. Дж. Николис рассматривает механизм аналогии с точки зрения языка как самоорганизующейся системы, и в этом смысле аналогия служит стабильным, операциональным компонентом системы, приводя ее в состояние относительной временной устойчивости [Николис 1997, с. 86]. В нашем исследовании данное положение имеет принципиальную значимость. Структура метафоры является собой неразрывное единство стабильных и динамических компонентов. Именно механизм аналогии обеспечивает актуализацию стабильного компонента в структуре метафоры.

1.3.2. Метафора как вид речемыслительной деятельности

Теория деятельности, разработанная в трудах А.Н. Леонтьева, применима к исследованию функционирования метафор в переводческой деятельности. Когнитивный механизм метафоризации нужно, на наш взгляд, рассматривать с точки зрения его развития, становления. Поэтому идеи развития высших психических функций человека (особенно речи), высказанные в трудах Л.С. Выготского, П.К. Анохина, А.Н. Леонтьева, будут положены нами в основу анализа механизма метафоризации в процессе перевода. Попытаемся

вычленив некоторые положения из трудов названных ученых с целью формирования теоретической основы анализа метафоры как когнитивного механизма:

— умственная деятельность представляет собой процесс *интериоризации* как переход от внешней / предметной деятельности к внутренней/психической;

— во всякой деятельности существует *мотив, действия*, подчиняющиеся сознательным целям, и *операции*, зависящие от условий достижения цели;

— раскрытие *мотивации* есть точка анализа любой деятельности (в том числе речесмыслопорождения);

— категория *психологического значения* (будучи одновременно единицей речемышления) закрепляет общественно выработанный опыт, имеющий национальную специфику;

— значение рассматривается с точки зрения его *развития/динамики*, а сама деятельность подчиняется законам *функциональной системы*.

Вышеперечисленные положения находят свое отражение в нашей работе следующим образом. Восприятие и порождение метафоры есть процесс интериоризации концептуальной системы автора текста через построение собственной адекватной системы смыслов. Адекватность восприятия обеспечивается за счет вычленения основного мотива текста. В свою очередь мотив обнаруживается в доминантном личностном смысле, представленном ведущей эмоцией. Смысловая континуальность, заложенная в метафоре, детерминирует процесс развития / динамики метафорического значения. Метафора *переструктурирует наш опыт* благодаря существованию динамической смысловой системы, не являющейся раз и навсегда заданной и неизменной. Вопрос о восприятии и понимании нового знания решается через динамику и саморегулирование смысловых связей в различных понятиях. Следовательно, для адекватного восприятия и перевода метафорических комплексов необхо-

димо с максимально возможной эквивалентностью передать именно *значение* как некий механизм обработки индивидуального опыта.

В повседневной коммуникации речевая ситуация исключает актуализацию всех компонентов значения, реализуются лишь наиболее важные для индивида признаки, т.е. личностный смысл [Пищальникова 2001, с. 24]. Ассоциативному значению как компоненту ассоциативно-вербальной сети также присуще свойство фиксировать и отражать *психологически релевантные для индивида связи и отношения*. Обнаружение и установление подобных ассоциативных связей в структуре языковой личности, образованных посредством восприятия метафоры, *позволяет выйти на понимание организации языковой способности*. Благодаря совмещению в метафоре одновременно нескольких моделей познания, происходит актуализация значения, причем пути его актуализации заданы самой метафорической структурой.

Общепризнанным считается тот факт, что чем больше семантическое расстояние между двумя языковыми единицами, тем *меньше вероятность установления ассоциативной связи между ними* и тем *больше времени* уйдет на реагирование, если связь будет все же установлена, поскольку для реализации ассоциативной связи понадобится целый ряд шагов-переходов. Другими словами, утверждается положение о существовании прямой положительной зависимости между степенью связанности ассоциативных групп и скоростью их продуцирования. Однако данные нейрофизиологических исследований по восприятию метафорических и буквальных выражений опровергают это положение [Rohrer 1995]. С нашей точки зрения понимание метафоры не является линейным процессом; поскольку метафора – это сопоставление *нескольких когнитивных моделей* и наличие *разных оснований аналогии*, при ее восприятии задействован целый *комплекс* вербально-авербальных ассоциаций, развитие которых происходит *в нескольких направлениях* одновременно. Таким образом, подтверждается наша гипотеза о том, что метафора *является универсальным когнитивным механизмом, полем формирования континуальных смыслов*. Кроме того, противопоставление скорости восприятия ме-

тафорических структур восприятию неметафорических не совсем корректно, на наш взгляд. В этом случае следует различать *стратегии восприятия (и мышления в целом)* индивидов; т.е. каждому индивиду свойственна своя скорость восприятия и обработки информации и, в конечном итоге, своя специфика функционирования языковой способности.

1.3.3. Проблема понимания метафоры: комплексный подход

В метафоре видят и основной способ смыслопорождения. В связи с интенсивностью межкультурных контактов и, как следствие, повышением роли перевода как средства межкультурной коммуникации на первый план выходит личность самого переводчика. Деятельность последнего не является простой трансляцией иноязычного текста на язык перевода. Переводчик – это прежде всего билингв, у которого происходит наложение одной концептуальной системы (неродной, приобретенной) на другую (родную). Оригинал, который переводчик получает «на входе», и текст «на выходе» далеко не идентичны друг другу. Содержание оригинала интериоризируется: встраивается в концептуальную систему переводчика. Понимание – это построение собственной системы смыслов на основе присвоения текста оригинала.

В решение проблемы перевода активно включились не только лингвисты или филологи, но также философы, логики, математики, программисты, психологи, психотерапевты и многие другие исследователи. Почему проблема понимания, занимающая переводчиков, привлекла специалистов разных областей и стала интегральной? Чтобы ответить на поставленный вопрос, следует разобраться в сущности этого феномена. В рамках работы невозможно подробно анализировать каждую из существующих концепций понимания, потому что детальный анализ этой проблемы уже проделан ранее в трудах многих исследователей. Можно отметить следующие работы: Г.И. Богин (1986, 1998, 1999), А.А. Залевская (2001), А. Брудный (1978), С.А. Васильев (1983), С.С. Гусев, Г.Л. Тульчинский (1985), В.З Демьянков (1983), В.В. Знаков (1991), Н.Ф. Крюкова (2000), А.А. Леонтьев (1969, 1999а), Ю.М. Лотман

(1999), В.К. Нишанов (1990), Р.И. Павиленис (1983), В.А. Пищальникова (1997б, 1992, 1993), А.А. Потебня (1990, 1999), сб. «Понимание как логико-гносеологическая проблема» (1982), «Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи» (1991), «Доказательство и понимание» (1986) и др. Мы попытаемся вычлениить некоторые положения, важные для решения поставленных в работе задач.

Большой разброс в дефинициях и подходах к пониманию свидетельствует о сложности проблемы, но, вместе с тем, указывает и на возможность ее комплексного решения. Комплексность проблемы объясняется совокупностью факторов, влияющих на процесс понимания, так как человек воспринимает действительность целостно, а не отдельными блоками. *Интеграция является универсальным процессом любого восприятия*, в том числе восприятия (и порождения) речевых образований на любом уровне – фонематическом, лексическом или текстовом [Жинкин 1982, с. 3-10]. В работе используется именно эта точка зрения, поскольку она, во-первых, на наш взгляд, наиболее полно отображает феномен понимания, а во-вторых, позволяет не ограничиваться одним подходом в решении проблем, находящихся на стыке нескольких наук.

Под пониманием, во-первых, подразумевают работу мышления – рефлексивную, которая заключается в «расшифровке» смысла, стоящего за конвенциональным языковым выражением. В метафоре по определению заложена неопределенность смыслов, множественность их интерпретации. Но вместе с тем направление интерпретации определяется самой же метафорой. Это становится возможным благодаря совмещению в метафоре нескольких когнитивных моделей и наложению ассоциативных полей. Таким образом, «понимание (а сначала непонимание) появляется там, где есть метафора» [Крюкова 2000, с. 10].

Однако еще раз подчеркнем, что абсолютное понимание в принципе невозможно: «смысл – это бытие для себя» [Велихов 1988, с. 26]. «Озадачивание сознания», вызванное проблемной ситуацией или частичным (полным)

непониманием, вынуждает нас искать пути решения этой задачи, опираясь на уже известное. Как отмечает А.И. Ракитов, понимание – это «диалектическая спираль, а не круг», поэтому понимание исключает точное повторение фаз в образовании смыслов [Ракитов 1985, с. 71].

«Озадаченность» нашего сознания как стимул для начала процесса понимания отмечают многие. Так, В.В. Знаков говорит о нем, как о решении мыслительной задачи, возникающей всякий раз, когда мы сталкиваемся с мыслительной проблемой как непониманием [Знаков 1991, с. 20]. Извлечение смысла высказывания К.К. Жоль сравнивает с движением от озадаченного сознания к сознанию, решившему задачу, то есть установившему истинное значение проблемной ситуации [Жоль 1990, с. 60]. Исследование метафоры показало, что структуры сознания определяются структурами проблемных ситуаций [там же, с. 75].

Эту же мысль высказывает и К.А. Долинин, отмечая, что основным в процессе восприятия подтекста («имплицитного содержания высказывания») является *отступление от общих принципов и ситуационных норм языка*; любое нарушение норм языка – то есть лакуна в тексте – это импликация какого-либо факта [Долинин 1983]. Метафора и является сигналом лакуны, с которой начинается активное восприятие новой информации.

В свое время еще А.А. Потебня отмечал, что понимание может возникнуть только при взаимодействии с кем-то или чем-то, в диалоге; только в устах другого слово может стать понятным говорящему [Потебня 1990]. Таким образом, А.А. Потебня предвосхитил современные трактовки процесса понимания, которые основаны на фоновом *знании интерпретатора* высказывания, или на его концептуальной системе. Этот принцип понимания сформулирован Р.И. Павиленисом как «принцип фундаментальной интерпретации» [Павиленис 1983, с. 105-106]. Данный принцип отражает когнитивный подход к проблеме понимания метафоры.

С когнитивной точки зрения проблема понимания рассматривается как его интерпретация в определенной концептуальной системе индивида. А по-

сколькx концептуальная система (КС) имеет индивидуальную историю ее построения, то возможны несоответствия между КС разных индивидов как содержащими различные «картины мира» [там же, с. 116]. При переводе метафоры мы стремимся передать не только смысловое тождество, но также структурное. Учитывая два этих фактора одновременно, мы тем самым ограничим переводческий произвол и субъективность в толковании смысла текста.

Особенно актуальны эти положения в теории перевода в связи с вопросом об эквивалентности текстов на ПЯ текстам оригинала. Существует множество вариантов понимания текста из-за несовпадения содержания концептуальных систем продуцента и реципиента. Системы смыслов развиваются в таком случае синергетически и существуют как открытые нелинейные неустойчивые системы [Пищальникова 1997а]. Отсюда следует, что *понимание метафоры* является заданным, однако *не однолинейным процессом* – метафора представляет собой *динамическую структуру, зависящую от многих переменных факторов*.

В переводе несоответствие концептуальных систем автора и переводчика приводит к тому, что возникают различного рода девиации в проекции авторов на текст. Например, искажение эмоционально-смысловой доминанты текста оригинала проявляется в семантических трансформациях текста. Это связано с особенностями индивидуальных стратегий переводчика и их личностными характеристиками (личностной доминантой), определяющими специфику когнитивной и эмоциональной сферы, а также его субъективное отношение к миру и к тексту. Акцентируются разные модусы перцепции в зависимости от психолингвистической установки автора. В связи с чем сделана попытка создания типологии текстов в зависимости от их эмоционально-смысловой доминанты.

Можно сказать, что актуализируются разные когнитивные признаки одного значения за счет несовпадения семантических, психологических, ассоциативных и прочих особенностей автора и переводчика. В результате воз-

никает новый смысл, возможно не предусмотренный самим автором, однако актуализировавшийся в процессе интерпретации / перевода в силу непрерывности как смыслового поля метафоры, так и построения концептуальной системы индивидуумов.

Итак, в понимании смысла текста метафора играет решающую роль. Она сама является способом смыслопорождения, а при переводе происходит построение адекватной системы смыслов на языке перевода (ПЯ). Но в каждом тексте присутствует некая неопределенность смыслов, что и породило проблему принципиальной переводимости / непереводимости текста. Однако эта проблема успешно разрешается через метафоризацию, которая является главным механизмом понимания, поскольку «здесь совмещаются конвенциональное значение и смысл», а «метафора способна дискретно представлять смысловый континуум, не устрояя его» [Пищальникова, Сорокин 1993, с. 35].

Благодаря этой *неустранимой двойственности* метафора пробуждает наше мышление к поиску и построению нового смысла. Как замечает Ю.М. Лотман, «не только понимание, но и непонимание является необходимым и полезным условием коммуникации. Текст абсолютно понятный бесполезен. Абсолютно понимающий и понятный собеседник не нужен, так как был бы механической копией моего «я» [Лотман 1999, с. 114]. А это означает, что при переводе текста с одного языка на другой переводчик выступает в роли не столько «транслятора» идей, сколько *соавтора*. Создаваемое при этом языковое произведение проецирует особенности мировосприятия переводчика и его картину мира на текст.

Установление ассоциативных связей в структуре метафорического комплекса в ходе эксперимента способствует пониманию процессов *оперирования значением*, поскольку первая ступень ассоциативного процесса протекает аналогично процессу восприятия и понимания речи [Clark and Clark 1977, p. 477-482].

Выводы

Тезис о метафоре как механизме вторичной номинации на основе буквального (и первичного) языка не выдерживает конструктивной критики уже потому, что противопоставление прямого / переносного значений становится неактуальным. Доказанным является факт, что восприятие метафоры подчинено действию одних и тех же законов и механизмов, что и любого другого языкового знака. Рассмотрение метафоры как сугубо лингвистического механизма есть заведомо сужение объекта исследования, исключение из него проблематики функционирования метафоры в речевой коммуникации, ее хранения (структурирования) в памяти. Поскольку мы в своей работе обращаемся к неконвенциональным, не фиксированным в языковом сознании метафорическим значениям, точкой отсчета становится сам интерпретатор (переводчик-билингв), выработка им алгоритма принятия переводческих решений. Обзор концепций понимания текста (метафоры в частности) выявил комплексность этого явления. Интегрированный подход к изучению метафоры позволяет учесть достоинства этих концепций и провести более полный анализ проблем метафорического мышления.

Рассмотрение метафоризации, служащей материалом изучения языковой способности формирующегося билингва, в деятельностном аспекте помогает раскрыть ее процессуальный характер как важнейшего средства смыслопорождения (художественного) текста.

Теоретически обоснована актуальность обращения к экспериментальному исследованию языковой способности индивида посредством проведения свободного ассоциативного эксперимента. В качестве слов-стимулов при этом выступают доминантные компоненты метафорических структур. Аргументируется свойство ассоциативного значения фиксировать актуальные для носителей языка (когнитивные) связи и отношения действительности в структуре языковой личности. Оперирование ассоциативным значением позволяет выйти на понимание организации механизма языковой способности.

Глава 2. Экспериментальное исследование языковой способности билингвов (на материале ассоциативного и переводческого экспериментов)

2.1. Цель, задачи, методы исследования

В данной главе проводится сопоставительный анализ оригинальных художественных и публицистических текстов и текстов их переводов с **целью** исследования языковой способности билингвов, а также их языковой компетенции, обнаруживающейся в степени адекватности перевода. **Материалом** для анализа послужили метафорические выражения, полученные методом сплошной выборки из оригинальных текстов, русских и английских, а также при сопоставлении оригинала и перевода. Материал представлен отрывками из романов I. Murdoch “Under the Net” и его переводом – А. Мердок «Под сетью», J. Grisham “The Runaway Jury”, S. Sheldon “If Tomorrow Comes”, а также статьями из англоязычных газет Washington Post, The Times, Moscow news. Общий объем материала составил 220 текстов, объем анализируемого материала – 18 текстов. Выбор художественного и публицистического текстов обусловлен следующими причинами. Во-первых, наше исследование сосредоточено на активных процессах, происходящих в современном языке. Поэтому публицистический стиль представляет для нас особый интерес: в текстах этого жанра фиксируются когнитивные структуры, отражающие обыденное сознание носителей языка. Во-вторых, в художественной прозе метафорические выражения актуализируют значимые компоненты авторского сознания, специфические когнитивные модели, еще не ставшие стабильными в языковом сознании этноса. В обоих случаях мы исследуем опосредованным путем *нестабильные ментальные структуры, выраженные метафорой, и способы их фиксации.*

Проведение многоступенчатого эксперимента предполагало последовательное решение следующих **задач**:

1. Выявить в ходе исследовательского анализа метафорические структуры и компоненты, их поддерживающие.

2. Вычленили доминантные компоненты метафорических структур, являющихся опорными схемами понимания текста и представляющих собой вербальную фиксацию континуальных смыслов.

4. Подтвердили адекватность их выделения.

5. Обнаружили закономерности фиксации авторских когнитивных структур в текстах переводов.

6. Экспериментально подтвердили гипотезу о том, что специфика ассоциативного значения опорного слова текста задает актуализацию доминантных смыслов всего текста и является, таким образом, опорой порождения смысла текста.

7. Обосновали положение о возможности моделирования механизма языковой способности индивида, исходя из степени адекватности когнитивных структур исходного и переводного текстов, а также путем обнаружения и установления ассоциативных связей в структуре языковой личности.

8. Обосновали гипотезу о сущности механизма языковой способности как динамической категории, подчиняющейся действию законов функциональной системы, имеющей вероятностный характер.

Результатом проведенного исследовательского анализа стало обнаружение реализации языковой способности индивидов (формирующихся билингвов), несмотря на лакунарность текста. Последняя объясняется наличием осложняющего контекста метафорического комплекса. По окончании исследовательского, ассоциативного и переводческого анализов каждого текста предлагается сводный результат в виде схематичного изображения авторской когнитивной структуры оригинала. Единицы когнитивной структуры – когнитивные признаки – были последовательно вычленены в ходе обработки экспериментальных данных и соотнесены с признаками, обнаруженными в тексте оригинала и в собственной исследовательской версии. Под когнитивными признаками мы понимаем актуальные для носителей языка специфические характеристики / свойства какого-либо объекта или предмета, отраженные в языке.

Для подтверждения нашей гипотезы о том, что языковая способность реализуется даже при высокой степени лакунарности текста, был проведен психолингвистический эксперимент, который состоял из двух этапов: ассоциативного и переводческого⁷. Всего в эксперименте приняло участие 104 человека (студенты Барнаульского государственного педагогического университета факультета иностранных языков, Алтайского госуниверситета экономического, юридического и филологического факультетов, Красноярского государственного педагогического университета факультета иностранных языков. Из них: 40 человек – студенты 1 курса, 36 – 2 курса, 24 – 3 курса, 9 человек – 4 курса, 4 человека – 5 курса).

В настоящем диссертационном исследовании нами разработан и апробирован алгоритм подсчета, обработки, а также анализа данных эксперимента. Алгоритм включает в себя серию шагов: количественный подсчет всех полученных реакций, приведение данных в единообразие, разбиение исследуемых предложений на синтагмы, составление сводных таблиц полученных реакций-ответов, проведение лексико-семантического и когнитивного анализа предложений, присвоение балла адекватности вариантам перевода.

Исходное предложение в большинстве случаев разбивается нами на две-три синтагмы по двум основаниям. Во-первых, они являются относительно самостоятельными смысловыми образованиями, во-вторых, вариации в переводе сосредоточились, в основном, вокруг нескольких лексем, являющихся таким образом центрами синтагм. При этом под *синтагмой* понимается «*интонационно-смысловое единство*, которое выражает в данном контексте и в данной ситуации одно понятие и может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения» [ЛЭС 1990, с. 447] (курсив мой. – Е.Я.). Далее проводится лексико-семантический и когнитивный анализ, на основании которого вычленяются актуальные (когнитивные) признаки пред-

⁷ Образцы анкет для каждого из этапов эксперимента даны в приложении.

ложения. Представляется, что анализ текстов-переводов можно проводить в соответствии с выявленными когнитивными признаками. Актуализация выше перечисленных признаков (или признака) в переводах испытуемых поможет представить модель оптимального варианта перевода.

Для определения степени адекватности мы предлагаем воспользоваться методом пятибалльного шкалирования. При этом максимальный балл получают те варианты перевода, в которых актуализированы все выявленные когнитивные признаки для анализируемого предложения. Таким образом, каждый выявленный когнитивный признак получает один балл. При подсчете распределения ответов по баллам для всего предложения целиком мы принимали во внимание следующее. Если один из обозначенных нами признаков встречался в обеих синтагмах, результат не удваивался, т.е. присваивался также 1 балл, как и в случае встречаемости признака только в одной из синтагм.

В ходе экспериментального исследования были задействованы следующие **методы**:

— *лексико-семантический*, обнаруживающий лексический и семный состав анализируемого выражения;

— *когнитивный анализ* – «вид смыслового анализа, результатом применения которого является определение того, какие компоненты каких когнитивных структур актуализированы на определенном участке текста» [Бутова 2001, с. 19];

— *компонентный анализ*, при помощи которого выявляются языковые средства экспрессивности текста;

— *сравнительно-сопоставительный анализ* результатов проведенных ассоциативного и переводческого экспериментов среди русскоязычных искусственных билингвов и англоязычных носителей языка, а также выделенных когнитивных признаков в исходном и переводном текстах;

— *моделирование* – метод психолингвистического анализа, позволяющий конструировать когнитивную структуру выражения, исходя из выявлен-

ных в ходе предыдущих видов анализа когнитивных признаков метафорических комплексов;

— *ассоциативный метод* – выявление ассоциативного значения исследуемого выражения с помощью проведения свободного ассоциативного эксперимента;

— *метод статистического анализа*, позволяющий верифицировать данные экспериментального исследования.

2.2. Ход эксперимента

Вначале был осуществлен исследовательский анализ ряда текстов.

1) A cloud of questions buzzed about me [ИМ, р. 83].

Вопросы роем жужжали у меня в голове [АМ, с. 92].

Смысловая доминанта текста – *сумятица/неразбериха* – представлена метафорой, которая поддерживается следующей аналогией. “Buzz – the sound of a buzzer” [OERD, р. 20]; «жужжать – производить однообразный дребезжащий звук крыльями при полете (о насекомых)» [СЕ, с. 488]. Компоненты лексического значения выражений “the sound of a buzzer” и «однообразный дребезжащий звук» совпадают. «Рой – стая, множество кружащихся в воздухе, летающих насекомых или птиц. Множество каких-л. кружащихся в воздухе легких предметов» [СЕ, с. 128]. Ср.: “cloud – a great number of insects, birds, etc., moving together” [OERD, р. 275]. Как в русской, так и в англоязычной лексеме одинаково актуализированы компоненты a great number / множество, insects, birds / насекомые, птицы. В репрезентации компонента moving (together) / кружащихся наблюдается частичное расхождение. Оно определяется тем, что семантика глагола MOVE характеризует движение вообще; однако сочетание со словом around / вокруг представляет направленное движение – круговое. Ср.: «кружиться – беспорядочно передвигаться, метаться» [СЕ, с. 138]. В русском языке закреплено фразеологическое единство «голова кружится», «голова идет кругом» – об утрате способности здраво рассуждать, трезво относиться к окружающему [там же]. Множество «жужжащих»

вопросов временно создают в голове хаос, неразбериху, выводят из равновесия и не дают возможности выделить главный из них, сосредоточиться.

Итак, в анализируемых текстах, исходном и переводном, наблюдается совпадение таких признаков, как «множество», «жужжание»; выделяется основание аналогии – множество. При этом возникает цепь ассоциаций – *роиться*→*жишет*; *насекомые*→*мелкие, невидимые, беспокоящие*; *кружиться*→*метаться*→*хаотичность*→*растерянность*. Компоненты ассоциативного значения лексемы *buzz* «множество», «метаться» передают смятение героя, его неспособность сосредоточиться, рассуждать логически, отсюда вопросы становятся чем-то навязчивым, от чего трудно избавиться («однообразный дребезжащий звук»). Когнитивная структура слова *buzz* может быть схематично представлена следующим образом (см. рис. 1):

Отсюда, можно считать, что выражения “a cloud of questions buzzed about me”, «вопросы роєм жужжали» представляют адекватные когнитивные структуры, а потому перевод, предложенный профессиональным переводчиком и выбранный нами в качестве эталона, можно считать адекватным. В нашей работе под *когнитивной структурой* понимается

Рис. 1. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры выражения «A cloud of questions buzzed»

«конвенциональный способ кодирования и хранения информации, связанный с ментальными операциями получения знаний и языковыми механизмами их вербального представления в оптимальном виде» [Бутакова 2001, с.6] (курсив автора. – Е.Я.).

Обратимся к данным ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов 1-5 курсов, в котором предъявлялось слово-стимул **buzz**. Полученные реакции, основные и дополнительные, можно условно разделить на несколько групп и подгрупп. При этом под основной ассоциацией мы понимаем первое отмеченное слово/реакцию на стимул, а под дополнительной – соответственно второе слово/реакцию. Для чистоты обработки данных мы

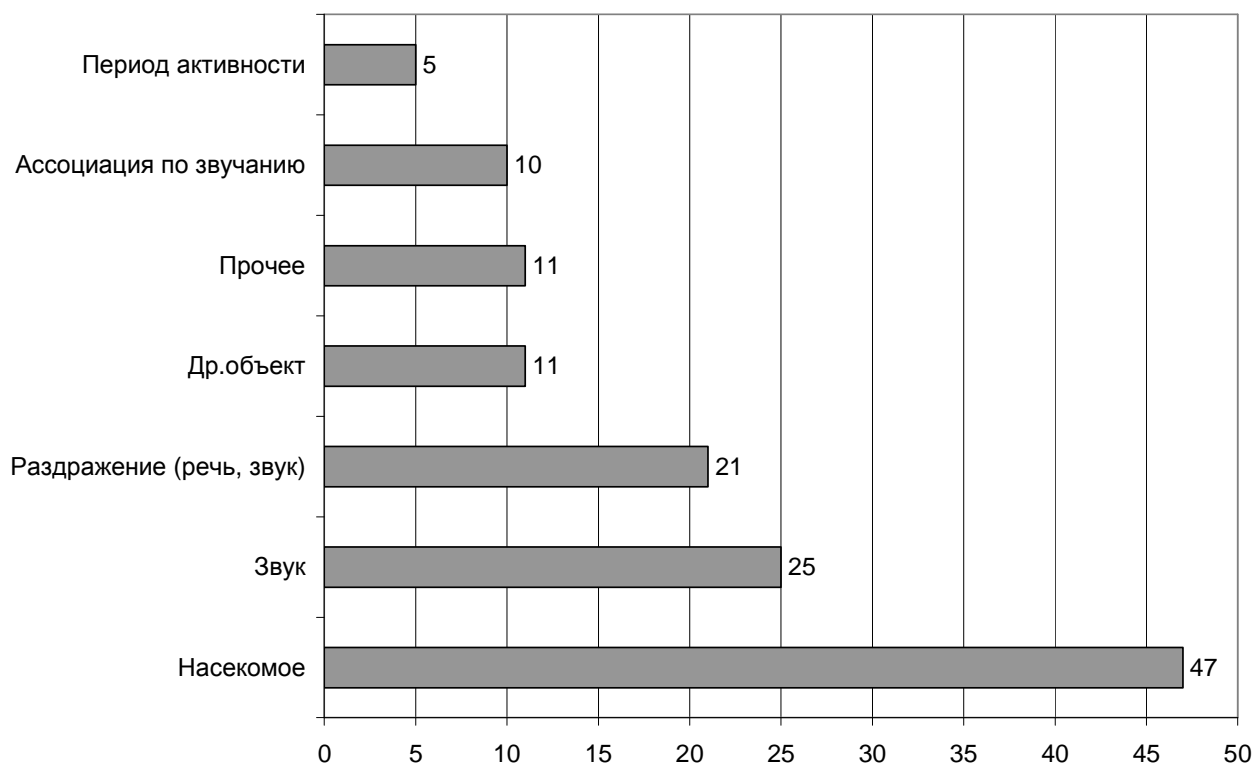

Рис. 2. Распределение слов-реакций по группам на стимул **buzz**.
 провели отдельный подсчет для реакций обоих типов.

Таблица 1. Распределение слов-реакций по группам на стимул **buzz**:

№	Группа	Итого
1	Насекомое	47
2	Звук	25
3	Раздражение (речь, звук)	21
4	Другой объект	11
5	Прочее	11
6	Ассоциация по звучанию	10
7	Период активности	5
<i>Общий итог</i>		130

Во-первых, результаты ассоциативного эксперимента подтвердили проведенный нами выше анализ предложения *A cloud of questions buzzed about me*, а именно: ассоциативная цепочка развивается по двум основным направлениям (см. Рис.3). Однако стоит подчеркнуть, что выделение подобных направлений, а в дальнейшем и групп реакций, есть лишь попытка моделирования данного феномена, а не собственно феномен. Кроме того, результаты эксперимента являются лишь временным срезом, дискретирующим, останавливающим поток сознания, тогда как язык есть не только сознательное оперирование категориями, но и «неосознаваемый и непрерывный поток сознания в стихии разумно-жизненного общения людей» [Лосев 1997, с.459].

В реакциях отмечен *источник* гула, жужжания – насекомые (bee, beetle,

Рис. 3. Ассоциативная цепочка на слово-стимул **buzz**.

insect, bug, fly), сезонный *период активности* этих насекомых – лето (summer), а также *действие*, вызывающее дребезжащий / жужжащий звук – полет (fly). Таким образом, в основе ассоциаций этой группы испытуемых лежат пересекающиеся признаки 1) *жужжащего* 2) *летающего* 3) *насекомого*. По степени эмоциональной окрашенности слова-реакции являются нейтральными (и положительными), в отличие от слов-реакций второй группы, где реализуются такие когнитивные признаки, как *беспокойство*, *раздражение*. Звук жужжания ассоциируется с негативно воспринимаемой человеческой речью, при этом актуализируется признак навязчивости (annoу,

headache) – монотонная, однообразная речь, вызывающая негативные эмоции, а также признак незначительности ее содержания – сплетни, слухи (gossip, rumors).

Выделяется группа реакций по формальному признаку – звуковой оболочке слова без опоры на смысловое содержание предложенной лексемы-стимула. В этот класс входят такие слова, как bus (автобус) 1, glass (стекло) 1, jazz (джаз)2, бузить 1, бульдозер 1, goose (гусь) 1 и другие. Наличие слов-реакций подобного типа свидетельствует о компенсаторной функции языковой способности человека. В случае, когда отсутствует однозначное понятийное соответствие между словами разных языковых систем, включается механизм аналогии, в первую очередь, по фоносемантическому признаку. Не случайным является и подбор вышеперечисленных слов: большинство из них образовано путем звукоподражания (в основе – шумовой эффект); одно слово-реакция является неологизмом (hassing), созданным по принципу аналогии ассоциации с шипящим/свистящим звуком, вызывающим негативные эмоции.

В «прочее» мы включили единичные слова-ассоциаты, не классифицируемые по причине их единичности, такие, как name 1, pipe 1, lighter 1, скотч 1, большое 2, обелиск 1 и другие. Однако это не означает, что полученные реакции являются немотивированными и неадекватными. Как справедливо замечает А.А. Залевская, *«ассоциативный эксперимент отражает продукты не только прямых, но и многоступенчатых связей между единицами лексикона»* (курсив автора. – Е.Я.); *«используя или воспринимая то или иное слово, человек подсознательно учитывает актуализируемую этим словом систему знаний»* [Залевская 1991, с.109] (выделено автором. – Е.Я.). Отсюда, результаты эксперимента выявили связи разной степени опосредованности, и возможно проследить (иногда многоходовые) пути формирования ассоциативного значения того или иного слова как одного из способов концептуализации картины мира в языковом сознании индивидов.

Так, например, появлению реакции *имя* могло способствовать то, что в анкете все предложенные слова-стимулы имели написание с заглавной буквы. Более того, в англоязычных вариантах эксперимента часть испытуемых также дала реакцию *имя*, поскольку Buzz Lighter является героем популярного в Америке детского мультипликационного сериала. Этим же, по видимому, может объясняться и факт наличия другого ассоциата – lighter. Помимо этого, возможен такой вариант, что реакция lighter восходит к ассоциации по звуку слова buzz с работающим жужжащим механизмом – зажигалкой (значение лексемы lighter в английском языке). Появление ассоциата *большой* вполне обосновано фоносемантическими характеристиками входящих в состав предложенного слова звуков [b], [ʌ], [z].

Весьма показательными являются также результаты второго этапа эксперимента – по переводу предложения на русский язык теми же испытуемыми. Исходное предложение было разбито нами в ходе обработки экспериментальных данных на две синтагмы по выше указанным принципам: a cloud of questions и buzzed about me. Результаты обработки представлены в Таблицах 2, 3 с целью объяснения алгоритма анализа.⁸

⁸ Привлечение электронных таблиц в работе необходимо для улучшения качества статистического анализа. В дальнейшем таблицы распределения версий перевода не используются в тексте в качестве иллюстративного материала, а дается описательная характеристика переводов с установлением их процентного соотношения относительно общего количества полученных ответов. Отказ от оперирования сводными таблицами в описании переводческого эксперимента вызван требованиями формального порядка (придерживаться определенного объема), предъявляемыми к диссертационным сочинениям подобного рода. (Их применение вызвало бы многократное увеличение объема работы.) Однако необходимо отметить, что весь материал был обработан подобным образом.

Таблица 2. Распределение вариантов перевода первой синтагмы по курсам:

<i>Cloud of questions</i>	<i>курс</i>				<i>Всего</i>
	1	2	3	4	
куча вопросов	4	9		4	17
облако вопросов	4	11		2	17
тучи вопросов	5	6	5		16
вопросы	1	1	2	1	5
много вопросов	1	2	1	1	5
рой вопросов	1	2	2		5
поток вопросов		1	1		2
шквал вопросов		1		1	2
<i>Общий итог</i>	16	33	11	9	69

Таблица 3. Распределение вариантов перевода второй синтагмы по курсам:

<i>buzzed about me</i>	<i>курс</i>				<i>Всего</i>
	1	2	3	4	
обрушился	1	9	1	2	13
вился	4	4	3		11
гудел/жужжал	4	6			10
не давал покоя	3	2	2	1	8
нависла		3	2		5
обо мне		4		1	5
роился	1			3	4
у меня было		1	1	1	3
досталось		1		1	2
задали мне	2				2
одолел		2			2
окутал	1	1			2
возник			1		1
с гулом пронеслась			1		1
<i>Общий итог</i>	16	33	11	9	69

Исходя из проведенного лексико-семантического и когнитивного анализа предложения *A cloud of questions buzzed about me* можно вычленить основные когнитивные признаки, представленные в нем:

- 1) звук,
- 2) множество,
- 3) движение (полет, кружение),
- 4) характер движения – беспорядочность, хаотичность,
- 5) дребезжащий,
- 6) монотонный,
- 7) признак, объединяющий в себе предыдущие два, – беспокойство.

При этом под *когнитивным признаком* мы, вслед за Л.О. Бутаковой, понимаем элементарную когнитивно-ментальную единицу когнитивной структуры [Бутакова 2001].

Адекватным вариантом перевода является предложенный выше: «Вопросы роем жужжали у меня в голове». Алгоритм определения степени адекватности переводных текстов оригиналу предлагается далее в виде сводных таблиц результатов анализа. Как и в предыдущих случаях, исходное предложение разбито на две синтагмы: *a cloud of questions* и *buzzed about me*.

Таблица 4. Присвоение балла адекватности вариантам перевода первой синтагмы:

	<i>доминантный признак</i>					<i>Суммарный балл</i>
	1 множественность	2 движение	3 хаотичность	4 характер звука	5 беспокойство	
<i>Cloud of questions</i>						
куча вопросов	1		1			2
облако вопросов	1					1
тучи вопросов	1		1			2
вопросы	1					1
много вопросов	1					1
рой вопросов	1	1	1	1		4
поток вопросов	1	1				2
шквал вопросов	1	1				2

Таблица 5. Присвоение балла адекватности вариантам перевода второй синтагмы:

	доминантный признак					Суммарный балл
	1 множественность	2 движение	3 хаотичность	4 характер звука	5 беспорядок	
<i>buzzed about me</i>						
обрушился		1				1
вился		1	1			2
гудел/жужжал				1	1	2
не давал покоя				1	1	2
нависла					1	1
<i>обо мне</i>						
роился	1	1	1	1	1	5
<i>у меня было</i>						
<i>досталось</i>						
<i>задали мне</i>						
<i>одоле</i>						
<i>окутал</i>						
<i>возник</i>						
с гулом пронеслась		1		1		2

Курсивом отмечены варианты перевода, не получившие ни одного балла адекватности. В результате было получено следующее распределение ответов по баллам:

Таблица 6. Распределение баллов адекватности для вариантов перевода предложения по курсам:

Балл	курс				Всего	%
	1	2	3	4		
1	1	5		1	7	10.14
2	3	10	2	3	18	26.09
3	6	12	5	2	25	36.23
4	5	6	3		14	20.29
5	1		1	3	5	7.25
<i>Общий итог</i>	16	33	11	9	69	100
<i>Средний балл по курсу</i>	3.13	2.58	3.27	3.11	2.88	

Таким образом, результаты проведенного эксперимента выявили следующее. В большинстве случаев понимание текста состоялось, но степень проникновения в смысл высказывания при этом различна. В ряде анкет встречались варианты переводов, в которых текст был понят с реализацией иных признаков, не отмеченных нами в исходном тексте. Например, признак интенсивности действия: *Шквал вопросов обрушился на меня*; признак размытости, безмятежности: *Облако вопросов окутало меня*. Итак, экспериментально подтверждается наша гипотеза о том, что перевод является **специфической когнитивной деятельностью вероятностного характера по моделированию смысла, подчиняющейся законам динамической функциональной системы.**

Уместно в данном случае обратиться к классификации уровней понимания текста, предложенной в трудах В.А. Пищальниковой. Автор выделяет три основных уровня восприятия и смысловой переработки текста: понимание, осмысление и интерпретацию в соответствии со степенью «погружения» в смысл – от первоначального до все более адекватного. Согласно данной классификации большинство испытуемых по степени осмысленности текста находятся на начальном этапе, поскольку *поняли* содержание высказывания. Но, как отмечает А.А. Залевская, «этот **базовый процесс понимания** для наивного читателя является достаточным» [Залевская 1991, с.158] (выделено автором. – Е.Я.), и дальнейшее углубление в смысл текста представляет собой уже осознанную целенаправленную деятельность по интерпретации текста. Последняя предполагает рефлекссию и соответствующую мотивацию. Совершенно очевидно, что в условиях эксперимента трудно добиться от испытуемых подобного рода установки на «распредмечивающее понимание».

10.14% опрошенных предложили неадекватный перевод; среди вариантов переводов этой группы были такие, например: *(По слухам), обо мне ходило (было) много вопросов; Мне задали (много) вопросы (ов)*. Ошибочность переводов вызвана, во-первых, недостаточным знанием семантики английского предлога *about*, во-вторых, расхождением в системах русского и англ-

лийского языков на уровне словоупотребления этого предлога – то есть происходит интерференция значений на уровне языка-системы.

Сопоставление результатов ассоциативного эксперимента, в котором 52% респондентов привели в качестве ассоциатов слова конкретного характера («прямое значение»), с данными эксперимента по переводу позволяет сделать предварительный вывод о недостаточно высокой языковой компетенции испытуемых – искусственных билингвов. Однако факт понимания текста свидетельствует в пользу развиваемого нами положения о том, что *процесс оперирования формой происходит быстрее и вызывает меньше затруднений у формирующихся билингвов*. Следовательно, можно говорить о реализации когнитивной компетенции индивидов в условиях учебного двуязычия.

2) It was a warm evening, cloudlessly and brilliantly blue, and the place was mute around us, walled in by a distant murmur which may have been the sound of the traffic or else the summery sigh of the declining sun [IM, p.91].

Вечер был теплый, прозрачный, безоблачно синий, и мы пребывали среди немого пространства, которое замыкал далекий шелест – не то шум уличного движения, не то летние вздохи клонившегося к закату солнца [AM, с.98].

Метафора «вздохи солнца» реализована через следующие компоненты. Лексическое значение слова *sigh* / вздох в обоих языках имеет ярко выраженную эмоциональную окраску, передающую состояние печали, грусти, сожаления: «*sigh – emit a long deep audible breath expressive of sadness, weariness, longing, relief, etc.*» [OERD, p. 1347]. Среди беззвучья вечера – вздох сожаления, грусти. Однако в данном контексте реализуется полимодальность значения слова вздох; ср.: «*breath – an exhalation of air that can be seen, smelt or heard*» [OERD, p. 178]. Таким образом, происходит актуализация сразу нескольких когнитивных признаков, наложение зрительной и акустической модальностей: колебание воздуха (очевидно, летнее марево) и далекий шелест,

что приводит к созданию комплексного синкретичного образа «колеблющийся шелест солнца». Привлечение ассоциативных значений при восприятии анализируемого текста способствует более глубокому анализу: заходящее солнце бросает лучи, которые преломляются в разогретом летним зноем воздухе и смешиваются с затихающим городским шумом.

Исходный и переводной тексты представляют в целом аналогичные когнитивные структуры, поэтому вариант художественного перевода можно оставить без изменений как эталон для сравнения версий переводов испытуемых.

Данные ассоциативного эксперимента выявили следующие реакции, которые условно можно сгруппировать следующим образом (см. таб. 7). Основанием классификации послужила общность признака.

Таб. 7. Распределение слов-реакций по группам на стимул **sigh**:

<i>№</i>	<i>Группа</i>	<i>Всего</i>
1	дыхание	36
2	печаль, сожаление	33
3	прочее	19
4	признак чего-либо, знак	14
5	чувство любви	9
6	легкость	9
7	тяжесть	3
<i>Общий итог</i>		123

Из таблицы распределения ответов испытуемых вполне четко прослеживается линия доминирования эмоции – более половины всех ответов (55,2%), причем из этого количества можно выделить эмоции, выражающие радость, душевный подъем (27,9%), противоположные им эмоции – печаль, тоску (52,9%), а также нейтральные маркеры выражения чувств – взгляд, символ какого-либо переживания (20,6%).

Часть ответов можно отнести к группе «прочее» (15,4%), куда вошли ответы: рисунок 1, свобода 1, sky 1, letter 1, god 1, car 2, figure 1, my 1, now 1, road 2, sight 2.

Почти треть испытуемых (29,3%) связывает исходное слово с его основным лексическим значением – дыханием (вдох, выдох), в котором не актуализирован признак эмоции, или предлагает прямую номинацию, что является довольно частым явлением в ассоциативном эксперименте, где узнавание, т.е. актуализация понятия, может сопровождаться его номинацией. Таким образом, в 44,8% ответов не содержится прямого указания на чувственно переживаемый компонент, однако это не означает, что этот компонент отсутствует полностью. В большинстве случаев он присутствует *опосредованно*.

Итак, несмотря на нулевой контекст слова *sigh*, в ответах испытуемых прогнозируется его эмоциональное наполнение, что и подтверждается в последующем тексте с включенным в него анализируемым словом. Обратимся ко второму этапу эксперимента, направленного на выявление способности испытуемых адекватно воспринимать и передавать авторскую когнитивную структуру.

Как и в предыдущем случае, текст был разбит на три синтагмы, в которых варьирование версий перевода было наиболее значительным и которые вызывали некоторые трудности понимания: *the place was mute around us, walled in by a distant murmur, the sound of the summery sigh of the declining sun* (первая, вторая, третья синтагмы соответственно). Результаты обработки первой синтагмы показывают следующее распределение вариантов перевода.

7,3% переводов являются неадекватными, т.е. полностью искажающими смысл первой синтагмы. Причиной послужил низкий уровень языковой компетенции испытуемых. 44,2% от общего числа ответов можно свести к следующей фразе: *все вокруг нас было безмолвно (молчаливо / немо)*. Основным когнитивным признаком, актуализировавшимся в переводах подобного типа, является признак *отсутствия речи*. Таким образом, окружающая природа персонифицирована в языковом сознании испытуемых.

Признаком *беззвучья вообще* характеризуется следующая группа переводов (33,8%): *вокруг нас была (стояла) тишина*. В 7,3% вариантов перевода в одном словосочетании актуализированы одновременно две когнитивных

модели ситуации, соответственно выраженные первой и второй синтагмами: *мы находились в безмолвном окружении*. Часть испытуемых (4,4%) в своих переводах передала признак *безлюдности*: *место вокруг нас было пустынным (безлюдным)*, актуализировав таким образом имплицитно заложенную информацию (mute, walled in). 3% всех ответов являются авторской интерпретацией текста, не лишенной, тем не менее, адекватности смысловосприятия и смыслопорождения. К ним, в частности, можно отнести такие переводы: *все вокруг нас замерло; место оглушало все вокруг нас* и другие.

Перевод второй синтагмы не вызвал больших затруднений у испытуемых, различия в версиях небольшие. Основной способ передачи смысла анализируемой синтагмы следующий: *окружено (стеной) далекого шума (ропота/шепота)*; составил 80% всех предложенных версий. Второй способ перевода выглядит таким образом: *(вдалеке) слышался отдаленный шум* (14,8%). Соответственно во втором случае адекватно воспроизведен только признак *отдаленности* места от шума тогда, как в первом переданы оба: *отдаленности* и *окруженности стеной*.

Незначительная часть переводов (5,2%) представлена авторскими вариантами интерпретации текста оригинала, в которых не актуализированы/частично актуализированы отмеченные выше признаки. Вместо этого испытуемые дали более свободное толкование оригинала с использованием иных лексико-семантических вариантов значения wall in; например, следующее: *(вокруг нас была тишина), в которую иногда вторгался посторонний шум*; или такое: *(безмолвие), сопровождаемое далеким приглушенным жужжанием*.

В переводе третьей синтагмы можно вычленить следующие варианты передачи смысла. 41,5% респондентов использовали аналогичные лексемы русской языковой системы: *летний вздох садящегося (заходящего/клонившегося к закату) солнца*. 15,1% переводов варьировали значение выражения summery sigh of the declining sun: *легкий вздох, последний/прощальный вздох заходящего солнца, вздох лета об уходящем дне*.

Такое же количество респондентов (15,1%) отметили только наличие *звука* заходящего солнца, при этом никак не характеризуя его. В 3,7% переводов вообще отсутствует метафорический контекст оригинала, передан лишь его смысл в общих чертах – *летний закат*, однако он не адекватен когнитивной структуре авторского текста.

Абсолютно неадекватными (т.е. искажающими смысл всего текста) являются 11,3% от общего числа полученных вариантов перевода третьей синтагмы. И, наконец, 13,3% испытуемых предложили собственную интерпретацию текста с включением иного метафорического комплекса. Среди них можно отметить следующие: *было слышно, как опускается летнее солнце; состояние мира, которое приносит с собой солнечный закат; шепот засыпающей природы под последними лучами садящегося солнца; звуки летней музыки сопутствовали закату солнца* и другие варианты. Следует признать высокую степень художественной образности представленных образцов перевода, характеризующую языковую способность формирующихся билингов.

В целом проделанный анализ результатов переводческого эксперимента свидетельствует об **адекватности процессов речевосприятия и смыслопорождения** у русскоязычных испытуемых и способности моделирования смысла текста даже при наличии неоднозначного метафорического контекста; непонимание текста встречается лишь в 5,4% всех случаев перевода. Таким образом, экспериментально подтверждается положение о том, что метафора является открытой динамической системой смыслопорождения. Адекватность понимания метафоры обеспечивается спецификой ее когнитивной структуры, характеризующейся непрерывностью доминантных и периферийных компонентов. Метафора способна сужать поле ассоциативных связей доминантного смысла до необходимого предела, не устраняя при этом континуальности смысла текста. *Инвариантность когнитивных структур* исходного и переводного текстов во многом определяется *направлением ассоциаций, задаваемых опорным словом* метафорического комплекса.

3) Certain things indeed I have learnt here: for instance, that my happiness has a sad face, so sad that for years I took it for my unhappiness and drove it away. But Paris remains for me still an unresolved harmony [IM, p. 168].

Кое-что, правда, я здесь узнал, например, что у моего счастья печальный лик, такой печальный, что я годами принимал его за горе и гнал от себя. Но все же Париж остается для меня незавершенным аккордом [AM, с. 165].

Доминантный смысл всего текста – «неполное счастье» (ср.: «для полного счастья чего-то не хватает») – реализуется посредством нескольких разноплановых смыслов, актуализирующих различные когнитивные признаки одновременно. Во-первых, анализируя словосочетание «печальный лик счастья», мы обнаруживаем актуализацию следующих его лексико-семантических компонентов. «Счастье – состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемого кем-либо» [СЕ, с. 320]. Вместе с тем, лик этого счастья (внешний вид, облик) остается печальным. Сочетание несовместимого – счастья и печали – поддерживается дальнейшей разверткой метафоры – «незавершенный аккорд». Ср.: «harmony – a combination of simultaneously sounded musical notes to produce chords and chord progressions, esp. as having a pleasing effect», resolve – «mus. convert or be converted into concord» [OERD, p. 1227]. Метафора *Париж – незавершенный аккорд* актуализирует музыкальное восприятие города. Незавершенный аккорд ассоциируется с дисгармонией, создает томительное, щемящее чувство ожидания, незавершенности. Эффект томительности ожидания возникает за счет звучания такого аккорда, когда последняя нота находится в промежуточном положении, требующего завершения. (Ср.: фразеологизм «заключительный аккорд – действие, явление, событие и т.п., которыми что-либо завершается, заканчивается» [СЕ, с. 29].) Восприятие анализируемой метафоры порождает ассоциативную цепочку: *пронзительный звук – верхняя точка – наивысший пик радости/счастье – неустойчивость – стремление к равновесию – ослабление эмоционального накала*. Таким обра-

зом, мы подходим к пониманию внутреннего мира главного героя. Состояние переживаемого им счастья является томительным, щемящим, держащим все его существо в напряжении, и потому подспудно у него растет желание освободиться от этого гнета незавершенности и неопределенности в отношениях с любимой женщиной, прийти в согласие с самим собой.

Таб. 8. Распределение слов-реакций по группам на стимул **unresolved harmony**:

<i>№</i>	<i>Группа</i>	<i>Всего</i>
1	эмоциональная удача / гармония	19
2	эмоциональная неудача	14
3	природа	13
4	мир человека	9
5	прочее	8
6	загадка	7
7	музыка	5
<i>Общий итог</i>		75

Проделанный анализ текста необходимо подтвердить данными психолингвистического эксперимента. Результаты ассоциативного эксперимента выявили следующее распределение всех реакций на возможные группы (см. таб. 8). Наиболее многочисленную группу (25,3%) составляют ассоциации, связанные с актуализацией первого компонента метафорического комплекса – harmony: agreement 1, feelings 1, friendship 2, integrity 1, nirvana 1, peace (ful) 5, quiet 3, rest 1, stillness 1, (благотворная) гармония 2.

Испытуемые, ответы которых мы отнесли к группе «эмоциональная неудача» (18,6%), отметили синтез обоих компонентов с ведущим признаком *дисгармония*: disappointment 2, doubt 2, failure 1, frustration 1, longsome 1, losing balance 1, no 1, problem 1, weakness 1, дисгармония 2, нарушенная гармония 1. Ассоциации этой группы характеризуются эмоциональной подавленностью, неуверенностью, что довольно точно передает состояние героя в анализируемом тексте.

В ответах 17,3% испытуемых опять-таки актуализирован один компонент *harmony*, однако в этом случае он ассоциирован не с внутренним миром человека, а с окружающим его миром, природой: *beauty* 4, *cosmos* 1, *flowers* 1, *lake* 1, *nature* 2, *pure nature* 1, *sun* 1, *sun in the mountains* 1, *world* 1.

Восприятие цельного метафорического комплекса ведет к актуализации одновременно нескольких когнитивных признаков, возникающих на основе синтеза обоих метафорических компонентов. Такое восприятие нашло свое выражение в следующей группе ассоциаций испытуемых (9,3%), условно обозначенной как «загадка»: *abstract* 1, *misunderstandable* 1, *mysterious* 2, *puzzle* 1, *unknown* 1, *zigzag* 1.

В ответах 12% испытуемых зафиксирован признак непостижимости, сложности в самом человеке и его окружении: *character* 1, *complex* 1, *restraint* 1, *experience* 1, *life* 1, *man* 1, *power* 1, *prayer* 1, *untouched* 1.

Незначительное количество (6,6%) ассоциатов связано с актуализацией музыкального компонента метафорического комплекса (который был выявлен нами ранее в ходе собственного анализа текста): *accord* 2, *music* 2, *sound* 1.

В группу «прочее» (10,6%) вошли такие ассоциации, как *big* 3, *chief* 1, *deal* 1, *smell* 1, *unfinished* 1, *white* 1. Каждая из приведенных реакций актуализирует свой когнитивный признак; например, признак незавершенности (*unfinished*). Стоит при этом отметить, что подобное разбиение ассоциативных значений на группы носит условный характер. Когнитивная структура метафорического комплекса является функциональным динамическим образованием, и когнитивные признаки, составляющие ее, могут иметь различную степень актуальности для воспринимающего индивидуума. Немаловажным в процессе восприятия является фактор включенности / отстраненности субъекта от наличной ситуации. Отсюда, когнитивные признаки могут быть перегруппированы в зависимости от эмоционально-оценочной компоненты личности. Одно и то же ассоциативное значение может быть включено в несколько групп сразу, поскольку субъект способен одновременно переживать

его и как нечто, свойственное внутреннему миру человека, и как нечто внешнее, отстраненное от него. (См. с этой точки зрения на слова-ассоциаты life, power, beauty и другие).

Поэтому компоненты когнитивной структуры не имеют жесткой привязанности к определенному месту, нет четко выраженной оппозиции ядро-периферия. **Каждый когнитивный признак в любой момент может стать актуальным для носителя языка, то есть стать ядерным либо, наоборот, периферическим.** Это принципиальное замечание отражено в схеме когнитивной структуры, где все ее компоненты взаимодействуют между собой и не выстроены в иерархическом порядке. Именно этим принципом обусловлено выделение группы «прочее» при анализе структуры ассоциативных значений.

Сопоставим полученные данные ассоциативного эксперимента с результатами переводческого. Анализируемый текст разбит на две синтагмы, содержащие метафорические комплексы: *my happiness has a sad face* и *But Paris remains for me still an unresolved harmony*. Понимание и перевод первой синтагмы осуществились довольно успешно (100% понимания). Однако способы передачи авторской когнитивной структуры этой части текста несколько варьируются. Так, например, 67,6% испытуемых предложили перевод аналогичными лексемами русского языка: *у моего счастья грустное/печальное лицо*. 9,8% переводов представляют собой незначительную модификацию первого варианта: *мое счастье имеет грустный / печальный вид*. В остальных случаях актуализирован эмоционально-оценочный компонент высказывания при одновременном опущении лексемы *face*: *мое счастье было омрачено* (8,4%); *мое счастье печально* (11,3%); *мое счастье отличается несколько иным, противоположным характером настолько, что ...* (2,9%).

Обратимся к переводу второй синтагмы (But Paris remains for me still an unresolved harmony). В 31,4% версиях актуализирован когнитивный признак *загадочности, непостижимости*; основным вариантом перевода здесь является следующий: *Но Париж все еще остается для меня загадкой (необъяснимой) гармонии*. В следующих вариантах перевода отражен когнитивный признак *незавершенности / колебания* (40%): *Но Париж до сих пор остается для меня неразрешенной (нерешенной) гармонией*. В 18,6% переводов испытуемых реализован иной когнитивный признак – *возвращение гармонии с собой*; ср. следующий вариант: *Но Париж возвращает мне утраченную прежде гармонию с самим собой*.

Любопытно, что ни в одном из переводов не встречается актуализация когнитивного признака *музыкальности*, выявленного нами дважды: как в ходе собственного анализа текста, так и в свободном ассоциативном эксперименте. Можно сделать вывод об ошибочности выделения нами данного признака в качестве доминантного.

Отметим также 10% случаев опущения метафоры в ответах испытуемых, невосприятие лексического компонента *unresolved* и, как следствие, нарушение адекватности когнитивной структуры оригинала (например, *Париж для меня – сама гармония*).

Результаты обоих этапов эксперимента позволяют говорить о ве-

Рис. 4. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры метафорического комплекса «an unresolved harmony» (включая метафору «my happiness has a sad face»)

роятностном моделировании смысла с опорой на содержание собственной концептуальной системы как универсальном механизме. Механизм языковой способности обеспечивает **принципиальную возможность адекватного понимания** в условиях межкультурной коммуникации. В случаях коммуникативных затруднений *механизм компенсаторности* позволяет формирующимся билингуам порождать адекватные смыслы, несмотря на лакунарность текстов, которая создается наличием метафорических комплексов.

4) One glass of pernod had taken me some way; a second glass took me further still. The sun began to rise over my intellectual landscape and I saw at last, in an outburst of clarity, the real shape of that which had before so obscurely compelled me to what had seemed to be a senseless decision. It wasn't just that I didn't want to enter Madge's world or play Madge's game. I had so littered my life already with compromises and half-truths, I could have picked my way through a few more. The twisting hills of falsehood never cease to appall me, but I constantly enter them [IM, p. 183].

Одна рюмка перно немного оживила меня, вторая оживила еще больше. Над моим умственным ландшафтом проглянуло солнце, и сноп лучей озарил наконец истинный облик того, что побудило меня принять такое, казалось бы, бессмысленное решение. Не в том суть, что я не желал проникать в мир, где жила Мэдж, и участвовать в ее игре. Я уже успел так засорить свою жизнь компромиссами и полуправдами, что мог бы и дальше идти по этой дорожке. Извилистые ущелья лжи издавна меня отпугивают, и все же я то и дело в них вступаю ... [AM, с. 179].

Смысловая доминанта – внезапное осознание того, что ложь есть преступление, мусор – реализована одновременно с помощью двух метафорических комплексов. Первый метафорический комплекс – *intellectual landscape* – содержит в себе в свернутом виде часть доминантного смысла – внезапное осознание, который обнаруживает себя в следующих лексико-семантических

компонентах. Intellectual (умственный) → intellect, thought (разум); the sun began to rise over landscape – ср.: над ландшафтом проглянуло солнце. В тексте проводится аналогия между ландшафтом и разумом, актуализирующая несколько признаков когнитивной структуры выражения. Во-первых, ландшафтное описание разума соотносит последний с географическим обликом земной поверхности; реализуется такой компонент лексического значения, как *обширность, пространство*. Ср.: «landscape – natural or imaginary scenery as seen *in a broad view*» [OERD, p. 803] (курсив мой. – Е.Я.). Однако, данные ассоциативного эксперимента, проведенного среди русско- и англоязычных испытуемых, позволили выявить несовпадение когнитивных признаков анализируемого значения в сопоставляемых языках (предварительный свободный ассоциативный эксперимент среди носителей английского языка). Результаты показывают, что признак *обширности, пространственности* перестает быть актуальным для носителей английского языка, следовательно, изменилось и само значение слова landscape, не зафиксированное пока словарями. Этот признак постепенно вытесняется другим, имеющим узкую «местную» локализацию – ландшафтный интерьер площадки около дома. Для языкового сознания русских признак пространства по-прежнему остается актуальным в значении ландшафта.

Аналогия разума с пейзажем вызывает зрительные ассоциации: земная поверхность представляет собой сложный извилистый рельеф; ср.: физиологическое строение мозга (полушария, извилины) (см. далее в переводческом эксперименте). Кроме зрительной ассоциации мозга с рельефом возникает и другое ассоциативное значение: впадины, ущелья мозга – темная, потаенная сторона сознания, закрытая от посторонних глаз (потаенные уголки сознания). Поэтому, на наш взгляд, буквальному переводу intellectual landscape как умственного ландшафта недостает конкретизации образности, формируемой одновременным наложением нескольких когнитивных признаков, заложенных в авторской когнитивной структуре текста.

Наше предположение поддерживается дальнейшим контекстом, ср.: «Извилистые ущелья лжи издавна меня отпугивают, и все же я то и дело в них вступаю, возможно потому, что смотрю на них как на короткие дефиле, снова выводящие на солнце, хотя это, вероятно, и есть единственная непоправимая ложь» [АМ, с. 179]. Разум (мозг) «как бы» состоит как из возвышенностей, равнин (того, что лежит на поверхности и, значит, открыто, ясно), так и впадин, ущелий. Первые ассоциируются с чистыми, открытыми мыслями, вторые – со мраком души, мыслей.

Кроме того, метафора обнаруживается и в следующем выражении – *in an outburst of clarity* / сноп лучей озарил. Сопоставим семантику исходного и переводного отрывков. На наш взгляд, в переводном варианте прослеживается несоответствие актуализируемых признаков, составляющих авторскую когнитивную структуру. Ср. *outburst* – «an act or instance of bursting out» [OERD, p. 1032]; *burst out* – «suddenly begin; break *suddenly* and *violently* apart by explosion of contents or internal pressure» [p. 196] (курсив мой. – Е.Я.).

Итак, *bursting out* – вспышка, взрыв; *outburst of clarity* – вспышка ясности (ср. в переводе «сноп лучей озарил»). Основной актуализируемый признак – внезапность произошедшего осознания, сопутствующий ему признак – (разрушительная) сила (см. *explosion, violently, force/forcibly*). Процесс прояснения мыслей, таким образом, является не просто внезапным (этот признак сохранен и в русскоязычном варианте, ср.: озарение – «внезапное прояснение сознания; неожиданно прийти на ум» [СЕ, с. 601]). Здесь акцентирован компонент лексического значения «сила», то, чему нельзя противиться, а главное, что нельзя повернуть назад – неотвратимость. Старое разрушено, к нему нет возврата; человек остается наедине со вновь открывшейся правдой.

Ср.: «сноп лучей» – излучение, поток (лучей, искр, пламени и т.д.) в виде большого пучка, исходящего из одного центра [СЕ, с. 166]; излучаться – исходить, распространяться откуда-либо лучами. В тексте перевода акцентирован иной признак: озарение → заря, рассвет – признак начала действия,

постепенность. Заря занимается медленно и символизирует рождение, начало (созидающий момент). В тексте оригинала – разрушительная сила, вспышка.

Итак, доминантный смысл – внезапное понимание мотивов своих поступков – сохранен в тексте перевода. Однако основанием метафоричности текста перевода стали иные признаки. На наш взгляд, выражение исходной авторской когнитивной структуры текста нуждается в выборе иных лексических единиц. Предлагаем собственный вариант перевода с учетом выявленных расхождений в исходном и переводном текстах:

«Восходящее солнце озарило все укромные уголки моего умственного ландшафта, и в этой вспышке ясности я увидел истинный облик того, что побудило меня принять такое, казалось бы, бессмысленное решение».

Приведем данные ассоциативного эксперимента (таблицы 9, 10). В качестве слова-стимула выступили две лексемы: *intellectual* и *landscape*.

Таб.9. Распределение реакций на слово-стимул **intellectual** по группам:

№	Группа	Всего
1	ум / умственная деятельность	66
2	человек / внешность	15
3	образование / знание	14
4	прочее	6
5	успех	4
6	машина / компьютер	2
<i>Общий итог</i>		107

Насколько видно из приведенной выше таблицы, ассоциации на стимул *intellectual* имеют достаточно прозрачный характер: все они относятся к сфере человеческого ума и его умственных способностей. Кроме того, значения, образующие ассоциативное поле, характеризуют эту область человеческого бытия только положительно. Так, наличие интеллекта связывается с получением знаний/образования, а также с успехом в жизни.

61,7% формируют самую многочисленную группу ответов испытуемых: *ability* 2, *brain(s)* 6, *broad-minded* 2, *clever* 20, *cross-word* 1, *erudi-*

tion 1, intellect 2, intelligence 1, intelligent 8, IQ 1, memory 1, mental activity 1, mind 7, not physical 1, smart 4, think 1, thoughts 2, wise 2, witty 1.

Часть испытуемых выделяет группу людей, занятых интеллектуальным трудом, а также характерные для этой группы внешние атрибуты: glasses 1, man 3, mister 1, person 1, scientist 5, teacher 1, tie 1, профессор 1.

Таб.10. Распределение реакций на слово-стимул **landscape** по группам:

№	Группа	Всего
1	пейзаж / местность	73
2	изображение	15
3	эмоциональный подъем	9
4	прочее	3
<i>Общий итог</i>		102

Подавляющее большинство испытуемых (71,6%) отметили природу и ее географические объекты в качестве ассоциации на стимул landscape: city 1, countryside 1, earth 5, flowers 1, forest 3, ground 4, grass 3, huge space 1, mountains 9, nature 18, place 2, river 2, rural 1, scenery 12, sea 2, surface 1, trees 6, world 1, дорога 1. В группу «изображение» мы отнесли такие реакции, как artist 2, Monet 1, picture 9, paint 1. При этом только 7,8% от общего количества всех реакций имеют плоскостную интерпретацию, 66,6% отмечают наличие *пространства* как характерную черту пейзажа.

Эмоция радости стала основанием для объединения следующих ассоциаций в единую группу (14,7%): admire 1, beauty/beautiful 4, freedom 1, imagination 1, pacification 1, picturesque 1. Появление этих реакций обусловлено «мажорным» восприятием природы, являющейся вечным источником радости, мира, гармонии и красоты.

Группу «прочее» оставляют несколько единичных ассоциаций (2,9%): teacher 1, spectacles 1, передвижение по земле 1. Реакции teacher и spectacles очевидно связаны со школой, предметом географии и, личностью учителя. Последняя из приведенных ассоциаций могла возникнуть посредством вос-

приятия графической формы языкового знака, разделенного на две самостоятельные морфемы: *land/scapе*. Однако мы не настаиваем на подобном объяснении, поскольку вероятно существование иных внутренних ассоциативных связей, приведших к появлению этого значения.

Вторая часть метафорического комплекса актуализирует несколько лексических значений. Засорять жизнь (*litter ... life*) означает наполнять ее хламом, вредными ненужными вещами, бесполезными событиями, встречами и т.п. Ср.: «*litter- make (a place) untidy with discarded refuse*» [OERD, p. 838] → «*refuse – items rejected as worthless; waste*» [p. 1213]. Компромиссы и полуправды, таким образом, являются ненужным и вредным хламом в жизни, от которого нужно избавиться, т.е. привести свою жизнь в порядок. Прежде всего этого касается нравственного аспекта человеческого бытия. Адекватность предложенного профессиональным переводчиком текста исходному доказывается адекватностью / эквивалентностью актуализации когнитивных признаков в данной модели нравственного / безнравственного поведения. Нравственные приоритеты героя – честность, бескомпромиссность – обнаруживаются путем отрицания их противоположных качеств, что и послужило основанием метафоры: *compromises, half-truths* → *litter, waste*

компромиссы → *мусор*.

Кроме того, у носителей русского языка возможна актуализация когнитивного признака *преступность* (т.е. аморальность такого образа жизни); ср. идти по кривой дорожке → заняться преступной деятельностью. Отсюда посредством лексем компромиссы, полуправды может быть актуализирован такой когнитивный признак, как преступление.

Целесообразно сопоставить данные ассоциативного эксперимента (и выявленные в нем актуальные когнитивные признаки) с вариантами перевода анализируемого нами текста для построения авторской когнитивной структуры и выявления особенностей функционирования языковой способности билингвов.

Исходный текст был разбит на 3 ключевые синтагмы, содержащие основные метафорические компоненты целого, развернутого на несколько предложений метафорического комплекса: 1) The sun began to rise over my intellectual landscape; 2) I saw in an outburst of clarity; 3) I had so littered my life already with compromises and half-truths.

В результате получилось следующее распределение вариантов перевода первой синтагмы. Как и в случае предыдущего анализируемого текста, значительная часть испытуемых (34,4%) пошла по наиболее легкому пути: лексико-семантический состав исходного и переводного текстов полностью совпадают (что не удивительно, поскольку лексемы *intellectual*, *landscape* принадлежат интернациональному слою лексикона). Одним из самых распространенных способов перевода этой синтагмы является *Солнце начало подниматься над моим интеллектуальным пейзажем (ландшафтом)*.

Что касается остальной (большей) части переводов, то они представляют собой вариации обоих лексических компонентов анализируемой метафорической структуры. Происходит это, вероятно, благодаря тому, что большинство испытуемых старается уйти от буквального (калькирующего) воспроизведения текста, от интерферирующего влияния другого языка. Кроме того, становится очевидным пересечение актуализируемых признаков в первой и второй синтагмах за счет изменения синтаксической структуры исходного текста в переводах билингвов. Так, например, в 20% вариантов первой синтагмы и 26% случаев – во второй произошла реализация идиомы «озарить» в значении «осенить» (о мысли): *На меня нашло озарение; Солнце озарило мой разум; Солнце моего сознания ярко озарило то....* (Сравните с вариантами перевода второй синтагмы.) Другой случай пересечения моделей перевода в обеих синтагмах заключается в актуализации когнитивных признаков *свет* и *осознание*, одновременно реализованных в лексеме «проясняться» (5%): *В моей голове все стало проясняться* (см. актуализацию этих признаков во второй синтагме).

Признак *пространственности* отмечен у 21,3% испытуемых: *Солнце показалось над горизонтом моих мыслей; Солнце начало подниматься над ландшафтом моего разума*. Одновременно в подобных переводных предложениях актуализирован и признак *рельефности* (67,2%). Сюда можно отнести тексты и первой отмеченной группы (*Солнце начало подниматься над моим интеллектуальным ландшафтом*), и последней, с актуализированным в них признаком пространственности; а также часть переводов следующего типа: *Солнце осветило глубины моего сознания; Солнце начало всходить над корой головного мозга* и другие.

11,5% текстов испытуемых являются неадекватными, поскольку элиминирован один из компонентов метафорической структуры; например: *Солнце начало светить надо мной; Солнце начало подниматься над ландшафтом*.

В вариантах перевода второй синтагмы выявлен большой разброс в зависимости от актуализации когнитивных признаков, лежащих в основе данного метафорического выражения. В 19% случаев в текстах испытуемых были актуализированы несколько когнитивных признаков: *яркий свет, внезапность* и *осознание*. Ср.: *во вспышке ясности я увидел*.

22,4% испытуемых адекватно передали только один когнитивный признак – *(ясное) понимание: я увидел ясно и отчетливо*. При этом остальные признаки выявлены не были; в переводе элиминирована метафора, что является нарушением стилистических норм, а также существенным искажением авторской когнитивной структуры.

26% переводных текстов представляют собой реализацию уже отмеченной выше идиомы *озарить: на меня нашло / снизошло озарение; меня осенило; я увидел во вспышке озарения*. Таким образом, в данных вариантах перевода актуализированы признаки, составляющие авторскую когнитивную структуру: *внезапность, четкость осознания, яркий свет*. Можно считать, что данный перевод является альтернативным приведенному выше («во вспышке ясности я увидел»).

3,5% испытуемых отмечают кульминационный момент ситуации внезапного осознания: *на самом пике ясности; мысль, достигнув апогея, осветила все*. В данном случае помимо актуализации признаков света и осознания реализован признак *интенсивности действия*, имплицитно присутствующий в авторской модели ситуации и заменивший в небольшой степени признак внезапности.

6,8% билингвов отметили признаки *внезапности* и *яркого света*, но выпустили из виду основной признак – *понимание*; отсюда следующая версия перевода: *во вспышке света*.

10,3% респондентов, наоборот, выделили признак *понимания*, элиминировав все остальные: *я понял*. Следующие 8,6% текстов представляют собой достаточно вольную интерпретацию смысла оригинала, в которой актуализированы разные когнитивные признаки; например, *во всплеске чистоты я увидел; в потоке прозрачности я осознал; я увидел сквозь мрак и грязь* и прочие. Оставшиеся 12% текстов являются неадекватными с точки зрения передачи авторской когнитивной структуры.

Рассмотрим теперь распределение вариантов перевода третьей синтагмы. В анкетах 27,7% испытуемых актуализировали такой признак, как *мусор (ненужность)*: *Я так замусорил (засорил) свою жизнь компромиссами и полуправдами*. Модели исходного и переводного текстов полностью идентичны друг другу.

22,2% испытуемых отметили признак *предельного насыщения (пресыщения)* жизни чем-либо: *Моя*

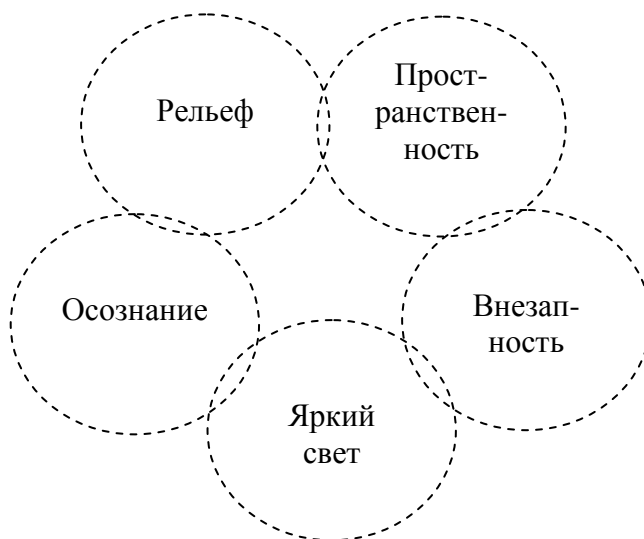

Рис. 5. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры выражения «intellectual landscape» (включая «in an outburst of clarity»)

жизнь уже и без того была наполнена всякими компромиссами и полуправдами; Слишком долго в моей жизни были компромиссы и полуправды; Я столько раз в своей жизни довольствовался ложью. Актуализация этого признака в тексте свидетельствует об имплицировании морального запрета, предела на дальнейшее наполнение своей жизни подобным «мусором».

Признаком *потери жизненного ориентира* характеризуются 20,4% переводов: *Я так запутал свою жизнь компромиссами и полуправдами; Мне необходимо пересмотреть свою жизнь заново.*

В 11,1% всех случаев перевода актуализирован когнитивный признак *бесполезности (напрасности)*: *Я уже растратил свою жизнь на компромиссы и полуправды.* И, наконец, в 9,3% вариантах испытуемыми реализован признак *нравственного страдания (униженности)*: *Я уже достаточно унижил свою жизнь компромиссами и полуправдами.*

На основании проведенного анализа перевода всего метафорического комплекса, подтвержденного экспериментами, можно дать схематичное представление авторской когнитивной структуры текста (см. Рисунки 5,6), представленной тремя синтагмами. Из них первые две объединены общностью составляющих их структуру доминантных когнитивных признаков, а

Рис. 6. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры выражения «litter life»

последняя представляет собой отдельный метафорический комплекс.

Таким образом, можно еще раз отметить верифицируемость следующей гипотезы: восприятие и понимание текста обусловлено **спецификой ассоциативного значения опорного слова** и способствует **сохранению инвариантности понимания** текста. В качестве опор-

ных слов текста выступают метафорические структуры и компоненты, их поддерживающие.

5) Watching them, my sense of duration slowed down and almost stopped; and I stayed there too for a long time, where every second was lengthened out into a minute, and motion and rest almost completely reconciled [IM, p. 186].

Я смотрел на них, и время замедлило свой ход, почти остановилось; здесь я тоже простоял долго, каждая секунда растягивалась в минуту, и стиралась грань между движением и покоем [AM, с. 182].

Мы считаем, что в данном примере, несмотря на сохранение метафоры, в текстах актуализированы разные когнитивные признаки, что, в конечном итоге, ведет к созданию разных когнитивных структур. Если в исходном тексте внимание акцентировано на *примирении* (*reconciled* / примирились), то в русскоязычном переводе ведущим когнитивным признаком становится признак *невыявленности* специфических *свойств* явлений движения и покоя («стиралась грань»). Ср.: стереть грань – уничтожить разграничение, обособление движение от покоя; сгладить особенности, специфические черты каждого из этих явлений так, что они перестают различаться. (См. «стереть» [СЕ, с. 263], «грань» [СЕ, с. 344]).

Сравните значение русскоязычных лексем с аналогичным ему (по мнению переводчика, в переводном варианте) значением исходной лексемы. «Reconcile – make *friendly* again after *an estrangement*; harmonize, make compatible» (курсив мой. – Е.Я.) [OERD, p. 1206]. В оригинальном тексте заложен признак мира (*friendly*) после отчуждения между антагонистическими сущностями (*estrangement, compatible*). Harmonize – «make or form a pleasing or consistent whole» – здесь признак примирения акцентируется еще раз. Кроме того, примирение возможно только после борьбы, противостояния. Таким образом, покой и движение – это два противоборствующих начала в человеке и природе в целом.

Лексико-семантический и когнитивный анализ исходных и переводческих текстов показал, что основание метафоры (контраст, слияние несовместимого) сохранено в художественном переводе. С этой точки зрения произошла передача содержания. Вместе с тем тексты отличаются друг от друга набором актуализированных когнитивных признаков и, соответственно, реализованными в них когнитивными структурами. В тексте оригинала основным становится признак умиротворения, гармонии после борьбы тогда, как в русском варианте доминантным признаком является неразличимость, безразличие. Кроме того, расхождение наблюдается и в понимании степени различия движения и покоя: в английском тексте они антагонистичны, в русском – лишь обособлены друг от друга специфическими чертами. Можно сделать вывод о реализации специфики определенных менталитетов представителей двух народов, что и отразилось в тексте русского переводчика. Для носителей русского языка нет четкой границы между контрастными явлениями, мироощущение иное, чем у носителей английского языка, которые имеют более категоричные способы представления своих суждений.

Подтверждение этой мысли следует искать в сопоставлении результатов эксперимента среди русско- и англоязычных испытуемых.

Таб. 11. Распределение реакций на слово-стимул **reconcile** по группам:

<i>№</i>	<i>Группа</i>	<i>Всего</i>
1	мир / дружба	38
2	переговоры / урегулирование	29
3	война (ссора, преграда)	19
4	прочее	13
<i>Общий итог</i>		99

Несмотря на то, что мы разграничили ассоциации на группы «переговоры / урегулирование» и «мир / дружба», между ними нет большой разницы, поскольку реакции в обеих группах определяют процессы мирного сосуществования и ориентированы на восприятие положительного момента. Та-

ким образом, в основе 63,6% всех ассоциативных значений слова reconcile лежит выделенный когнитивный признак.

Ассоциации, синонимичные по значению с исходным – reconcile, формируют группу значений, относящихся к дружественным мирным отношениям (38,4%): agree 1, children 1, coincide 2, family 1, fortune 1, friend 8, friendship 5, peace 14, truce 1, understanding 1, united 1, воссоединение 1, примирять 1.

Следующие слова-ассоциаты можно отнести к отдельной группе как характеризующие процесс переговоров (25,2%): agreement 4, ambassador 1, argument 1, circle 1, choose 1, compromise 1, council 1, diplomacy 1, dispute 1, distribution 1, future 1, intermediary 1, line 1, moderation 1, paper 1, pencil 2, recognize 2, reconstruction 1, restart 1, sides 1, try 1, the UN, world 1.

В группу «война» мы отнесли следующие ассоциации: battle 2, conflict 1, contest 1, enemy 1, hassle 1, layer 1, offence 1, quarrel 7, regret 1, tiff 1, war 1, революция 1.

«Прочее» составляют 17,8% реакций: buy 1, clothes 3, dress 1, parcel 1, plus 1, shop 1, truth 1, возобновление жизни 1, волчок 1, рептилия 1, соответствовать 1, юла 1.

Сопоставим когнитивные признаки, выявленные путем свободного ассоциативного эксперимента, с признаками, актуализированными в текстах перевода. Нами был проведен анализ синтагмы, представляющей наибольший интерес и расхождения: motion and rest almost completely reconciled. Получено следующее распределение вариантов перевода текста.

Большинство испытуемых (41,2%) актуализировали признак *единства: движение и покой слились воедино*. Таким образом, две сущности становятся единым целым. (Сравните с признаком *невыявленности свойств*, актуализированным в профессиональном переводе. Данный признак получил распространение в 9,8% текстах испытуемых в переводческом эксперименте: *движение и покой окончательно сравнялись*.)

25,5% респондентов отметили в своих вариантах признак *согласия / примирения: движение и покой почти совершенно примирились / пришли в согласие.*

В 6% вариантах перевода испытуемых реализован признак *неподвижности*, не выявленный ранее в переводе: *все движение остановилось.* И, наконец, 17,5% всех переводов являются неадекватными. Столь большой процент неадекватных версий перевода составляют, в основном, тексты переводов, представленные студентами неязыковых факультетов, что и объясняет *невысокую степень развития языковой компетенции.*

Сопоставив актуальные когнитивные признаки, выявленные в ходе обоих экспериментов, можно представить когнитивную структуру значения следующим образом (Рис. 7). Итак, экспериментальным путем подтверждается наше теоретическое положение о сущности механизма **метафоризации как функциональной динамической системе порождения смыслов;**

структура самой метафоры

как когнитивной модели

представлена *стабильными*

/ фиксированными и дина-

мичными / случайными ком-

понентами. Перевод как

специфическая когнитивная

деятельность очевидно об-

наруживает реализацию *ме-*

ханизма языковой способ-

ности, позволяющего **вер-**

бализовать / фиксировать

эти случайные компонен-

ты ментального содержания.

Рис. 7. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры выражения «reconcile»

б) “People are a trial and a trouble, aren’t they?” she added, in that voice which must have greased the way to many a confession [IM, p.18].

– Ох уж эти люди, сплошные от них неприятности, верно? – добавила она тем масленным голосом, который, надо полагать, вынудил не одно признание [AM, с. 32].

Анализируемый текст можно разделить на две равнозначные части на основании выделения доминантного смысла в каждой из них. Доминантный смысл первой части предложения выражен метафорическим комплексом *people are trial and trouble*. В художественном переводе профессионального переводчика (см. выше) происходит опущение одного из слов исходного выражения; одна из лексем становится избыточной видимо потому, что оба значения пересекаются в оценочном компоненте – вызывают негативные эмоции. С этой точки зрения предложенный выше перевод является оправданным: в обеих структурах (оригинала и перевода) актуализирован одинаковый когнитивный признак – источник неприятностей. Однако в остальном семантические компоненты лексем *trial* и *trouble* имеют мало общего. Ср.: *trouble* – «difficulty and distress; inconveniencence, unpleasant exertion; bother; a cause of annoyance or concern» [OERD, p. 1543]. *Trial* – a process in a court of law to judge a person or legal problem; the place where a trial takes place [LA, p. 1445].

Итак, несмотря на разницу в лексических значениях возможен адекватный перевод за счет сохранения актуального признака в обеих когнитивных структурах. Перевод следующего метафорического комплекса – *voice (that) greased the way to confession* – также отражает соответствие на функциональном уровне. В слове *grease / greasy* – «(of a person or a manner) unpleasantly unctuous, smooth» [OERD, p. 612]; *unctuous* – «(of behavior, speech, etc.) unpleasantly flattering; oily» [p. 1567]; *oily* – «(of a manner etc) fawning, insinuating, unctuous» [p. 1010] актуализированы такие компоненты, как *unctuous / елейный, unpleasant / неприятный, oily / масляный, flattering / льстивый*. Все они говорят о льстивой, елейной манере разговора, носящей негативный (отталкивающий) характер для героя романа, от чьего лица ведется повествова-

ние. Перечисленные выше признаки переданы в русском переводе при помощи комбинации лексем *масленный (голос)* и *вынудить*. Глагол *вынуждать* актуализирует значение подневольности, чего-то, что происходит против чьей-либо воли. Ср. в русском языке: *масленный* означает «перен. льстивый, заискивающий» [СО, с. 344].

Итак, несовпадение текстов оригинала и перевода на лексическом уровне не мешает, тем не менее, адекватно отразить когнитивные признаки, заложенные в исходном тексте. Это соотносится с нашей гипотезой о метафоре как когнитивной модели, в которой происходит **одновременное сопоставление и синтез нескольких когнитивных структур**, что ведет к неоднозначности понимания и множественности способов формирования смысла. А переводческая деятельность, в которой обнаруживается и фиксируется смысловое содержание, подчиняется действию законов функциональных динамических систем, основным критерием которых является **вероятность** понимания и порождения речевого высказывания.

Ассоциативный эксперимент, в котором предъявлялось слово-стимул *grease*, являющееся центром метафорического комплекса *voice (which) greased the way to confession*, выявил следующую картину.

Таб. 12. Распределение слов-реакций по группам на стимул **grease**:

<i>№</i>	<i>Группа</i>	<i>Всего</i>
1	жир, смазывать	34
2	негативные эмоции	31
3	толстый/жирный	18
4	грязный	14
5	ассоциация со звучанием	14
6	прочее	8
<i>Общий итог</i>		119

28,6% ассоциативных реакций имеют нейтральный характер: *animal* 1, *axle grease* 1, *bear* 2, *pancake* 1, *butter* 4, *car* 2, *fry* 1, *frying pan* 2, *massage* 1, *oil* 11, *ointment* 1, *pork* 1, *smooth* 1, *repair* 1, *spot* 2, *жир* 1, *сало* 1.

В 26% ответах отражено негативное отношение к кому-либо или чему-либо жирному. В эту группу вошли такие ассоциативные значения, как lazy 1, bribe 2, crime 1, bad 1, grease the palm 1, grease the wheels 1, greedy 1, unpleasant 2, perspiration 1, pig 13, rich 1, slippery 2, ugly 1, режет слух 1, усмешка 1.

Мы выделили отдельную 3 группу «толстый» в значении «жирный» (15,1%), в которую отнесли следующие слова: fat 15, fat man 2, thick 1. Однако стоит отметить, что все реакции этой группы можно с полной уверенностью отнести ко второй группе, ведущим признаком которой является негативная эмоция, связанная со словом-стимулом grease. То же самое положение справедливо и для реакций 4 группы «грязный» (11,8%): autumn 1, body 1, book 1, cloth 1, dirty 2, glass 1, hair 2, head 1, iron 1, mud 2, spring 1. В зависимости от отношения к ним субъекта данные значения могут принимать как нейтральную, так и явно выраженную негативную коннотацию.

Группу «ассоциации по звучанию» составляют следующие ассоциативные значения (11,8%): freeze 1, geese 1, pease 1, sharp 1, грация 1, Греция 2, гризли 1, грызть 1, зелень 3, морская волна 1. По приведенным ответам можно сделать вывод о том, что в случае отсутствия соответствующего эквивалентного понятия в языковом сознании билингва, происходит поиск значения по звуковой оболочке либо в родной языковой системе, либо в иноязычной (формирующейся) языковой системе.

И, наконец, в группу «прочее» (6,7%) мы включили следующие значения: big 2, groan 1, settle 1, useless 1, worthless 1, свежий 1, сумасшедший 1. Нами не выявлено явной мотивации, послужившей стимулом для порождения подобных ассоциаций. Однако это опять-таки не означает их бессмысленности. Как отмечает А.А. Залевская, образ мира (иначе концептуальная система) любого индивида представляет собой перцептивно-когнитивно-аффективный континуум, который и обуславливает вариативность понимания слова или текста [Залевская 1991]. Другими словами, речь идет о специфике (построения) концептуальных систем испытуемых, формирующей осо-

бенности восприятия ими предложенного слова, не выявленной в ходе обработки и анализа результатов эксперимента.

На втором этапе испытуемые переводили текст, в котором встречалось то же слово (*grease*), но уже в контексте. При обработке данных эксперимента мы разбили исходное предложение на две синтагмы: 1) *People are a trial and a trouble*; 2) *in that voice which must have greased the way to many a confession*. Ниже приведен анализ вариантов перевода.

В 86,8% случаев произошло адекватное понимание первой синтагмы исходного текста, и потому перевод можно считать успешным. При этом наблюдается следующее распределение вариантов перевода. К первой группе (39,7% всех полученных текстов) можно отнести следующий вариант: *Люди полны переживаний и тревог, не правда ли?* Здесь ведущим когнитивным признаком является признак *тревожности*. Необходимо отметить, что в данном случае переживания направлены как бы «вовнутрь», волнуют самого индивидуума, а не служат источником беспокойства окружающих. Тогда как во втором случае (см. далее) происходит обратное: беспокойство направлено «вовне» и задевает жизнь окружающих людей.

Отсюда, вторая группа переводов (19,1%) характеризуются признаком *проблемности*: *Не правда ли, люди – это одни сплошные проблемы?*

Все варианты третьей группы перевода (21,8%) можно свести к следующему предложению: *Люди – это испытания и неприятности, не так ли?* При этом в текстах актуализированы два признака – *проблемности* и *испытания*.

В 7,3% случаев актуализирован признак *правовой проблемности*, заложенный в лексико-семантической структуре одного из метафорических компонентов – *trial*: *Люди – это сплошные тяжбы и проблемы, вам не кажется?*

Почти треть всех версий анализируемой синтагмы (31,1%) является неадекватным переводом оригинала. Сложность заключается, по-видимому, в незнании точного значения лексемы *trial* и, как следствие, невозможности ее адекватного употребления в речи. Кроме того, негативным образом сказыва-

ется отсутствие контекста, хотя бы в рамках наличной ситуации. Представим схематично когнитивную структуру данного выражения (см. Рис.9).

Распределение вариантов перевода второй синтагмы выглядит следующим образом. 56,1% всех текстов адекватно отражают смысл оригинала; 28,8% – частичное совпадение когнитивных структур исходного и переводного текстов с актуализацией какого-либо одного признака; 15,1% – неадекватное смыслопорождение.

Наиболее показательной версией адекватного перевода является следующее предложение:

«Люди – это одни сплошные проблемы, не так ли?» добавила она голосом, в котором было нечто такое, что, должно быть, умаслило путь уже не к одному признанию. Среди других вариантов перевода можно отметить, в том числе, и такие: ...добавила она таким голосом, который, должно быть, проложил дорогу ко многим признаниям; ...добавила она голосом, облегчающим признания; ...голосом, смягчающим дорогу к признанию; ...голосом, выудившим наверняка не одно признание.

В случаях неполной адекватности текстов оригиналу был актуализирован, как правило, признак *негативной оценки* голоса и манеры собеседницы, что было также отмечено ранее в проведенном собственном анализе исходного

Рис. 8. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры выражения «people are trial and trouble».

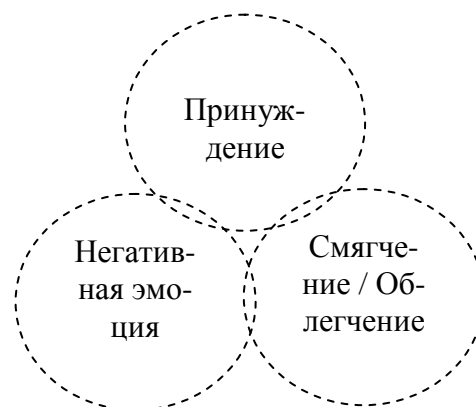

Рис. 9. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры выражения «voice (which) greased».

текста и ассоциативном эксперименте. Приведем в качестве иллюстрации вышеизложенному один из текстов, полученных путем эксперимента: ...добавила она таким голосом, который мог показаться противным и отбить желание исповедываться.

Итак, многоступенчатый анализ выявил реализацию когнитивной компетенции как **универсальных стратегий обработки, восприятия и понимания информации**. Кроме того, подтверждается развиваемое нами положение о способности ассоциативного значения доминантного компонента метафоры **фиксировать и отражать психологически релевантные / актуальные / когнитивные связи и отношения** в языковом сознании индивидов и служить полем формирования смысла текста.

7) The great brown eyes, which once opened so blandly upon the world, seemed narrowed, and where Anna had used to draw a dark line upward at their corners the years had sketched in a little sheaf of wrinkles [IM, p. 37].

Большие карие глаза, когда-то глядевшие на мир так прямо, теперь словно сузились, и у наружных их уголков, там, где Анна раньше продлевала их кверху темным карандашом, годы нарисовали крошечный сноп морщинок [AM, с. 50].

В обоих приведенных текстах выявляются разные лексические компоненты глаголов *sketch* / рисовать. В значении русскоязычного глагола *рисовать* – «изображать, воспроизводить предметы на плоскости» [СЕ, с. 718] заложено более широкое по сравнению с его английским эквивалентом определение, не конкретизирующее *характер* процесса / действия, совершаемого годами (временем). В исходном тексте в лексеме *sketch* – «a rough, slight, merely outlined, or unfinished drawing or painting, often made to assist in making a more finished picture» [OERD, p. 1358] актуализируются компоненты, обозначающие характер рисования: *slight* / легкий, незначительный, *unfinished* / незаконченный. Таким образом, глагол *рисовать* не является эквивалентом глаголу *sketch* (делать набросок, эскиз). В последнем реализуется признак не-

завершенности и обрисовки в общих чертах, то, что лишь *наметилось*. Автор хотел указать на начало процесса старения; «сноп мелких морщинок» – еще не показатель старости, а следы переживаний.

Кроме того, передача взгляда прежней Анны (*blandly* / ласково, нежно) с помощью лексемы «прямо», имеющей совсем другое значение – смело, бесстрашно, придает ему другой смысл. Поэтому мы предлагаем собственный вариант. «Огромные карие глаза, открытые когда-то миру с такой доверчивостью, теперь словно сузились, и там, где Анна раньше продлевала их кверху у наружных уголков, годы едва наметили крошечный сноп морщинок».

В качестве подтверждения нашей версии перевода и анализа когнитивной структуры метафорического комплекса приведем результаты экспериментов.

Таб. 13. Распределение слов-реакций по группам на стимул **sketch**:

<i>№</i>	<i>Группа</i>	<i>Всего</i>
1	изобразительная деятельность	57
2	специфика деятельности	21
3	ассоциации по звучанию	20
4	литературно-художественная деятельность	12
5	прочее	5
<i>Общий итог</i>		115

При этом произошло следующее распределение ответов по группам:

1) «изобразительная деятельность»: architect 1, art 4, artist 6, canvas 1, color 1, drawing 8, frame 1, landscape 1, line 1, paint (er) 6, pencil 8, picture 13, coal 1, portrait 1, sketcher 1, still life 1, watercolor 1;

2) «специфика деятельности» (в эту группу вошли ассоциации, каким-либо образом характеризующие как изобразительную, так и литературную деятельности): beginning 1, briefly 2, character 1, draft 3, fast 1, funny 2, humor

1, imagination 1, long 1, model 2, outline 1, reflect 1, scheme 2, try 1, unfinished 1;

3) «ассоциации по звучанию» (ассоциаты этой группы отражают фоносемантические особенности восприятия звуковой оболочки слова sketch): game 3, rollicks 2, skin 1, screech 1, skin 1, vitality 1, кетчуп 1, клейкий 1, прыжок (прыгать) 4, резкий 1, скотч 2, спич 1, тянуть 1;

4) «литературно-художественная деятельность»: autobiographical 1, comics 1, essay 1, literature 1, paper 3, text 1, скетч 2, theatre 2;

5) «прочее»: чесаться 1, grey 1, freedom 1, conduct 1, завитушки 1.

Результаты показывают, что большинство реакций (60%) относятся к предметно-понятийной области анализируемого значения (ассоциативные значения первых двух групп), 17,4% характеризуют действие, обозначенное словом sketch и 18,3% ответов ассоциированы с фоносемантическими характеристиками слова. 4,3% значений составили группу «прочее», поскольку не найдено основание (мотивация) для объяснения появления подобных реакций на предложенное нами слово-стимул.

Наличие ассоциаций по звучанию позволяет говорить о подтверждении общего постулата, связанного с психофизиологическими особенностями восприятия звукового образа слова, имеющего фонетическую значимость. В случаях затруднения понимания иноязычного текста в первую очередь **актуализируется звуковой компонент значения.**

Анализируя варианты переводов, мы разбили исходное предложение на две синтагмы: 1) The great brown eyes, which once opened so blandly upon the world, seemed narrowed; 2) the years had sketched in a little sheaf of wrinkles.

82,6% вариантов перевода первой синтагмы вполне соотносимы с авторской когнитивной структурой. Однако, в зависимости от того, какой когнитивный признак признается ведущим – признак *нежности* взгляда либо *открытости*, и происходит распределение версий перевода. Актуализация первого когнитивного признака имеет место в 36,2% перевода (в данном случае реализовано лексическое значение слова blandly). Среди предложенных

вариантов отметим следующие: *Огромные карие глаза, которые нежно смотрели на мир, казалось, стали уже; Большие карие глаза, когда глядевшие на мир так ласково, казались сузившимися.* Подобная интерпретация оригинала является вполне обоснованной, поскольку здесь реализуется следующий смысл. Героиня в анализируемом тексте, имевшая когда-то доверчивый, детский взгляд на окружающий ее мир, сильно повзрослела и приобрела горький опыт разочарования (который, кстати, отразился в наметившихся морщинках в уголках глаз). Таким образом, сузившийся взгляд свидетельствует об ужесточении характера его обладателя.

Иное понимание возникает во втором случае, когда реализована оппозиция значений большой / маленький (*great eyes – narrowed*). Открытость взгляда, (подразумевающая смелость, бесстрашие), присущая прежней Анне, сменяется настороженностью, опаской, что характеризует героиню с другой стороны. Настоящая Анна уже не так смела, как прежде. Ср.: *Огромные карие глаза, широко распахнувшиеся навстречу миру, теперь казались уже.* Актуализация признака *открытости / смелости* составляет 46,4% переводов.

Оставшиеся 17,4% вариантов перевода представляют собой неадекватную передачу авторского смысла. В большинстве случаев причиной послужило ошибочное восприятие формы лексемы *blandly*, вызванное, по видимому, ассоциацией по графической и звуковой формам с лексемой *blankly* (безучастно, невыразительно, блекло).

Распределение вариантов перевода второй синтагмы выявляет следующее. В 95,5% слу-

Рис. 10. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры выражения «sketch»

чаев можно говорить о состоявшемся процессе понимания текста; из них 88,1% вариантов перевода являются полностью адекватными авторской когнитивной структуре. В 7,4% текстов актуализирован какой-нибудь из признаков, а не вся совокупность признаков. 4,5% испытуемых исказили авторский смысл, заменив его собственным неадекватным вариантом.

Итак, в случае адекватной передачи исходной когнитивной структуры в переводе актуализированы такие признаки, как *незначительность, схематичность, начало действия, усталость, рисунок*.

Проиллюстрируем представленную схему (см. Рис. 10) выявленными вариантами перевода: *в уголках глаз годы оставили маленькие сеточки морщинок; годы оставили свой след в виде сеточки морщинок; годы давали о себе знать маленькими скоплениями морщинок; годы пустили паутинку морщин в уголки глаз; годы очертили узоры в виде сеточки морщин*.

Анализ дистрибуции выявленных вариантов перевода позволяет говорить о **реализации определенных стратегий восприятия и порождения текста**: стратегии выявления эмоциональной доминанты, стратегии встречной метафоризации, стратегии выявления доминантного авторского смысла; что, в свою очередь, свидетельствует о **наличии механизма когнитивной компетенции**.

8) My heart was beating out the refrain *too late* [ИМ, р. 110].

Сердце мое билось в такт словам: «Поздно, поздно!» [АМ, с. 115].

В основе восприятия когнитивной структуры данного текста лежит ритм. Душевное состояние героя – отчаяние, паника – выражено лексико-синтаксическими средствами (повтором лексемы «поздно») и синхронизировано с физическим состоянием – биением сердца. Лексико-семантический анализ значений слова *refrain* и его переводческого эквивалента позволяет установить их общность на уровне компонента *ритм*. Ср.: «биться в такт» и *refrain* – «recurring phrase or number of lines, esp. at the end of stanzas; the music accompanying this» [OERD, р. 1212]. В тексте перевода точно передана рит-

мическая составляющая эмоционального напряжения. На протяжении всего романа акцентируется внимание на еще одном признаке – музыкальном: refrain – рефрен, припев. Сердце не просто бьется, колотится, а выстукивает ритм, мелодию. В русском варианте перевода этот когнитивный признак опущен.

В ассоциативном эксперименте выявлены следующие группы реакций, подтверждающие проделанный нами выше анализ текста (см. таб. 14).

43,6% респондентов отметили признак музыкальности в своих ассоциациях: hymn 1, literature 1, music 3, musician 1, poem 2, rhyme 1, rhythm 2, sing 2, singer 1, song 26, tune 1, припев 2, рефрен 2.

Таб. 14. Распределение ассоциаций на слово-стимул **refrain** по группам:

<i>№</i>	<i>Группа</i>	<i>Всего</i>
1	музыка / поэзия	45
2	сдержанность	24
3	повторное действие	15
4	прочее	7
5	ассоциация по звучанию	3
<i>Общий итог</i>		94

Признак *повторности действия* обнаружен в ответах 16% реакций: repeat 8, tape-record 1, thoughts 1, words 4, назад 1.

В 25,5% реакций испытуемых актуализировано другое значение лексемы refrain – сдержанность; сюда относятся ассоциации, связанные как с характером человека и его силой воли, так и с препятствиями, ограничениями в чем-либо. Получены следующие реакции: calm 1, character, conclusions 1, control feelings 1, decision 1, duty 1, food 1, forbid 1, give up 1, limit 1, no allow 1, obstacles 1, power 1, prohibition 2, refrain from 1, rough 1, stop 1, strong 1, drink 1, weight 1, will 2, will-power 1.

Единичные ассоциации составили группы «ассоциация по звучанию» (3,2%) и «прочее» (7,4%). К первой мы отнесли: relief 1, rain 1, referee 1; ко второй – air 1, audience 1, custom 1, fast train 1, joy 1, pain 1, wit 1.

Таким образом, из таблицы распределения реакций испытуемых на слово-стимул refrain становится понятным и доказанным анализ данного текста с точки зрения его ассоциативной базы понимания. Большинство ответов связано с актуализацией именно музыкального компонента при восприятии предложенного слова. Продолжим анализ предложения и приведем результаты эксперимента по переводу.

Предложение неожиданно оказалось сложным для понимания, и только четверть испытуемых (25,3%) смогла дать адекватный перевод текста, т.е. восстановить авторскую когнитивную структуру. Более половины испытуемых (53,3%) передали лишь выявленный нами выше в ходе ассоциативного эксперимента музыкальный компонент – ритмическую составляющую смысла текста. Пятая часть переводов (21,4%) представляет собой неадекватное понимание текста. Причина столь низкого процента адекватного понимания и перевода данного текста, возможно, лежит в невнимательности респондентов к графической форме предъявляемого текста, в котором выражение *too late* было дано курсивом, а не в кавычках, как принадлежащее собственной речи.

Подводя итог анализу данного текста, можно еще раз акцентировать некоторые развиваемые нами теоретические положения. Во-первых, *механизм языковой способности как вербализации ментального содержания (т.е. оперирование формой языкового выражения) недостаточно развит* у формирующихся билингвов. Приоритетным является процесс **восприятия**

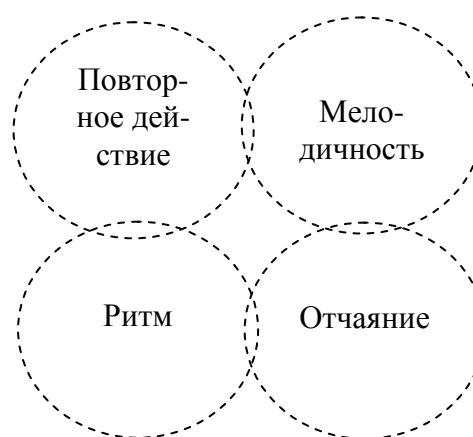

Рис. 11. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры выражения «beating out the refrain».

/ **понимания**, протекающий быстрее и с меньшими затруднениями.

Во-вторых, **специфика ассоциативного значения опорного слова**, выраженного метафорическим компонентом, оказывает влияние на восприятие текста в целом. Актуализация доминантных когнитивных признаков, выявленных путем комплексного ассоциативного, исследовательского и переводческого анализов, способствует **сохранению инвариантности понимания** текста.

В-третьих, уникальность метафоризации заключается в ее динамическом континуальном характере. Ментальный процесс установления аналогий, лежащих в его основе, актуализирует целый комплекс вербально-авербальных ассоциаций, происходит подключение тех или иных систем значения, которые не ограничиваются ничем, кроме особенностей ассоциативно-апперцепционного содержания концептуальной системы индивида. Следовательно, метафорический текст является полем формирования континуальных смыслов.

9) [...] As I went I could not hear myself making a sound. An uncanny stillness was drinking me up [IM, p. 218].

Только миновав ее дверь, я распрямился и заскользил дальше так тихо, что даже сам не слышал своих шагов. Меня засасывало в эту неуютную тишину [AM, с. 208].

В характеристике тишины / stillness как неуютной в русском варианте актуализирован признак «ощущение неустроенности, бесприютности» [СЕ, с.491]. Этот признак относится к бытовой стороне жизни (уют, приют) и вызывает следующие ассоциации: кров, прибежище, лад, домашний очаг, тепло. Следовательно, неуютная тишина – это такая тишина, которая не дает ощущения покоя, защищенности, заставляет насторожиться: беспокойная настораживающая тишина.

«Тишина засасывает» означает следующее. Засасывать – «втянуть, вобрать в себя; подчинить своему влиянию, подавить индивидуальные, творче-

ские стремления и т.п.» [CE, с. 574]. Таким образом, в данном контексте тишина лишает человека воли, парализует его активное начало, подавляет личность, поглощает ее.

Проведем подобный лексико-семантический анализ текста оригинала. Uncanny – seemingly supernatural, mysterious [OERD, p. 1505]. Uncanny – сверхъестественный, жуткий; странный, необъяснимый [ORD, p. 1280]; supernatural – attributed to or thought to reveal some force above the laws of nature [OERD, p. 1449]. Таким образом, в оригинале актуализированы совсем другие лексические компоненты; тишина здесь является сверхъестественной, жуткой силой, не человеческой и не природной, а потому еще более пугающей своей неизвестностью. Uncanny stillness – тишина как мистическая сила (сравните с русским вариантом «тишина как неустроенность, дискомфорт»).

Отсюда выстраиваются две метафорические модели: uncanny stillness / неуютная тишина и stillness was drinking me up/меня засасывало в эту тишину. Относительно первой можно сказать, что переводчик *частично* передал ее когнитивную структуру, поскольку в русском варианте актуализированы иные признаки, нежели те, которые заложены в оригинале. Кроме того, лексема stillness передает не только значение тишины, но и неподвижности, безжизненности, что создает еще более гнетущее ощущение. Что касается второй части метафорического комплекса, то здесь можно отметить совпадение когнитивных структур оригинала и перевода не на лексическом уровне (drink up ~ засасывать), а на уровне составляющих их когнитивных признаков. Схема когнитивной структуры будет представлена ниже.

Поскольку проделанные нами лексико-семантический и когнитивный анализы сопоставляемых текстов выявили их неоднородность в обоих аспектах, предлагаем собственную версию перевода:

Меня поглощала жуткая неподвижная тишина.

Для подтверждения правильности вычлененных нами признаков когнитивной структуры обратимся к результатам ассоциативного эксперимента. В

качестве стимула был выбран только один компонент метафорического комплекса.

Таб. 15. Распределение слов-реакций на стимул **drink up** по группам:

№	Группа	Всего
1	напиток	42
2	питье / жажда	37
3	негативная оценка	9
4	праздник	9
5	характер действия	8
<i>Общий итог</i>		105

Полученные ассоциации позволяют сделать вывод о том, что в сознании носителя языка в «нулевом контексте» слово *drink up* всегда предполагает активного субъекта – человека. Замещение этого субъекта агенсом абстрактного порядка само по себе создает нетривиальную ситуацию.

Заметим, что в 44,8% случаев (прямо и опосредованным путем) с данным словом ассоциируются алкогольные напитки, что характерно не только для носителей русского языка. При этом реакции характеризуются как положительной (8,6%), так и негативной (8,6%) оценкой. К первым можно отнести такие ассоциации, как: *celebration 1, happiness 1, holiday 2, "I'm glad to see you" 1, jolly 1, party 1, triumph 1, wedding 1*. Ассоциации негативного характера следующие: *be tight 2, drink hard 1, drunk 4, quarrel 1, tears 1*.

Для обработки вариантов перевода, полученных нами в ходе переводческого эксперимента, исходный текст был разделен на две синтагмы, соответствующие двум частям метафорического комплекса: *an uncanny stillness* и *was drinking me up*. Результаты эксперимента выявили следующую картину.

Во-первых, 75,2% переводов являются полностью адекватными когнитивной структуре оригинала. Это означает, что в переводных текстах была передана *вся совокупность* когнитивных признаков, выявленных нами в ходе собственного (лексико-семантического и когнитивного) анализа. А именно:

1) признак ужаса – 37,6% (жуткая тишина, настораживала и пугала, ужасала, убивала);

2) признак сверхъестественности/необычности – 12% (необычайная, таинственная, странная тишина, завораживала);

3) признак абсорбции – 35,6% (всепоглощающая тишина, выжимала из меня соки, опустошала, поглотила, наполняла).

Во-вторых, незначительная часть вариантов (13%) представляет собой актуализацию отдельных когни-

тивных признаков исходного текста; например, признака неподвижности. В данном случае можно говорить о недостаточном уровне развития языковой компетенции формирующихся билингвов.

В-третьих, 13,8% всех представленных вариантов неадекватны авторской когнитивной структуре. В большинстве случаев причинами являются либо актуализация описанного выше семантического компонента, связанного с алкогольными напитками, либо подмена психологического подлежащего (замена агенса). Так, например, испытуемые дали следующие варианты перевода: *Необычная тишина пыталась меня напоить; Я много выпил; Я поглощал тишину; Неподвижная тишина пьянила меня.*

Однако в подавляющем большинстве (88,2%) испытуемые поняли текст, несмотря на сложный метафорический контекст, выраженный средствами иной языковой системы и иными когнитивными способами. Высокий процент понимания лакунарного текста свидетельствует о **реализации языковой способности** испытуемых. Кроме того, были обнаружены универсальные стратегии адекватного восприятия и перевода текста оригинала методами ассоциативного и переводческого экспериментов, а также лингвис-

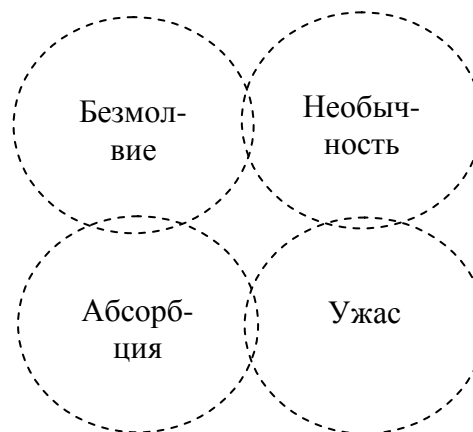

Рис. 12. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры текста «an uncanny stillness was drinking me up».

тическим, лексико-семантическим и когнитивным анализом. Адекватность процессов речесмыслопорождения обеспечивалась выявлением актуальных признаков, составляющих когнитивную структуру данного текста. Испытуемые-билингвы обнаружили способность к моделированию авторского доминантного смысла исходя из собственной языковой компетенции.

10) I held my breath. I had to step carefully now if I was to get out of him the full confession for which I thirsted; and as I inhaled slowly I could smell Hugo's thoughts [IM, p. 222].

Я затаил дыхание. Теперь, чтобы выудить у него признание, нужно было действовать крайне осторожно; я сделал глубокий вдох, будто пробуя мысли Хьюго на запах [АМ, с. 212].

Уже на первоначальном этапе сопоставления двух текстов выявляется грубейшее нарушение стилистических норм в переводном тексте: метафорический комплекс *smell thoughts*, также являющийся когнитивным компонентом, передан с помощью сравнения – *будто*. В результате подобного нарушения *искажена когнитивная структура текста* оригинала, т.е. неадекватно передан способ авторского выражения мысли. Проведем далее лексико-семантический анализ исходного и переводного текстов.

Лексема *smell* означает «perceive the smell of, examine by smell»; а также «the faculty of perceiving odors or smells» [OERD, p. 1368]. Ср.: лексема «пробовать» актуализирует компонент *вкуса*, имеющий обонятельную и осязательную модальности, однако в английском слове *smell* реализован иной лексический компонент – *запах*, спектр значения которого несколько меньше его русского эквивалента. Проблема семантического расхождения двух лексем решается переводчиком путем добавления лексемы, ограничивающей значение выражения «пробовать на вкус». Таким образом восстанавливается эквивалентность на функциональном уровне при отсутствии однозначного соответствия между сопоставляемыми языковыми единицами.

Представленный выше перевод не является полностью удовлетворительным с точки зрения адекватности его структуры тексту оригинала. Предлагаем собственную версию:

Я застал дыхание. Сейчас мне нужно действовать крайне осторожно, чтобы выведать / вырвать у Хьюго долгожданное признание. Медленно вдыхая носом, я мог почуять, что он замышляет / о чем он думает.

Анализ ассоциативного поля значения *smell thoughts* позволяет распределить полученные реакции на 6 групп, которые были сведены в таблицу.

Таб. 15. Распределение слов-реакций на стимул **smell thoughts** по группам:

<i>№</i>	<i>Группа</i>	<i>Всего</i>
1	мыслительная деятельность по пониманию	38
2	вкусовые ощущения	21
3	негативная оценка	13
4	Прочее	12
5	эмоционально положительные чувства	10
6	направленность в будущее	8
<i>Общий итог</i>		102

При этом необходимо отметить следующее. Обозначенные нами группы несколько разнородны по своему морфологическому, стилистическому и прочему составу. Так, например, во вторую группу («вкусовые ощущения») входят такие компоненты значения, как *нюхать, запах, вкус, пища*. Тем не менее, в этой разнородной массе ассоциативных значений можно выделить общее, объединяющее их смысловое начало – вкусовые ощущения.

Итак, ассоциативное поле значения *smell thoughts* выглядит следующим образом. 45,1% всех реакций соотносимы с умственной деятельностью индивидуума, в основе которых лежит синтез восприятия, т.е. одновременная актуализация всего метафорического комплекса, а не отдельных его компонентов. При этом 17,7% реакций испытуемых отмечают явный прогностический характер деятельности, направленность ее на будущий результат: *forecast 1, foresee 2, foretaste 1, intuition 2, presentiment 1, prophet 1*.

Самая многочисленная группа ассоциаций, связанных с умственной деятельностью (37,3%), представлена следующими ассоциациями: *arguing* 1, *brain* 1, *brooder* 1, *clever* 1, *curiosity* 1, *dream/dreaming* 7, *formulate* 1, *guess* 1, *head* 2, *idea* 3, *imagination* 1, *in vino veritas* 1, *investigate* 1, *mental activity* 1, *mind* 3, *quick-minded* 1, *read minds / thoughts* 2, *science* 1, *scientist* 1, *smart* 1, *tangible concept* 1, *telepathy* 1, *think* 1, *understand* 2, *улавливать мысли* 1. Сюда включены ассоциаты, означающие процесс умственной деятельности в широком смысле; можно выделить такие подгруппы, как: *ум / умный*, *голова*, *догадываться*, *читать мысли*, *понимать*. Возможно, в построении ассоциативных цепочек задействована русская единица «*чутья*» в значении «*догадываться*, *улавливать*, *понимать*», в которой также реализован и компонент *запах* (*нюхом / носом чутья*).

В пятой части ответов (20,6%) актуализирован первый компонент метафорического комплекса – *smell* («*вкусовые ощущения*»). Проиллюстрируем это полученными реакциями: *aroma* 1, (*big*) *nose* 2, *cake* 1, *cooking* 2, *drink* 1, *eating* 1, *food* 3, *hunger* 1, *meal* 1, *perfume* 1, *scent* 1, *sense* 1, *smoke* 2, *sour* 1, *sweet* 2.

9,8% ответов содержат в себе эмоционально положительную оценку, связанную, видимо, с тем, что романтические отношения предполагают большую степень близости индивидуумов, позволяющую им понимать мысли друг друга. В эту группу включены следующие ассоциаты: *caress* 1, *feelings* 3, *love* 2, *pleasant* 3, *romance* 1.

Негативная оценка содержится в следующей группе реакций (13,7%): *bad* 2, *bad plans* 1, *bad smells* 1, *crazy man* 1, *dirty* 2, *disgusting* 2, *gossip* 1, *rude* 1, *secret* 1, *vulgar* 1, *wrong thoughts* 1. Подобная оценка становится возможной благодаря актуализации еще одной фразеологической единицы в языковом сознании русских билингвов – «*вынюхивать*», «*совать нос в чужие дела*». В русском языке это устойчивое выражение имеет ярко выраженную негативную окраску.

Наконец, в группу «прочее» вошли реакции, для которых не нашлось основания для включения их в какую-либо выше выделенную группу. Либо они представляют собой ответы единичные в своем роде (buzz 1, condition 1, court 1, dark 1, hot 1), либо в равной степени могут быть отнесены к нескольким группам одновременно (mist 1, problem 1, process 1, sea 1, sensation 1). Эти ассоциации составили 11.8% от общего количества приведенных значений.

Сопоставим полученную картину ассоциативного поля значения smell thoughts (в нулевом контексте) с результатами второго этапа эксперимента. 95,2% переводов свидетельствуют о произошедшем понимании содержания исходного текста. Среди представленных версий перевода синтагмы с включенным в нее метафорическим комплексом (I could smell Hugo's thoughts) можно отметить следующие:

Я мог почувствовать мысли Хьюго; я мог почувствовать намерения Хьюго; я мог ощутить запах мыслей Хьюго; я смог почуять мысли Хьюго; я понял/уловил мысли Хьюго; я читал мысли Хьюго; я жаждал узнать, о чем он думает; я вдыхал мысли Хьюго, чтобы почувствовать их; я мог слышать мысли Хьюго.

Итак, выделим основные семантические компоненты анализируемого выражения в переводах испытуемых:

- 1) чувствовать мысли;
- 2) ощущать запах мыслей;
- 3) понимать;
- 4) улавливать ход мыслей / намерения;
- 5) чують мысли.

В последних двух компонентах одновременно реализовано несколько когнитивных признаков: понимание, обонятельная составляющая, прогноз

Рис. 13. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры выражения «smell thoughts».

намерений. Таким образом, мы установили адекватность представленных когнитивных моделей перевода авторской когнитивной структуре текста. Основной выявленной стратегией речесмыслопорождения является стратегия адекватного воспроизведения когнитивной структуры оригинала, а также сопутствующая стратегия встречной метафоризации. Следовательно, психолингвистический эксперимент позволил показать, что языковая способность испытуемых реализовалась в применении универсальных стратегий понимания и производства речевых высказываний, т.е. свидетельствует о **реализации когнитивной компетенции испытуемых-билингвов как совокупности универсальных оптимизирующих стратегий обработки информации.**

11) A sad finger touched my heart [ИМ, р. 178].

Печальное предчувствие сжало мне сердце [АМ, с. 174].

Доминантный смысл текста – эмоция печали – реализована при помощи лексемы *sad* – в английском языке, и лексемами «печальный», «предчувствие», «сжать» – в русском. Лексико-семантический сопоставительный анализ выделенных лексем показывает различия по нескольким признакам.

Во-первых, неадекватным является, на наш взгляд, выбор лексемы «сжать» для передачи когнитивного признака *незначительности* (*поверхностности*), реализованного английской лексемой *touch*. Ср.: *touch* – deal with (a subject) *lightly* or *in passing* [OERD, р. 1522-1523]; *lightly* – in a light manner; *slight* – *barely perceptible* [OERD, р. 1364] (курсив мой. – Е.Я.). Тогда, как в русской лексеме реализован компонент *стесненности*, характеризующийся большей степенью интенсивности действия и проникновением во внутренний мир героя (ср.: коснуться – сжать). Ср.: сжать – «стеснить, затруднить дыхание; вызвать острое болезненное чувство стесненности (в сердце, груди); плотно сомкнуть» [СЕ, с. 87].

Во-вторых, в русской лексеме *предчувствие* – «чувство ожидания чего-либо предстоящего и неизвестного» [СО, с. 582] – актуализированы признаки *ожидания* и *будущности* (*еще не ставшего*). В английском варианте подоб-

ных признаков нет в когнитивной структуре текста. Подтвердилось положение, что перевод во многом является собственно интерпретацией переводчика, результатом наложения его авторской концептуальной картины мира на проекцию текста.

Приведем данные ассоциативного эксперимента, в котором в качестве слова-стимула послужил компонент метафорической структуры – *sad finger*.

Таб. 16. Распределение слов-реакций на стимул **sad finger** по группам:

№	Группа	Всего
1	разочарование, боль	42
2	часть руки	28
3	светлая эмоция грусти	18
4	прочее	3
<i>Общий итог</i>		91

Из таблицы видно, что подавляющее большинство реакций (65,9%) связано с эмоцией боли или грусти, которая реализована лексемой *sad*. В первом случае ведущим когнитивным признаком является признак *несбывшегося, неудачи*: *ache* 1, *bad news* 1, *bad mood* 1, *cry* 2, *depressed* 1, *disappointing* 1, *fate* 1, *loneliness* 3 и т.д. Реакции этой группы составили 46,2% от общего количества ассоциаций.

Ассоциативные значения третьей группы (19,8%) представляют болезненное состояние меньшей степени. При этом субъект как бы отстраняется от переживания и становится, в основном, пассивным наблюдателем: *feeling* 2, *little* 2, *mother* 1, *music* 1, *sense* 2, *slowly* 1, *soft* 1 и др.

30,8% ассоциативных значений основано на актуализации второго компонента метафорического комплекса – *finger*: *bandage* 1, *blood* 2, *body* 1, *figure* 1, *hand* 8, *indicate* 1, *nail* 1, *palm* 1 и т.д. В части ассоциаций задействован при этом и признак *боли*, реализованный лексическим компонентом *sad*. Однако ведущим лексическим компонентом в ассоциациях этой группы все же остается компонент *finger* как часть человеческого тела.

Незначительный процент (3,3%) составили реакции, включенные нами в группу «прочее»: teacher 2, school 2, и объединенные семантическим полем «школа».

Что касается результатов переводческого эксперимента, то здесь следует отметить, что случаев непонимания текста выявлено не было. Однако в 21,3% вариантах перевода испытуемые пошли по пути буквального воспроизведения, в результате чего появились такие предложения, как: *Грустный палец затронул мое сердце; Печальный палец проткнул мое сердце; Печальное туше растрогало мое сердце*. В остальных же случаях перевод звучит более «естественно»: *Печальная мысль коснулась моего сердца; Мне взгрустнулось; Грусть закралась в мое сердце; Я почувствовал легкий приступ грусти*. Однако во всех случаях испытуемые обнаружили **доминантную эмоцию** текста – печаль, т.е. в процессе понимания текста условные билингвы опирались на одну из **универсальных стратегий понимания**⁹, что свидетельствует о **реализации когнитивной компетенции испытуемых**.

В приведенных выше примерах актуализированы признаки *легкости* прикосновения, *поверхностности* проникновения чувства, *грусти*. Кроме того, группа испытуемых (18,6%) предложила встречный перевод собственной метафорой. В качестве иллюстрации приведем следующие варианты: *для меня наступила темная полоса; Стрела печали пронзила мне сердце; На душе скребли кошки* и другие.

Следовательно, наиболее адекватным будет следующий перевод дан-

Рис. 14. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры текста «A sad finger touched my heart».

⁹ Мы используем стратегии понимания текста, выявленные в работе [Староселец 1997], подтвержденные и скорректированные в диссертационных работах [Романова 2002] и [Губернаторова 2003].

ного текста: *Нотка грусти тронула мое сердце.*

Таким образом, результаты экспериментов подтвердили проведенный нами выше лексико-семантический и когнитивный анализ текста оригинала, в ходе которого были выявлены следующие признаки, составляющие когнитивную структуру текста оригинала (Рис. 14). Экспериментальным путем было обнаружено **использование нескольких универсальных стратегий понимания текста**: стратегии эмоционального реагирования, стратегии адекватного понимания и стратегии встречной метафоризации, что в свою очередь является подтверждением нашей гипотезы о *реализации когнитивной компетенции* испытуемых как некоем **наборе когнитивных стратегий**. Кроме того, результаты распределения ассоциатов на стимул, в качестве которого послужило метафорическое выражение *sad finger*, доказывают правомерность защищаемого нами положения о роли *ассоциативного значения* ключевого слова как **поле формирования опорных схем понимания текста**. Доминантные и периферийные компоненты **когнитивной структуры метафорического выражения как динамической функциональной системы задают вероятностный характер** восприятия и понимания текста. В ходе переводческой деятельности условных билингвов происходит актуализация тех или иных когнитивных признаков структуры текста оригинала, что свидетельствует о **динамике значения слова как когнитивной модели** и о реализации *языковой способности* испытуемых как **механизме вербализации ментального содержания**.

12) I took two gulps of the whisky; it ran through me like quickgold and, almost physically, I felt a sort of shiver of possibility. I opened my eyes and found Mrs Tinkham looking at me [IM, p. 245].

Я сделал два глотка; виски пробежало по мне, как ртуть, и я почти физически ощутил дрожь новых возможностей. Я открыл глаза. Миссис Тинкхэм смотрела на меня [AM, с. 232].

Метафорический комплекс – *shiver of possibility* –реализован следующими компонентами. *Shiver – an attack of shivering; suffer a quick trembling movement of the body; shudder. Shaking that cannot be controlled by the will* [HAD, V.3, p. 168]. *Attack – vigorously apply oneself to; begin work on* [OERD, p. 86]; *vigorous – forceful; acting or done with physical or mental vigour; energetic* [OERD, p. 164] (курсив мой. – Е.Я.). Таким образом, в английском тексте актуализированы такие признаки, как *сила, внезапность, неудержимость*.

Сравним с русскими компонентами значения дрожь / дрожать: «частое судорожное сокращение мышц (от холода, нервного состояния); перен. бояться, трепетать» [СО, с. 180]. Возможность – осуществимость, допустимость чего-либо. Отсюда, физическая дрожь является лишь внешним проявлением внутреннего состояния нетерпения, ожидания скорого осуществления задуманного.

Сопоставим этот анализ с результатами ассоциативного эксперимента.

Таб. 17. Распределение слов-реакций на стимул **shiver of possibility** по группам:

№	Группа	Всего
1	негативная эмоция	33
2	предвкушение	29
3	физическая дрожь /холод	12
4	прочее	11
5	положительная эмоция	5
6	сомнение	3
<i>Общий итог</i>		93

Практически одинаково распределились эмоции, выражающие как неудачу (видимо, актуализирован компонент значения *shiver* – неустойчивость, колебание) (38,7%), так и надежду, положительный настрой (в центре значения – актуализация компонента метафорической структуры *possibility*) (36,5%).

В первую группу реакций, объединенных признаком негативной эмоции, вошли такие, в которых реализованы следующие компоненты: неудача, потеря, разочарование. Ср.: problem 1, bad 1, broken heart 3, death 2, difficulty 1, fear 6, hopeless 1, horror 1 и другие.

Актуализация признака *сомнение* (3,2%) также характеризует состояние эмоциональной неустойчивости, неуверенности в будущем, в своих силах: vague 1, diffident 1, doubt 1, и полученные реакции можно отнести к первой группе.

Компонентом надежды, возможности успеха отмечены реакции следующих двух групп: «положительная эмоция» и «предвкушение». Первую из них (5,4%) составляют ассоциации следующего характера: brightness 1, light 2, love 2. Вторую – соответственно luck 1, activity 1, anticipation 2, admiration 1, chance 3, desire 2, excited 2, expectation 2, I can и другие.

12,9% ассоциаций связано с физическим компонентом ощущений, который также имеет место в когнитивной структуре оригинала: cold 5, shudder 3, winter 1 и т.д.

11,8% вариантов перевода составили группу «прочее»; в этой группе получены, например, такие реакции: glass 1, man 1, mountains 1, shark 1 и прочие.

В ходе обработки данных второго этапа эксперимента была выделена только синтагма almost physically, I felt a sort of shiver of possibility, по двум причинам. Во-первых, в ней присутствует метафорический комплекс shiver of possibility, который является основным выражением авторского доминантного смысла всего текста (было подтверждено на этапе по подчеркиванию). Во-вторых, именно в этой синтагме заметны значительные вариации переводов.

Результаты переводческого эксперимента выявили следующее распределение вариантов перевода. В 61,6% вариантов перевода актуализирован признак *предвкушения*. Проиллюстрируем данное положение несколькими представленными текстами: *и почти физически я ощутил, что во мне затеп-*

лилась надежда; я почувствовал лихорадку неизбежной возможности; дрожь возможностей.

18,3% всех полученных ответов акцентируют внимание на признаке физической дрожи: мурашки пробежали по мне; по мне прошла почти осязаемая дрожь.

13,3% испытуемых отметили признак невозможности (бессилия), реализованный одновременной актуализацией двух компонентов с опорой на первое: Моя уверенность в возможности пошатнулась; почти физически я ощутил, как возможность удаляется и пр.

Исходя из проведенного анализа текста представим схематично когнитивную структуру метафорического комплекса, являющуюся выражением доминантного смысла всего текста (Рис.15):

Результаты эксперимента свидетельствуют о реализации механизма языковой способности испытуемых как универсального механизма вербализации, **подвергающегося действию законов функциональных динамических систем**, в основе оптимизации которых лежат *принципы динамической мобилизуемости структур, вероятностного прогнозирования и закон результата*.

Рис. 15. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры выражения «shiver of possibility»

13) Beyond the Ward Matron into the stratosphere of the Hospital hierarchy my vision did not extend. It was with the intermediate portions of my society that my relations were most uneasy [IM p. 205].

Выше старшей сестры в стратосфере больничной иерархии я не заглядывал. Больше всего меня затрудняли отношения с промежуточными слоями этого маленького общества [AM, с. 197].

Доминантный смысл текста представлен метафорическим комплексом *the stratosphere of the Hospital hierarchy* / стратосфера больничной иерархии, и реализуется следующими компонентами. *Stratosphere – a layer of atmospheric air above the troposphere* [OERD, p. 1429]; *hierarchy – a system in which classes or grades of status or authority are ranked one above the other* [OERD, p. 664] (курсив мой. – Е.Я.).

Итак, в тексте актуализирован, во-первых, признак *иерархичности*. Он реализован такими лексическими компонентами, как *stratosphere, hierarchy, intermediate*. Во-вторых, признак *ограниченности* главного героя в пространстве больничных отношений (*beyond the Ward Matron ... my vision did not extend*), проявляющийся в стесненности его передвижения рамками больницы.

В-третьих, в авторской когнитивной структуре текста заложен признак *ироничности*, характеризующей отношение главного героя в больничной сестре-хозяйке. Данный признак реализован лексико-графическими средствами языка: номинация сестры представлена автором заглавными буквами. Таким образом, незначительная по своей сути должность приобретает в устах героя гиперболизированную форму, что создает комический эффект.

Рассмотрим далее результаты ассоциативного эксперимента, в котором формируется поле ассоциативных значений лексемы *stratosphere* (см. Таб. 18).

Большинство реакций (58,4%) можно отнести к первой группе, объединенных общим компонентом «воздушное пространство»: *air* 19, *airless* 1, *atmosphere* 8, *heaven* 1, *space* 10 и другие. В принципе, реакции третьей группы

напрямую связаны с компонентом космоса, неба – *полет* (12,4%): airplane 1, astronaut 1, flight 1, satellite 1, ship 1 и т.д.

Таб. 18. Распределение слов-реакций на стимул **stratosphere** по группам:

№	Группа	Всего
1	воздушное пространство	66
2	земля	14
3	объекты, связанные с полетом (в космос в том числе)	14
4	географические объекты	14
5	прочее	3
6	уровень	2
<i>Общий итог</i>		113

Следующие две группы реакций (по 12,4% каждая) также соотносимы друг с другом по общности семантического поля: земля и географические объекты на ней. Группа «земля» представлена ассоциациями earth 13 и soil 1; другая группа – clouds 2, geography 4, sun 2, stars 2 и проч.

Лишь 1,8% всех испытуемых отметили признак *иерархичности*: level 2. И 2,6% реакций – единичные ассоциации (defend 1, shape 1, defend 1), которые, видимо, могут быть отнесены к одной из выделенных выше групп.

Результаты переводческого эксперимента показывают, что в текстах, наоборот, актуализирован признак иерархичности, подчиненности. Остальные признаки, составляющие ассоциативное значение слова stratosphere, не реализуются в переводах. Это свидетельствует о **вероятностном характере актуализации** компонентов метафорической структуры за счет того, что сама *метафорическая структура представляет собой сложную динамическую функциональную систему континуальных смыслов, понимание которых является заданным, однако не однолинейным процессом.*

В ходе обработки данных текст был разбит нами на две синтагмы, совпадающие с предложениями анализируемого текста. Распределение вариантов перевода первой синтагмы выглядит следующим образом. Практически

треть (30,5%) всех переводов неадекватна. Основной проблемой, с которой столкнулись испытуемые, было незнание значения слов *Ward Matron*, осложненное тем, что автор иронично написал их с заглавных букв. Это создало эффект личного имени и многими было воспринято именно так.

Оставшаяся часть испытуемых (69,5%), в целом, поняла текст. Однако лишь половина от этого числа (48,3%) смогла адекватно передать все вышеперечисленные когнитивные признаки, заложенные в авторской когнитивной структуре текста. Наиболее распространенным вариантом перевода первой синтагмы является: *Дальше сестры-хозяйки в стратосферу больничной иерархии мое зрение не распространялось.*

В других вариантах признаков иерархичности не отражен; тем не менее, переданы остальные признаки: незначительности, ироничности и ограниченности свободы главного героя. *Кроме медсестры мне не удавалось увидеть никого из больничного начальства.*

Та же картина наблюдается и при переводе второй синтагмы. 46,3% переводов – неадекватны, поскольку, как и в предыдущем случае, испытуемыми элиминирован признак *иерархичности*, а две синтагмы представляют собой единое целое, объединенное общим семантическим полем моделью ситуации. 53,7% респондентов актуализировали этот признак в своих переводах. Отсюда наиболее распространенная версия перевода второй синтагмы – следующая: *Это был промежуточный слой моего общества, с которым мои отношения были особенно непростыми.*

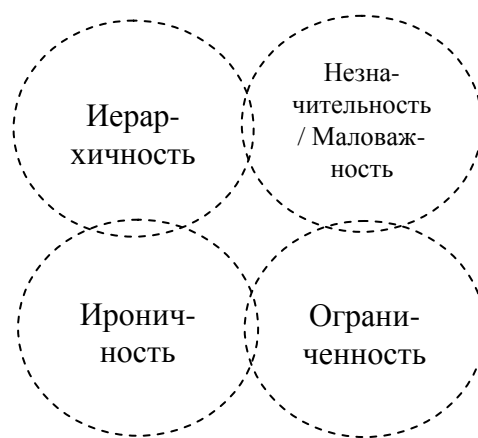

Рис. 16. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры выражения «stratosphere of hospital hierarchy».

Представим схематично (Рис. 16) структуру данного текста, отметив при этом, что ее основа заложена в метафорическом комплексе the strato-

sphere of the Hospital hierarchy. Результаты эксперимента позволяют сделать следующий вывод. Несмотря на наличие потенциальной готовности носителей языка к пониманию и производству речи, механизм вербализации (собственно языковая способность) еще недостаточно развит у формирующихся билингов. Таким образом, экспериментально доказано защищаемое нами положение о том, что **понимание речи вызывает меньшие затруднения и происходит быстрее, чем порождение собственного высказывания.**

14) There are details which even the most tender memory will mislay. The shutter-softened houses with their high foreheads [ИМ, p. 169].

Некоторые подробности не способна удержать даже самая нежная память. Убаюканные, закрытые ставнями дома с высокими лбами [АМ, с. 166].

Образ ветхого дома персонифицирован автором с помощью лексем *shutter, foreheads*, и оттого становится чем-то близким и живым. Симпатия к старому деревянному дому со ставнями, очевидно, вызвана ассоциациями автора с уютом, возникающим благодаря простоте, невычурности архитектуры, необязательности соответствовать современным стандартам. Подобные дома создают атмосферу психологической защищенности (ставни). Проведем лексико-семантический сопоставительный анализ двух текстов.

В авторском тексте признак *нежности* репрезентирован при помощи следующих лексических компонентов. *Tender* – “*loving and gentle, especially because you are concerned about someone*” [LA, p. 817]. *Soften* – “(of colour, sound, or outline) *subdued; restful; not sharp; gentle, mild*” [HAD, V.3, p. 209] (курсив мой. – Е.Я.). Кроме того, при восприятии этого текста возможна актуализация признака *покоя / расслабленности*, который реализуется выделенным выше компонентом: *restful* – “*quiet; soothing; free from activity or disturbance, as a restful life*” [HAD, V.3, p. 64] (курсив мой. – Е.Я.). *Soothing* – *make someone feel more calm and relaxed when they are upset, anxious, or nervous* [LA, p. 233]. Таким образом, в оригинале можно вычленить следующие когнитивные признаки: *нежность / любовь* (*tender, gentle, loving*), по-

кой/расслабленность (restful, quiet, calm, relaxed), неяркость/приглушенность (subdued, not sharp, softened).

Сопоставим выделенные когнитивные признаки в тексте оригинала с русским вариантом. Баюкать (убаюканный) – «укачивать ребенка, напевая» [СО, с. 38]. Данная лексема актуализирует семантическое поле «детство» и, соответственно, образ матери, колыбели, любви: убаюканный дом → убаюканный ребенок. К тому же, отсылка ассоциации к детству связана и с репрезентацией лексемы «память» → прошлое, годы, детство. Таким образом, признак *нежности / заботы* репрезентирован как эксплицитно (нежная память, убаюканный), так и опосредованный ассоциативными значениями (детство, колыбель, мать). Итак, русский вариант отличается от оригинала набором ассоциативных значений, в которых нежность ассоциируется с образом счастливого детства.

Результаты ассоциативного и переводческого экспериментов выявляют эти признаки в полной мере.

Таб. 19. Распределение слов-реакций на стимул **shutter-softened** по группам:

<i>№</i>	<i>Группа</i>	<i>Всего</i>
1	дом и его части	27
2	положительная эмоция	19
3	прочее	12
4	ветхость	9
5	действия ставень	9
<i>Общий итог</i>		76

35,5% всех реакций актуализируют семантическое поле «дом»; однако нас, прежде всего, интересуют другие группы ассоциаций, такие, как «ветхость», «положительная эмоция», «прочее».

Так, вторую по количеству ассоциаций группу «положительная эмоция» (25%) составляют следующие слова: calm 1, clear 1, friends 1, lovers 1, parents 1, soft 1 и прочие. Тесно связана с этой группой значений другая –

«ветхость» (11,8%); составляющие ее реакции также окрашены положительной эмоцией: country 2, village 2, old house 3 и прочие. Таким образом, можно сказать, что ассоциаты выделенных двух групп взаимопроницаемы. Это доказывает, что **метафора представляет собой смысловой континуум доминантных и периферийных компонентов**, вычлененный смысловой компонент **множественно актуализируется** за счет указания на другие смыслы, таким образом метафора является **динамической функциональной системой порождения континуальных смыслов**.

15,8% ассоциаций вошли в группу «прочее»: glass 2, hard 1, husband 1, share 1, космический корабль из подушек и ряд других. В последнем случае очевидна попытка испытуемого каким-то образом объяснить для себя предъявляемый неологизм.

Итак, основными когнитивными признаками, выявленными в ходе ассоциативного эксперимента, являются признак *ветхости* и связанный с ним признак *нежности* к старым деревянным домам, деревне, а также признак *защищенности* ставнями от вторжения внешнего мира и *умиротворенности / покоя*.

Распределение вариантов перевода первой синтагмы (The shutter-softened houses) свидетельствует о том, что в 80% случаев произошло понимание текста, несмотря на осложненный метафорическим комплексом контекст. Из них 88,5% переводов являются адекватными когнитивной структуре оригинала (т.е. с актуализированными когнитивными признаками, выделенными нами ранее в собственном анализе текста и ассоциативном эксперименте). Приведем пример перевода: *Милые дома, прищурившие свои оконца; Домики с тихими ставнями; Домики с приоткрытыми ставнями; Смягченные ставнями дома*.

Остальная часть переводов представляет собой актуализацию одного из вышеперечисленных признаков: *слабое постукивание ставень; дома с расшатавшимися ставнями*.

Варианты перевода второй синтагмы распределены следующим образом. В текстах фигурируют слова *высоколобые лица домов; высокие карнизы, похожие на лбы; высокие карнизы-лбы; высокие веранды / крыши / чердаки / фасады / фронтоны*. Итак, можно сказать, что понимание текста в большинстве своем состоялось.

Выстроим когнитивную структуру текста оригинала (Рис. 17). Использование испытуемыми универсальных стратегий понимания иноязычного текста (стратегии адекватного воспроизведения авторской когнитивной структуры, выявления эмоциональной доминанты, встречной метафоризации) свидетельствует о реализации *механизма когнитивной компетенции* как умения индивидов применять определенные не-

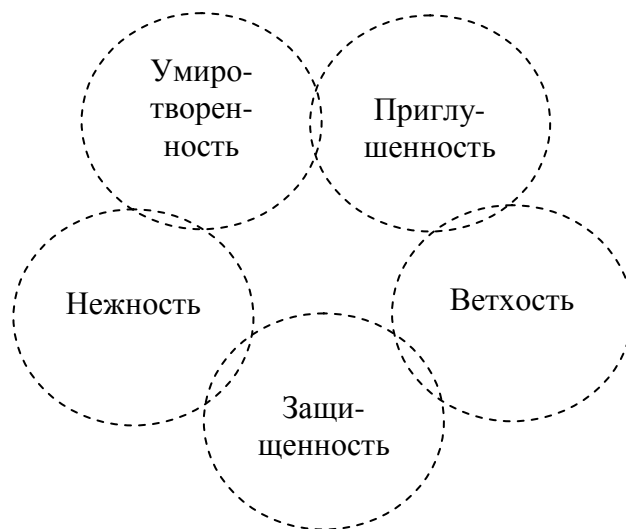

Рис. 17. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры выражения «shutter softened houses with their high foreheads».

осознаваемые способы оперирования с информацией – когнитивные стратегии. Кроме того, экспериментально подтверждается наша позиция относительно *структуры метафоры* как сложном комплексе **вербально-авербальных, не осознаваемых / частично осознаваемых / не осознаваемых ассоциаций, вероятно задающих направление развитие смыслов в тексте.**

15) The ammonia scent of drifting snow hit my nose. Damn! The old devil has an awfully chic sense of smell. Coming down on us was indeed a wholesome, well-rehearsed blizzard [Архангельский].

Нашатырный запах поземки дружно ударил в нос. Черт подери! У старика был страшно шикарный нюх. Это действительно приближался доброкачественный, хорошо срепетированный буран.

В основе когнитивной структуры анализируемого текста лежит признак *претенциозности*, реализуемый такими компонентами, как *ammonia scent*, *hit*, *damn*, *chic*, *wholesome*, *well-rehearsed*. Названный нами признак характеризуется претензией на оригинальность и вычурностью. Сопутствующие ему признаки – *подготовленность*, *предугаданность*, *неотвратимость* – актуализированы следующими лексическими компонентами. *Sense of smell* – *perceive, or be conscious of, through the nose*; используются следующие метафорические значения с этой лексемой: *smell round (about)* – *try to get bits of information*; *smell out* – *discover by careful search* [HAD, V.3, p. 200]. Отсюда, актуализирован компонент «почуять» в значении узнать заранее, разведать, предугадать. Признаки подготовленности и неотвратимости реализуются через компонент *well-rehearsed*. *Rehearse* – *to practise something such as a play or concert, so it is ready to be performed to the public*; *practise something over a long period of time and with a great deal of effort in order to achieve a good enough standard* [LA, p. 1006] (курсив мой. – Е.Я.).

Проведем анализ соотношения данных ассоциативного и переводческого экспериментов с целью обнаружения выделенных нами когнитивных признаков в текстах испытуемых. Доминантные когнитивные признаки составят когнитивную структуру анализируемого текста.

Таб. 20. Распределение слов-реакций на стимул **well-rehearsed** по группам:

№	Группа	Всего
1	театральность	57
2	повторное действие	22
4	труд	14
3	эмоциональный накал	8
5	ассоциация по звучанию	8
6	прочее	5
<i>Общий итог</i>		114

Более половины всех ассоциативных значений на стимул *well-rehearsed* актуализирует семантическое поле «театральность» (57%). Можно отметить

некоторые реакции в качестве иллюстрации: actor 6, concert 4, first-night show 1 и многие другие, подобные им. Также мы включили в это число ассоциаты, объединенные признаком «эмоциональный накал»: exciting 1, bright 1, fuss 1, волнение 1 и пр. В целом, в ассоциациях этих групп актуализирован когнитивный признак *претенциозности*.

Характер действия, выраженного лексемой rehearse, определяется следующими группами реакций: «повторное действие» и «труд» (31,6% всех значений); например, такими, как repeat 10, doing again 1 – для первой отмеченной группы и reward 1, experience 1, hard-working – для второй соответственно.

Распределение вариантов перевода синтагмы Coming down on us was indeed a wholesome, well-rehearsed blizzard выявило следующую картину. Пятая часть всех версий перевода испытуемыми (20,1%) является неадекватной авторской когнитивной структуре. Остальная, подавляющая часть переводных текстов представляет собой полностью адекватную версию. Здесь можно отметить следующее распределение вариантов перевода: *На нас надвигался настоящий, хорошо отрепетированный буря* (признаки *претенциозности, неотвратимости, подготовленности*). Признаком *необходимости / полезности* отмечены следующие переводы: *На нас надвигалась полезная / так необходимая отрепетированная буря*. Признак *предугаданности (прогнозируемости)* актуализирован в следующих вариантах: *На нас спустилась настоящая и вполне предугаданная снежная буря*.

Таким образом, когнитивная структура анализируемого текста может быть представлена соотношением следующих доминантных когнитивных признаков (см. Рис. 18). Исходя из результатов эксперимента можно сделать вывод о том, что **ассоциативное значение**

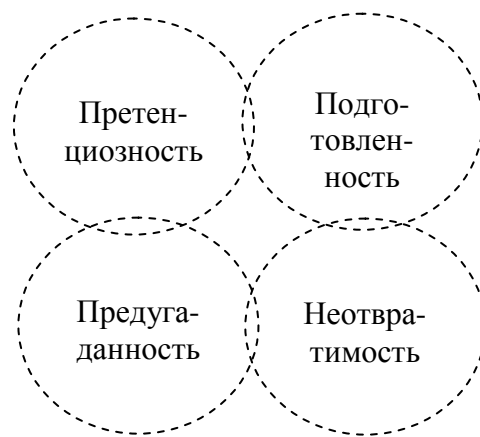

Рис. 18. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры выражения «well-rehearsed».

ключевого слова / слов, выраженное метафорой, является базой формирования опорных схем понимания текста.

16) Average height, about five six. Slender. Dark hair, brown eyes, pretty girl, all the bells and whistles [Grisham, p. 293].

Среднего роста, около пяти футов шести дюймов. Стройная. Темные волосы, карие глаза. Вся – дразнящее очарование и восхищенный присвист мужчин.

Исходный и переводной тексты не являются полностью идентичными друг другу. Сложность передачи авторской когнитивной структуры кроется в системных различиях двух языков, вытекающих из их строя – аналитического в случае английского языка и синтетического – русского языка. Тем не менее, была сделана попытка передать метафорический комплекс теми же средствами переводящего языка (близкими по лексемному составу и сходными по частям речи).

Ср.: bell – the sound of a bell; ring the bell – пользоваться успехом, нравиться [БАРС, т.1, с. 216]. Whistle – make a clear, shrill sound; whistle for – *wish in vain for* [HAD, V.3, p. 465] (курсив мой. – Е.Я.). Выделенный компонент в значении свиста актуализирует признак *недоступности* и, вместе с тем, *желанности*. В русском языке лексема bell реализует компонент *звонящий*, актуализирующий признак *крайней степени*, апогея. (Кстати, подобный признак отмечен и в пробном эксперименте с англоязычными носителями языка. В большинстве случаев на данный стимул следовала реакция – all the extras / высшего качества)

Результаты ассоциативного эксперимента актуализировали смысл словосочетания – звуки колокола и свист (см. Таб. 21). 91,9% всех реакций основаны на шумовом эффекте, создаваемым разными источниками. Это могут быть звуки, издаваемые службами спасения (14,6%), актуализирующие признак *тревожности*; например: alarm 2, calamity 1, police 5, fireman 1, uproar 1 и другие.

Самую многочисленную (30,1%) группу ассоциаций составляют те, в которых актуализирован иной признак *праздника, радости*. Можно привести следующие примеры реакций данной группы: cathedral 1, celebration 1, Christmas 4, church 5, emotions 1, fanfare 1, fiesta 1, fine 1, good mood 1, holiday 4 и многие другие.

Таб. 21. Распределение слов-реакций на стимул **bells and whistles** по группам:

№	Группа	Всего
1	праздничный звон (колокольный звон, церковный звон, бубенцы)	37
2	прочий звук	22
3	звук тревоги (служба спасения)	18
4	звук	11
5	звук в спорте	10
6	прочее	10
7	детский шум	8
8	уличный / транспортный шум	7
<i>Общий итог</i>		123

Самую многочисленную группу ассоциатов (30,1%) объединяет общность признака *эмоциональное положительное реагирование* – праздничный звон, источником которого являются звон церковных колоколов, бубенцов.

Группу «звук» (8,9%) составляют одноименные ассоциации: sound 11.

17,9% реакций можно отнести ко второй группе как характеризующей разные виды звуков: clamour 1, crowd (s) 4, doorbell 1, night wind 1, noise 8, ring 6, whisper 1.

К пятой группе (8,1%), объединяющей ассоциации по признаку *спорт*, мы относим реакции: competition 1, football match 2, game 2, gym 1, match 1, runner 1, sky racing 1, stadium 1.

Интерес представляют ассоциации группы «прочее» (8,1%), куда вошли такие, как: bell-flower 1, butterfly 1, checks-and-balances 1, discrepancy 1, gold 1, hate 1, lie 1, steel 1, summer 1, sun 1. О мотивации, лежащей в основе данных ассоциаций на стимул *bells and whistles*, можно только догадываться.

Обратимся к результатам переводческого эксперимента, проведенного на втором этапе. 50% всех переводов являются неадекватными. Основная причина – актуализация исключительно *звукового компонента* метафорического комплекса, т.е. его ближайшего значения, в отрыве от всего контекста (описание внешности красивой девушки). Такое положение подтверждает нашу гипотезу, что **в случае затруднения понимания иноязычного текста в первую очередь актуализируется звуковая сторона высказывания. Это объясняется базовой, универсальной способностью индивида наделять смысловым содержанием любой воспринимаемый / продуцируемый им текст.**

В тексте, помимо компрессированных маркеров описания внешности (выраженных метафорическим комплексом *bells and whistles*), неизбежно вызывающих сложности понимания, были и эксплицитные указатели красоты: *slender, pretty girl*. Однако последние были проигнорированы испытуемыми при переводе метафоры. Среди многочисленных случаев неадекватного перевода приведем лишь некоторые примеры. (Мы анализируем перевод только последней части текста – *pretty girl, all the bells and whistles*, как вызывающей наибольшие затруднения и разночтения.) Например, такие: *хорошенькая девушка, все звонки и посвистывания; все колокольчики и свистки; подобная колокольчикам и свисткам; все звенело и свистело* и прочее.

Кроме того, следует отметить большой процент отказов выполнять перевод последней части предложения (около 40% всех случаев перевода).

У другой половины испытуемых понимание все же состоялось, однако полностью передать авторскую когнитивную структуру не удалось ни одному из условных билингов. В этом случае наблюдается следующее распределение вариантов перевода. 65% всех версий адекватного перевода опираются на смысл исходного текста, опуская при этом саму метафорическую структуру. Переводы выглядят следующим образом: *чертовски привлекательная девушка; хорошенькая и все такое; пользующаяся успехом у мужчин; привле-*

кающая внимание мужчин; обращающая на себя внимание; ее всегда провожали восхищенные взгляды и другие.

15% испытуемых предложили перевод, выполненный с помощью устойчивого словосочетания или фразеологизма. Отметим некоторые из них: *красивая девушка, просто кровь с молоком; все на загляденье; пальчики оближешь.*

В 20% случаев перевода актуализирован признак *движения*: *подвижная; очень активная; вся в движении; вся летящая и звенящая.* В данных вариантах красота ассоциируется с легкостью походки, полетностью (улыбки, фигуры и пр.).

Результаты эксперимента, выявившего степень адекватности понимания и воспроизводства авторской когнитивной структуры текста, говорят в пользу развиваемого нами теоретического положения о *недостаточном уровне развития языковой способности формирующихся билингов как универсальном механизме вербализации ментального содержания.* Вместе с тем, сложности оперирования формой высказывания компенсируются стремлением испытуемых передать *содержание* текста, его *доминантный смысл.* Это еще раз подтверждает нашу гипотезу о «разсинхронизованности» механизмов понимания и продуцирования речи, а также выдвигаемое нами положение об отсутствии прямой взаимозависимости языковой способности и языковой компетенции индивида.

17) Around me was a surgical sheet of a wilderness criss-crossed with the malignant growths of hills and the smallpox of ravines [Архангельский].

Вокруг меня простирались хирургические простыни пустынь, пересеченные злокачественными опухолями холмов и черной оспой оврагов.

Авторская когнитивная модель ситуации выстроена на аналогии вида и характера местности (ее рельефа) с характером внешности человека, инфицированного опасными болезнями – раком, оспой и т.п. Метафорический комплекс поддерживается следующими лексическими единицами: surgical

(sheet), malignant, growths, smallpox. Аналогия окружающей природы с болезнью, лежащая в основании этого комплекса, является компрессированным выражением доминантного личностного смысла текста, который заключается в болезненном восприятии героем действительности.

При создании аналогии пустынной местности с хирургической простыней актуализируется множество когнитивных признаков, таких, как признак девственной *чистоты* (белоснежности); *бездушности* в смыслах безлюдности и безжалостности (хирург всегда ассоциируется в обыденном сознании с болью, страхом, при этом пациент находится в полной его власти и не в силах что-либо изменить). Отсюда, обнаруживается признак *страдания* путника (пациента), а также признак *болезненности*, поскольку хирург является специалистом по болезням, требующим оперативного вмешательства.

Выделенные нами признаки в дальнейшем поддерживаются и с помощью других лексических средств. Выражение *malignant growths* актуализирует, помимо признаков *болезненности*, *страдания*, признаки *враждебности* человеческой природе, *опасности* и *уродливости* человеческой внешности. Ср.: *malignant* – «(of persons) filled with or showing *hatred*; (of diseases) likely to cause *death*» [HAD, V.2, p. 261-262] (курсив мой. – Е.Я.) в сочетании со словом *growth* (*growth in the body, e.g. a cancer*) [HAD, V.2, p. 50].

Эти же признаки актуализированы и в другой части метафорического комплекса – *smallpox of ravines*. *Smallpox* – “a *dangerous disease* which spreads easily. It is accompanied by *fever* and *spots*, and often leaves *permanent marks*” [HAD, V. 3, p. 199] (курсив мой. – Е.Я.).

Отсюда становится очевидным, что пустынная белоснежная равнина со случайными вкраплениями чернеющих оврагов и возвышающихся холмов представляет собой угрожающую, а не идиллическую картину, предупреждением о таящейся опасности.

Сравним проведенный анализ с результатами ассоциативного эксперимента. В качестве стимула была выбрана лишь одна часть метафорического

комплекса – *smallpox of ravines*, поскольку, на наш взгляд, в ней сосредоточены все вышеперечисленные когнитивные признаки.

Таб. 22. Распределение слов-реакций на стимул **smallpox of ravines** по группам:

№	Группа	Всего
1	болезнь	48
2	прочее	17
3	негативные эмоции	16
4	рельеф местности	12
5	внешность	9
Общий итог		102

Итак, 47,1% ассоциаций характеризуются общим болезненным состоянием – как физическим, так и душевным (группа 1). Признаки *болезненности, опасности и страдания* обнаруживается в следующих реакциях. *Attack 1, (catching) disease 10, children 3, death 3, die 1, disease of society 1, doctor 1, epidemic 2, Africa 1, illness 13, infection 1* и прочие ассоциаты составляют ассоциативное поле «болезнь».

Взаимосвязанными являются и ассоциации, отнесенные нами к группам 3 и 5, поскольку их объединяет общность признака *уродливость* (некрасивый внешний облик) (24,5%). Вызванные проявлением болезни неприятные симптомы и отвращение к внешнему облику болезни порождают такие ассоциации, как, например: *danger 4, devil 1, inferiority complex 1*, и т.д. (группа «негативные эмоции»). В группу «внешность» мы включили ассоциаты, отражающие внешнюю симптоматику заболевания оспой и сопутствующее ему эстетическое неприятие подобной внешности: *dots 1, face 1, poor face 1, marks 2, red spots 1, rude 1, ugliness 2*.

В основании ассоциаций групп 4, 5 лежит аналогия земной поверхности с внешностью человека, лицо которого покрыто воспаленными щербинами. Среди ассоциативных значений группы «рельеф местности» отметим следующие: *canyon 1, mountain 1, mountain lake 1, nature 1, stones 2* и др.

И, наконец, 16,6% всех полученных реакций отнесены к группе «прочее» как актуализирующих сложный комплекс иных, невыявленных признаков метафорического комплекса, послужившего стимулом для проведения ассоциативного эксперимента. В качестве иллюстрации приведем некоторые из них: *adventure 1, brave 1, chickens 1, happiness 1, label 1, old 1* и др. Точкой отсчета для многих подобных ассоциаций выше названной группы является ассоциация с внешним обликом, либо антиномическое восприятие страдания.

Анализируемый текст был разбит на три синтагмы; основанием каждой послужила одна из метафорических структур: *Around me was a surgical sheet of a wilderness, the malignant growths of hills, the smallpox of ravines.*

Распределение вариантов перевода первой синтагмы показало, что 63,3% испытуемых адекватно передали смысл синтагмы с сохранением метафорического комплекса. Наиболее частотным вариантом перевода был: *Вокруг меня была хирургическая простынь пустыни*, являющийся практически идентичным тексту профессионального переводчика.

26,5% испытуемых использовали прием сравнения в своих переводах; например: *Вокруг меня была безлюдная пустыня, подобная медицинской простыне*. 10,2% всех предложенных переводов первой синтагмы являются неадекватными.

Что касается перевода второй синтагмы испытуемыми, то здесь дело обстоит таким же образом. 77,5% версий перевода содержат в себе те признаки когнитивной структуры выражения, которые были отмечены нами в проведенном выше анализе текста: признаки *враждебности (злобности), болезненности, уродливости*. Среди распространенных вариантов были такие, как *злокачественные опухоли холмов; наросты холмов; болезненные выпуклости холмов; вся в каракулях злокачественной опухоли гор* и прочие.

12,2% текстов испытуемых отмечены элиминацией метафоры *the malignant growths of hills*: *(местность) покрытая холмами*. Однако в целом признак *болезненности* был передан ранее, в переводе первой синтагмы, либо

позднее – в третьей. 10,3% испытуемых представили неадекватные варианты переводов.

Перевод третьей синтагмы не изменяет существенным образом сложившейся ранее картины. Однако процент неадекватных переводов этой синтагмы выше, чем предыдущих – 18,6%. 58,9% испытуемых передали авторский смысл адекватно, исходя из набора идентичных лексем. Ср.: *оспины оврагов; оспинки ущелий; оспины впадин*.

11,8% переводов содержат в себе сравнительный оборот: *овраги, напоминавшие оспу*. В этом случае испытуемые нарушили стилистические нормы текста оригинала, однако смысл текста при этом не искажен существенно.

Оставшиеся 10,7% текстов перевода являются авторской интерпретацией исходного текста. В них задействованы иные лексем, но сохранены выделенные ранее когнитивные признаки. Среди них встречаются следующие варианты: *кратеры ущелий; оспенные рытвины ущелий; язвы оврагов; ядовитые полосы ущелий*.

Таким образом, несмотря на то, что в ряде случаев произошло элиминирование одной из частей метафорического комплекса, в целом, анализируемый текст понят и адекватно передан средствами русского языка за счет реализации языковой способности испытуемых. Подводя итог анализу данного текста, отметим, что в основе его когнитивной структуры лежит метафорический комплекс, представленный тремя его частями – *a surgical sheet of a wilderness, the malignant growths of hills и the smallpox of ravines*. Структура самого метафорического комплекса представляет собой аналогию окружающего пейзажа с внешними проявлениями опасных вирусных болезней: темные впадины ассоциируются щербинами, оставляемыми осой, перемежаемые холмами-наростами, а сама пустынная местность сопоставляется с девственно белой хирургической простыней.

Отсюда, возможно следующее схематичное изображение когнитивной структуры текста (Рис. 19). Таким образом, экспериментально подтвердилось положение о *специфике ассоциативного значения ключевого слова / выражения, выраженного метафорой, как смысловой опоры для порождения текста*. Оперирование универсальными стратегиями восприятия / порождения текста свидетельствует о реализации механизма когнитивной компетенции формирующихся билингвов.

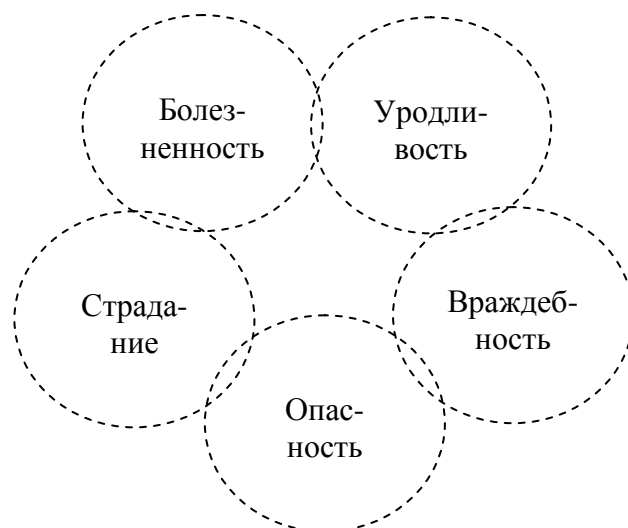

Рис. 19. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры текста «Around me was a surgical sheet of a wilderness criss-crossed with the malignant growths of hills and the smallpox of ravines».

18) America's work force, which has enjoyed fairy-tale levels of employment for nearly a decade, is facing a witch's brew of job shock [MN № 45, p.3].

Рабочему классу Америки, переживавшему фантастический подъем уровня занятости на протяжении почти десяти последних лет, предстоит расхлебывать дьявольские последствия надвигающегося сокращения рабочих мест.

Анализируемый текст взят из газетной статьи, поэтому мы предложили собственную версию перевода, исходя из адекватности передачи исходной когнитивной структуры. Доминантный смысл текста реализован посредством метафорического комплекса (America's work force) is facing a witch's brew of job shock, а также приемом противопоставления fairy-tale levels of employment – a witch's brew of job shock / фантастические уровни занятости – потрясение от дьявольской заварухи безработицы.

Прежде всего, необходимо установить лексико-семантические соответствия между исходным и предложенным нами текстами. Ср.: *fairy-tale* – “an untrue story” [HAD, V.1, p. 463]; *fairy-tale* – выдумки, небылицы, «сказки» [БАРС, т.1, с. 731]. Фантастический – «совершенно неправдоподобный, невероятный, несбыточный» [СО, с. 848]. Основной когнитивный признак, выделяемый как в английской, так и в русской версиях, – признак *неправдоподобности* (несоответствия реальности). Отсюда, высокий уровень занятости населения в Америке искусственно завышен правительством и не более чем миф. Таким образом, выражения *fairy-tale levels* и фантастический подъем уровня являются тождественными на лексико-семантическом и когнитивном уровнях.

Проанализируем метафорический комплекс *witch's brew of job shock*, в котором одновременно реализовано несколько взаимосвязанных когнитивных признаков. Выражение *witch's brew* может реализовывать следующие компоненты. *Brew / be brewing* означает 1) “prepare a drink; *a drink made by brewing*” [HAD, V.1, p. 151]; 2) “if problems, difficulties, arguments etc. are brewing, they *are starting to develop* and will probably happen soon” [LA, p. 1265]; 3) фразеологическое единство *as you brew, so you must drink (bake)* ≈ сам заварил кашу, сам и расхлебывай [PS, p. 26].

Отсюда, в английском варианте актуализированы следующие когнитивные признаки: *варево, надвигающаяся угроза, начало*. Ср. в русском переводе: заварить – «перен. начать делать что-нибудь (хлопотливое, неприятное) (прост неодобр.)»; каша – «нечто беспорядочное, путаница (разг.)» [СО, с. 270]; а также фразеологические единства заварить кашу – «(разг. неодобр.) – затеять хлопотливое дело» [СО, с. 198], расхлебать кашу – (разг. неодобр.) «распутать хлопотливое дело» [СО, с. 270].

В русском языке лексема «заваруха» – «сложное, запутанное дело» – объединяет в себе все эти признаки: начало, смесь, беспокойство. Однако ее использование в переводе создаст русскоязычный контекст, что будет стилистическим нарушением авторской когнитивной структуры. Поэтому вариант,

предложенный нами выше как образец перевода, содержит модифицированный вариант пословицы с использованием признака фантастичности (witch).

Сравним проделанный анализ текста с результатами ассоциативного эксперимента.

Таб. 23. Распределение слов-реакций на стимул **brew** по группам:

№	Группа	Всего
1	приготовление пищи	36
2	алкогольные напитки	32
3	прочий напиток	13
4	переносное значение	7
5	негативная эмоция	7
6	прочее	5
7	ассоциация по звучанию	5
8	сказка	3
<i>Общий итог</i>		108

Ассоциации первых трех выделенных групп (73,1%) имеют непосредственное отношение к ближайшему лексическому значению слова *brew*, т.е. актуализируют его прямое значение; см. *brew* – “prepare a drink; a drink made by brewing” [HAD, V.1, p. 151]. Так, например, среди ассоциатов второй группы можно отметить *alcohol* 2, *beer* 17, *brewery* 1; реакции третьей группы «прочий напиток» *beverage* 1, *juice* 1, *(strong) tea* 5; слова-реакции группы «приготовление пищи» *fire* 1, *mixture* 4, *soup* 1, *stir* 1 и другие. Во всех вышеперечисленных случаях произошла реализация лексического компонента *варево (заваривание)*.

Следующая малочисленная группа ассоциаций (2,7%) также соотносима с первыми тремя группами, поскольку в ней реализован вышеназванный компонент значения *brew*, связанный с его вариацией: *brew* / напиток, зелье (*witch* 1, *witch’s drink* 1, зелье 1). Здесь отмечен признак *фантастичности*.

В ответах 6,5% испытуемых реализован другой компонент значения *brew*, а именно, его переносное значение: *brew* – “cause; bring or come about; gather; be forming” [HAD, V.1, p.151]. Отсюда, возможны следующие ассо-

циативные значения: as you brew, so must you bake 2, premise 1, plan 1, idea 1, grow 1, anxiety 1. Основной когнитивный признак, актуализирующийся при этом, это признак *назревающего беспокойства*.

Еще одна незначительная часть реакций испытуемых (6,5%) характеризуется общей негативной эмоцией, возникающей при восприятии исходного слова-стимула: hospital 1, bruise 1, medicine 2, poison 1, rude 1, smash 1.

Неясна мотивация следующих реакций испытуемых, условно объединенных в группу «прочее»: blow 1, brave 1, color 1, fresh 1, wind 1. В группу «ассоциация по звучанию» (6,5%) вошли такие ассоциаты, как: blue 2, dew 1, berry 1, new 1.

Таким образом, лишь 9,3% от общего числа всех ассоциаций выявили актуальные в данном тексте признаки *фантастичности* и *назревающего беспокойства*. В 73,1% отмечен малозначимый компонент *варево (заваривание)*. Это свидетельствует о *вероятностном характере* развертывания смысловой **структуры метафоры как динамической функциональной системы континуальных смыслов**. Разные компоненты метафорической структуры могут быть в равной степени актуализированы (доминантными) или оставаться неактуализированными (периферийными) в языковом сознании индивида.

Сопоставим результаты ассоциативного эксперимента с результатами переводческого, в ходе которого мы получили следующее распределение вариантов перевода анализируемого текста. (На этапе обработки полученных версий перевода исходный текст разделен на две синтагмы: 1) America's work force, which has enjoyed fairy-tale levels of employment, 2) is facing a witch's brew of job shock..)

Перевод первой синтагмы не вызвал сколько-нибудь значительных затруднений в понимании и передаче авторского смысла исходной части текста (75% испытуемых). Из них более половины (66,6%) испытуемых использовали в своих переводах аналогичные лексемы русского языка. Так, например, самыми распространенными были такие варианты перевода: *Рабочие Амери-*

ки, достигшие за последнее десятилетие сказочно высоких уровней занятости; Америке, достигшей сказочно высокого уровня трудоустройства своих рабочих за последние десять лет.

Оставшаяся часть испытуемых (33,4%) передала содержание первой синтагмы с заменой лексемы *fairytale* / сказочный на ее эквиваленты. Среди вариантов перевода этой части испытуемых преобладают такие: *Америка, сохранявшая небывалый уровень занятости населения в течение десяти лет; Невероятно высокий уровень занятости американского рабочего класса за последнее десятилетие; Рабочие Америки, испытывавшие баснословные уровни занятости последние десять лет* и прочие версии. В целом, 75% испытуемых передали признак *фантастичности (невероятности)* в своих вариантах, аналогичный исходному признаку.

25% всех респондентов частично исказили смысл текста оригинала, большая часть из которых реализовала в переводе значение слова *enjoy* как “get pleasure from; have delight in” [HAD, V.1, p. 427-428], т.е. получать удовольствие, наслаждаться. Отсюда, наиболее частотным был следующий вариант: *Америка, десятилетие наслаждавшаяся сказками о высоком уровне трудоустройства населения.* Тем не менее, в переводах сохранен признак *неправдоподобности* высокого уровня занятости рабочих в Америке.

Перевод второй синтагмы анализируемого текста вызвал, напротив, большие затруднения, возникшие как следствие лакунарности, вызванное метафорическим комплексом *witch's brew of job shock*. Однако наличие лакунарности в тексте не остановило процесс его понимания; включился механизм смысловых замен, и испытуемые достраивали смысл текста, опираясь на известную информацию и ассоциативные значения понятых слов. Наиболее сложным оказался период порождения смысла, а не его восприятия.

Об этом говорят данные распределения вариантов перевода второй синтагмы. Из числа относительно (функционально) адекватных переводов (72,7%) большая их часть (70%) основана на передаче смысла текста с элиминацией метафорического контекста; например, *столкнулась с острой про-*

блемой безработицы; встали перед выбором работы; встретилась с последствиями этого «бума»; претерпела резкий спад; катастрофически растет безработица и прочие варианты.

Другие 30% испытуемых попытались включить и метафорический контекст, тем самым, показав и *способ* построения авторской когнитивной модели текста; например: *настали ведьминские трудности с работой; столкнулась с колдовским зельем безработицы*. Таким образом, были актуализированы признаки *фантастичности* и *угрозы*.

Однако не во всех случаях это было сделано достаточно успешно. Так, например, произошло в переводах с акцентом признака *фантастичности* в ущерб другому признаку – *назревающего беспокойства*. В числе прочих встречаются следующие варианты перевода: *отхлебывает дьявольское варево из трудового котла; приходится пробовать колдовское зелье безработицы; пьет колдовское зелье безработицы; сталкивается с колдовским зельем рабочего потрясения*.

27,3% респондентов не смогли дать адекватный перевод текста, поскольку пошли еще дальше по пути акцентирования внимания на этом признаке и, в целом, отклонились от темы текста «наступающая безработица среднего рабочего класса в Америке». Проиллюстрируем случаи неадекватного перевода несколькими предложенными вариантами: *столкнулась с ударом ведьмы; стоит лицом к лицу с варевом шока работы, приготовленным ведьмой; встречаются с напитком ведьм*.

Схематичное изображение авторской когнитивной структуры, являющейся выражением доминантного личностного смысла, компоненты которого были выявлены в ходе ассоциативного, переводческого экспериментов и собственно анализа текста оригинала, выглядит следующим образом (Рис. 20):

Несмотря на высокий процент неадекватного перевода (в среднем 26,2%), понимание текста в целом состоялось (73,8% всех случаев), что также свидетельствует о **реализации языковой способности испытуемых в условиях высокой лакунарности текста**. Кроме того, нашло экспериментальное подтверждение положение о том, что **понимание** иноязычного

текста происходит быстрее и вызывает меньшие затруднения, нежели процесс **порождения** высказывания. Метафорический комплекс является **динамической функциональной системой смыслов**, понимание которых, с одной стороны, *затруднено вследствие соположения нескольких когнитивных моделей на основе аналогии*, с другой стороны, *является возможным благодаря континуальности смыслов как актуализации совокупности ассоциаций разной степени осознаваемости*.

Выводы

В ходе экспериментального исследования языковой способности формирующихся билингвов на материале восприятия и перевода метафоры нами не было выявлено *прямой взаимозависимости языковой способности и языковой компетенции* индивидов. Установление балла адекватности вариантам перевода в зависимости от курса показало, что степень адекватности перевода имеет несущественную флуктуацию внутри границ 1-5 курсов, а сам балл адекватности равен в среднем трем из максимальных пяти баллов. Это косвенным образом подтверждает развиваемое нами положение о том, что **механизм языковой способности как вербализации ментального содержания**

Рис. 20. Схема соотношения доминантных компонентов когнитивной структуры метафорического выражения «witch's brew of job shock».

ния (т.е. оперирование формой языкового выражения) **недостаточно развит** у формирующихся билингвов. **Приоритетным является процесс восприятия / понимания** (оперирование содержанием высказывания), который протекает быстрее и с меньшими затруднениями. Таким образом, нами экспериментально установлено: несмотря на изоморфизм процессов речевосприятия/речепорождения (существование механизма единых смысловых замен) вербализация смысла средствами вторичной языковой системы в ряде случаев затруднена из-за недостаточной сформированности речевых навыков условных билингвов.

Результаты первого этапа эксперимента – *ассоциативного* – подтвердили выдвигаемое нами положение о том, что восприятие и понимание текста обусловлено **спецификой ассоциативного значения опорного слова** и способствует **сохранению инвариантности понимания** текста. В качестве опорных слов текста испытуемые отметили метафорические комплексы как языковые средства раскрытия основного смысла исходного текста (задание к анкете: «Прямой чертой подчеркните слова, раскрывающие, на Ваш взгляд, основной смысл текста»). Роль ассоциативного значения как компонента ассоциативно-вербальной сети заключается в **способности фиксировать и отражать психологически релевантные / актуальные / когнитивные связи и отношения** в языковом сознании индивидов. Включение поля ассоциативных значений при моделировании смысла способствует выявлению релевантных когнитивных признаков и установлению адекватных когнитивных структур текстов. Анализ дистрибуции ассоциативных реакций на словостимул (и вариантов перевода) способствует моделированию языковой способности билингвов.

В случаях затруднения понимания иноязычного текста в первую очередь **актуализируется звуковой компонент значения**, что еще раз доказывает выдвигаемое в ряде фоносемантических исследований положение о фонетической значимости звуковой стороны слова/текста. То, что звуковая организация текста может являться важнейшим (а иногда и основным) средст-

вом смыслопорождения, подтверждается выделением групп «ассоциации по звучанию» при анализе полученных реакций в ассоциативном эксперименте. Способность индивида наделять смысловым содержанием любой воспринимаемый/производимый им текст является базовой, универсальной. В случаях высокой лакунарности текста, при невозможности построить когнитивную структуру текста, адекватную авторской, происходит **вероятностное моделирование смысла с опорой на содержание собственной концептуальной системы**. Таким образом, является доказанным наше положение о том, что *переводческая деятельность* по сути является *интерпретативной* деятельностью автора, **подчиняющейся законам динамической функциональной системы**.

Результаты второго этапа психолингвистического эксперимента – *переводческого* выявили следующее. *Во-первых*, механизм языковой способности обеспечивает **принципиальную возможность адекватного понимания** в условиях межкультурной коммуникации благодаря тому, что «программа смыслового развертывания по своей структуре не является зависимой от синтаксиса данного национального языка, а единицы «смыслов» — от единиц национального языка» [Горелов 1974, с.9].

Во-вторых, при конструировании смысла на родном языке включается **механизм компенсаторности**, позволяющий формирующимся билингвам порождать адекватные смыслы, несмотря на лакуярность текстов, вызванную наличием метафорических комплексов. Таким образом, экспериментально доказана выдвигаемая нами гипотеза о существовании базового механизма в речевой деятельности индивида – *когнитивной компетенции* как набора **универсальных стратегий обработки, восприятия и понимания информации**. Подтверждением служит высокий процент адекватности понимания иноязычных текстов, осложненных метафорическими комплексами.

В-третьих, экспериментально подтверждена гипотеза о том, что метафорическая структура представляет собой своеобразную когнитивную модель, в которой происходит **одновременное сопоставление и синтез не-**

скольких когнитивных структур, что ведет к неоднозначности понимания и множественности способов формирования смысла. В ходе анкетирования (задания «Волнистой линией подчеркните слова, которые могут быть поняты неоднозначно»; «Подчеркните пунктирной линией слова, которые вызвали затруднения при переводе текста») испытуемые в абсолютном большинстве случаев отметили метафорические комплексы и их компоненты, являющиеся для них источниками неоднозначности и вызывающие трудности при переводе. Этот факт говорит в пользу развиваемой нами идеи о **метафоризации как функциональной динамической системе**; понимание метафоры является заданным, однако не однолинейным процессом – метафора представляет собой динамическую структуру, зависящую от многих переменных факторов.

В-четвертых, благодаря актуализации разных когнитивных признаков одного значения, вызванной несовпадением семантических, психологических, ассоциативных и прочих особенностей автора и переводчика, происходит **вероятностное развитие исходного значения**. Сопоставительный анализ признаков, составляющих когнитивные структуры исходного и переводных текстов, выявляет намечающуюся динамику значений слов (обнаружение «периферийных» компонентов значения). При этом моделируемые когнитивные структуры представляют собой соотношение **доминантных когнитивных признаков**, тогда как выявленные экспериментальным путем случайные, «периферийные» компоненты значения не были включены нами в итоговые схемы описания когнитивных структур.

Итак, экспериментальным путем были подтверждены основные положения и гипотезы, аргументированные нами теоретически.

Заключение

В работе последовательно решались задачи, связанные с изучением языковой способности билингвов в условиях учебного двуязычия. Внесены некоторые уточнения в содержание терминов «языковая способность», «языковая компетенция», «коммуникативная компетенция», «переводческая деятельность»; при этом термины «языковая способность» и «когнитивная компетенция» рассматриваются в данной работе, как находящиеся в отношениях взаимной дополнительности. Отсюда, языковая способность, или когнитивная компетенция определяется нами как совокупность механизмов, имеющих когнитивную природу и осуществляющих вербализацию ментального содержания. Экспериментальным путем обнаружено отсутствие однозначной взаимозависимости языковой способности и языковой компетенции.

Проделан теоретический анализ концепций перевода с целью обоснования собственной исследовательской позиции на переводческую деятельность как специфическую когнитивную деятельность, подчиняющуюся законам функциональных систем. Основным принципом действия таких систем является принцип вероятностного прогнозирования и моделирования результатов деятельности. Прогнозирование вероятности того или иного переводческого решения во многом определяется структурой метафоры, что и послужило основанием выбора текстов, осложненных метафорическими комплексами, в качестве материала исследования языковой способности формирующихся билингвов. Прогностическая функция метафорических структур связана с тем, что в основе метафоры могут лежать вербализованные перцептивные универсалии, понимание которых обеспечивается способностью человеческого мышления анализировать и сопоставлять реалии с помощью субъективных ассоциаций. Таким образом, метафорические структуры обладают свойством задавать направление этих ассоциаций. Отсюда, проведение ассоциативного эксперимента было направлено на подтверждение выдвигаемого нами положения о том, что восприятие и понимание текста обусловлено

спецификой ассоциативного значения опорного слова и способствует сохранению инвариантности понимания текста.

Способность билингва инвариантно передать когнитивные структуры авторского текста подтверждает нашу гипотезу о том, что механизм языковой способности обеспечивает принципиальную возможность адекватного понимания в условиях межкультурной коммуникации. Была выявлена различная степень адекватности перевода (свидетельствует о разных уровнях развития языковой компетенции испытуемых), а также обнаружены различные когнитивные стратегии в вариантах перевода.

Подводя итог диссертационной работы, следует наметить дальнейшие перспективы нашего исследования.

Во-первых, в рамках этой работы нам не удалось привлечь достаточное количество иноязычных испытуемых для аргументации верифицируемых данных сопоставительного межъязыкового эксперимента по моделированию механизма языковой способности носителей разных этнокультурных сообществ. С этой целью необходимо будет использовать данные ассоциативных норм современных русского и английского языков и, возможно, предпринять попытку создания сопоставительного билингвального (русско-английского) словаря современных ассоциативных норм. Проблема эта достаточно актуальна в связи с глобализацией и расширением межкультурных контактов.

Во-вторых, в настоящей работе было проведено исследование текущего состояния языковой способности (синхронный аспект), выявлен лишь один временной срез, своего рода «диагностика». Интересным было бы, на наш взгляд, создать методику целенаправленного развития, формирования языковой способности индивида. Для этого необходимо привлечение гораздо большего количества испытуемых и использование большего объема разнородного материала. Кроме того, для выявления динамики становления языковой способности потребовалось бы проведение серии многолетних исследований на двух экспериментальных группах.

В-третьих, в нашей работе принимали участие испытуемые одной возрастной категории, в среднем 17-22 лет. Привлечение испытуемых разных возрастных групп будет способствовать созданию полноценной картины состояния языковой способности русскоязычного этноса в целом и прогнозированию путей ее дальнейшего развития.

В-четвертых, немаловажным фактором в изучении и формировании языковой способности является учет такой психофизиологической характеристики, как пол испытуемых и связанных с нею особенностей. Известно, например, что пол индивида во многом определяет организацию лексикона и порождение текста. В данной работе подобное разграничение проводилось в анкетировании, однако не анализировалось в дальнейшем из-за недостаточной репрезентативности этого фактора (абсолютное большинство испытуемых составили лица женского пола – 88,5%).

Итак, мы обозначили общий круг вопросов, требующих дальнейшего всестороннего изучения и привлечения с этой целью специалистов различных специальностей.

Библиографический список

1. Аминев Г.А. Вероятностная организация центральных механизмов речи. – Казань, Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 159с.
2. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. Акад. мед. наук СССР. – М.: Медицина, 1975. – 447с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240с.
4. Бессознательное. – The unconscious: Природа, функции, методы исследования [В 4-х т.] /АН ГССР, Ин-т психологии им. Д.Н. Узнадзе; Под общ. ред. А.Н. Прангишвили [и др.]. – Тбилиси: Мецниереба, 1978. – Т.3. Познание. Общение. Личность. – 796с.
5. Богин Г.И. Нормативы рефлексивной работы в коммуникативных ситуациях// Человек – Коммуникация – Текст. Вып.3. – Б., 1999. – С. 11-18.
6. Богин Г.И. Определенность смыслов как функция единиц текста// Человек – Коммуникация – Текст. Вып.2 ч.1. – Б., 1998. – С. 38-40.
7. Богин Г.И. Типология понимания текста: Учебное пособие. – Калинин, 1986. – 87 с.
8. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. [В 2-х т.] [Вступ. статьи действ. чл. АН СССР В.В. Виноградова и действ. чл. Польской акад. наук В. Дарошевского]. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т.1 – 384с. – Т.2. – 391с.
9. Брудный А. Бессознательные компоненты процесса понимания// Бессознательное. Т.3: Познание. Общение. Личность.– Тбилиси, 1978.
10. Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование: Дис. ...докт. филол. наук. Барнаул, 2001а.
11. Бутакова Л.О. Номинация как способ репрезентации личностных смыслов автора в художественном тексте// Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Сб. статей /Под общ. ред.

В.А. Пищальниковой. Барнаул: Изд-во Алт. госуниверситета, 2001б. – С.10-19.

12. Вартофский Маркс. Модели. Репрезентация и научное понимание: [Пер. с англ.]/Общ. ред. и послесл. И.Б. Новика, В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1988. – 507с.

13. Васильев С.А. Уровни понимания текста// Общественные науки. – 1983, №3. – С.83-96.

14. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 336с.

15. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – 2-е изд., испр. и доп. - М.: Высш. шк., 1986. – 416с.

16. Вовк В.Н. Языковая метафора в художественной речи: Природа вторичной номинации /АН УССР, Ин-т языковедения им. АА. Потебни.– Киев: Наук. думка, 1986. – 140с.

17. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психолог. развития ребенка. [Под ред. и со вступ. статьей А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия]. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1956. – 519с.

18. Герман И.А. Метафоризация как лингвосинергетический процесс: соотношение стабильных и нестабильных компонентов// Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. /Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – С. 33-35.

19. Герман И.А. Речевая деятельность как самоорганизующаяся система: к становлению лингвосинергетической парадигмы. Дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 1999. – 169с.

20. Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику: Монография /Алт. гос. ун-т – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – 129с.

21. Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. – Челябинск: Челябинс. гос.пед.инс-т, 1974. – 116с.

22. Губернаторова Э.В. Метафора как компрессированный компонент перевода: деятельностный аспект. Дис. канд. филол. наук. – Барнаул, 2003. – 180 с.
23. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию /Пер. с нем. яз. и с предисл. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 397с.
24. Гусев С.С. Наука и метафора. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 152с.
25. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии: Филос.-гносеол. анализ. – М.: Политиздат, 1985. – 192с.
26. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ /Составление В.В. Петрова; Пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 310с.
27. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода// Вопросы языкознания. – 1994, №4. – С. 17-33.
28. Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность. – М., 1983.
29. Доказательство и понимание /[М.В. Попович, С.Б. Крымский, А.Т. Ишмуратов и др.; Отв. ред. М.В. Попович]; АН УССР, Ин-т философии. – Киев: Наук. думка, 1986. – 311с. – С. 161-173.
30. Долинин К.А. ИмPLICITное содержание высказывания// Вопросы языкознания. – 1983, №6. – С. 37-47.
31. Жинкин Н.И. Механизмы речи. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. – 370с.
32. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации /[Предисл. Р.Г. Котова, А.И. Новикова]. – М.: Наука, 1982. – 159с.
33. Жоль К.К. Мысль. Слово. Метафора: Проблемы семантики в философском освещении.– Киев: Наук. думка, 1984. – 303с.
34. Жоль К.К. Язык как практическое сознание: (Филос. анализ). – Киев: Выща шк., 1990. – 236с.
35. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.

36. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психоллингв. исслед. – Воронеж; Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 204с.
37. Залевская А.А. Текст и его понимание: Монография. Тверь: Тверской государственный университет, 2001. – 177 с.
38. Залевская А.А., Медведева И.Л. Психоллингвистические проблемы учебного двуязычия: Учеб. пособие. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 194 с.
39. Знаков В.В. Понимание как проблема психологии мышления// Вопросы психологии. – 1991, №1. – С. 18-26.
40. Известия АГУ: Журн. теорет. и прикл. исслед. /[Гл. ред. Ю.Ф. Кирюшин]. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. Вып.2. – 152с.
41. Иовенко В.А. Коммуникативная деятельность и факторы процесса перевода// Перевод и коммуникация. – М., ИЯз РАН, 1997. – С. 83-94.
42. Исследование речевого мышления в психоллингвистике /[Т.В. Ахутина, И.Н. Горелов, А.А. Залевская и др.]; Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1985. – 239с.
43. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность /Отв. ред. Д.Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М.: Наука, 1987. – 261с.
44. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999. – 180 с.
45. Кинцель А.В. Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора: Дис. ...канд. филол. наук. – Барнаул, 1998. – 177 с.
46. Ключанов И.Э. Динамика межкультурного общения: Системно-семиотическое исследование. – Тверь, 1998. – 99 с.
47. Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: Хрестоматия /В.А. Пищальникова, Е.В. Лукашевич, А.Г. Сонин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – 200с.
48. Комиссаров В.Н. Коммуникативные концепции перевода// Перевод и коммуникация. – М., ИЯз РАН, 1997. – С. 6-16.

49. Комиссаров В.Н. Речемыслительный процесс в зеркале перевода// Грамматика и перевод: Сб. науч. трудов. – Вып.308. – М., 1988. – С. 128-135.
50. Крюков А.Н. Межъязыковая коммуникация и проблема перевода// Перевод и коммуникация. – М., ИЯз РАН,1997. – С .73-83.
51. Крюкова Н.Ф. Аналогическая и символическая метафоризации// Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы второй школы-семинара 2 июля 2001 г. /Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. – Барнаул: Изд-во ААЭП, 2001а. – С. 38-41.
52. Крюкова Н.Ф. Метафорика и смысловая организация текста. – Тверь, 2000. – 160с.
53. Крюкова Н.Ф. Метафоричность как критерий менталитета различных групп людей// Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Сб. статей /Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. – Барнаул: Изд-во Алт. госуниверситета, 2001б. – С. 90-99.
54. Кузьменко-Наумова О.Д. Смысловое восприятие знаковой информации в процессе чтения. – Куйбышев, 1980. – 78 с.
55. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты /Пер. с англ. Н.Н. Перцовой// Новое в зарубежной лингвистике. Вып.Х. – М.: Прогресс, 1981. – С. 350-368.
56. Латышев Л.К. Курс перевода. – М.,1986.
57. Ледерер М. Интерпретативная теория перевода /Пер. с фр.// Информационно-коммуникативные аспекты перевода. – Н. Новгород, 1997.
58. Леонтьев А.А Основы психолингвистики: [Учеб. для вузов по специальности «Психология»]. – М.: Смысл, 1999а. – 287с.
59. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214с.
60. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В двух томах /Под ред. В.В. Давыдова и др. – М.: Педагогика, 1983. – Т.1. – 391с. – Т.2. – 320с.

61. Лингвистика и поэтика: [Сб. ст.] /АН СССР, Ин-т рус. яз.; Отв. ред. В.П. Григорьев. – М.: Наука, 1979. – 309с.
62. Лингвистический энциклопедический словарь /Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685с.
63. Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы второй школы-семинара 2 июля 2001 г. /Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. – Барнаул: Изд-во ААЭП, 2001. – 136 с.
64. Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы первой школы-семинара 1-2 июля 2000 г. /Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. – Барнаул, 2000. – 119 с.
65. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 479с.
66. Лосев А. Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы// Теория и методология языкознания. – М., 1989. – С. 5-92.
67. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семисфера – история /Гартуский ун-т.– М.: Языки рус. культуры, 1999. – 447с.
68. Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект: Монография /Под ред. и с вступ. ст. в.А. Пищальниковой. – Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 234с.
69. Лукашевич Е.В. Теория значения слова: эволюционно-прогностический аспект. Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – М., 2003. – 47 с.
70. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Эксперим.-психол. исследование. – М.: Наука, 1974. – 172с.
71. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 319с.
72. Львовская З.Д. Теоретические проблемы перевода (На материале испанского языка): Моногр. – М.: Высш. шк., 1985. – 232с.
73. Метафора в языке и тексте /[В.Г. Гак, В.Н. Телия, Е.М. Вольф и др.]; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – 174с.

74. Методологические проблемы языкознания /[А.В. Бондарко, А.Н. Гаркавец, Ю.А. Жлуктенко и др.; Отв. ред. А.С. Мельничук]; АН УССР, Ин-т языковедения им. А.А. Потебни. – Киев: Наук. думка, 1988. – 210с.
75. Методология современной психолингвистики: Сборник статей. – Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 204 с.
76. Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста: Монография /Под ред. и с вступ. ст. В.А. Пищальниковой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – 240 с.
77. Мchedlishvili А.В. Перевод научной литературы как прямое сопоставление типичных текстов: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1986. – 19с.
78. Найда Ю. Изоморфные связи и эквивалентность в переводе /Пер. с англ. А.Л. Немченко// Перевод и коммуникация. – М., ИЯз, 1997. – С.35-41.
79. Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической вселенной// Психологический журнал. – 1984, №6. – С.111-122.
80. Николис Дж. Хаотическая динамика лингвистических процессов и образование паттернов в поведении человека// Вопросы филологии. – 1997.– №3.
81. Нишанов В.К. Феномен понимания: когнитивный анализ /АН Кирг. ССР, Ин-т философии и права. – Фрунзе: Илим, 1990. – 227с.
82. Новое в зарубежной лингвистике. Вып.10. Лингвистическая семантика: Пер. с англ. /Под ред. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1981. – 567с.
83. Новое в зарубежной лингвистике. Вып.23. Когнитивные аспекты языка: Пер. с англ. /Сост., ред., вступит. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – 320с.
84. Общение. Текст. Высказывание /Отв. ред. Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1989. – 172с.
85. Опарина Е.О. Исследования метафоры в последней трети XX века// Лингвистические исследования в XX в. – М., 2000. – С.186-204.

86. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры /Пер. с // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С.68-81.
87. Основы теории речевой деятельности [Отв. ред. д-р филол. наук А.А. Леонтьев]. – М.: Наука, 1974. – 368с.
88. Павлиёнис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286с.
89. Перевод и коммуникация /Отв. ред. А.Д. Швейцер, Н.К. Рябцева, А.П. Васильева. – М., ИЯз РАН, 1997. – 318с.
90. Пищальникова В.А. Общее языкознание: Учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – 238с.
91. Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста. Психолингвистический аспект. – Монография. Новосибирск, 1992. – 132 с.
92. Пищальникова В.А. Психолингвистика и современное языковедение //Методология современной психолингвистики: Сб. статей. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 4-21.
93. Пищальникова В.А. Психопоэтика: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 176 с.
94. Пищальникова В.А. Речевая деятельность как синергетическая система// Известия АГУ. Вып.2. – Барнаул, 1997а. – С. 72-79.
95. Пищальникова В.А. Схемы понимания: операциональные возможности и сферы применения// Человек – Коммуникация – Текст. – Б., 1997б. Вып.1. – С. 19-26.
96. Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопоэтику /Гос. ком. РФ по высш. образованию, Алт. гос. ун-т. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – 209с.
97. Подольская Н.И. Проблема описания процесса перевода (метод компьютерного моделирования): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1998. – 22с.

98. Понимание как логико-гносеологическая проблема: Сб. науч. тр. /АН УССР, Ин-т философии; [Отв. ред. М.В. Попович]. – Киев: Наук. думка, 1982. – 272с.
99. Понимание как философско-методологическая проблема// Вопросы философии. – 1986, №7. – С. 65-81.
100. Потебня А.А. Мысль и язык: Собр. тр. /[Подгот. текста Ю.С. Рассказова, О.А. Сычева; Коммент. Ю.С. Рассказова]. – М.: Лабиринт, 1999. – 269с.
101. Потебня А.А. Теоретическая поэтика /[Сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.Б. Муратов]. – М.: Высш. шк., 1990. – 342с.
102. Проблемы двуязычия и многоязычия [Сб. ст. Ред. коллегия: П.А. Азимов (отв. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1972. – 359с.
103. Ракитов А.И. Диалектика процесса понимания// Вопросы философии. – 1985, №12. – С. 62-71.
104. Рамишвили Д.И. Бессознательное в контексте речевой активности// Бессознательное. – Тбилиси, 1978. – С. 13-18.
105. Рамишвили Д.И. К вопросу о неосознанной активности языка// Бессознательное. – Тбилиси, 1978. – С. 47-50.
106. Реальность, язык и сознание: Международный межвуз. сборник научных трудов. Вып. 2. /Отв. Т.А. Фесенко. Тамбов: Изд-во Тамбовского университета, 2002. – 453 с.
107. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: Междунар. отношения, 1974. – 216с.
108. Роль бессознательного в активности мышления и речи /Редакционная статья// Бессознательное. – Тбилиси, 1978. – С.27-47.
109. Романова И.В. Обусловленность переводческой деятельности универсальными стратегиями понимания текста (на материале французского, английского и русского языков): Дис. ...канд. филол. наук. – Барнаул, 2002. – 218 с.

110. Рябцева Н.К. Теория и практика перевода: когнитивный аспект// Перевод и коммуникация. – М., ИЯз, 1997. – С. 42-63.
111. Салмина Л.М. Коммуникация. Язык. Мышление. – Казань: Изд-во «ДАС», 2001. – 169 с.
112. Сахарный Л.В.// XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика»: Тезисы докладов. – М.: ИЯз РАН, 1994. – С. 88-90.
113. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка /Отв. ред. Д.Н. Шмелев; Рос. АН, Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 1993. – 150 с.
114. Солсо, Роберт Л. Когнитивная психология /Пер. с англ.; Под общ. ред. В.П. Зинченко. – М.: Тривола, 1996. – 598с.
115. Сонин А.Г. Когнитивная психология и проблемы языка// Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: Хрестоматия /В.А. Пищальникова, Е.В. Лукашевич, А.Г. Сонин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 114-125.
116. Сонин А.Г. Когнитивная лингвистика: становление парадигмы: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 222 с.
117. Староселец О. Экспериментальное исследование понимания метафоры текста: Дис. ...канд. филол. наук. – Барнаул, 1997. – 264 с.
118. Сунцова Н.Л. Лингвистическая модель порождения вторичного текста: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1995. – 21 с.
119. Теория метафоры: Сборник /Пер. под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной; Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – 511 с.
120. Фесенко Т.А. Принципы когнитивной транслятологии// Реальность, язык и сознание: Международный межвуз. сборник научных трудов. Вып. 2. /Отв. Т.А.Фесенко. – Тамбов: Изд-во Тамбовского университета, 2002. – С. 15-28
121. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания /Пер. с англ. А.Н. Баранова// НЗЛ. Вып.23, 1988. – С. 52-92.

122. Хайруллин В.И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода. Автореф. дис. ...докт. филол. наук. – М., 1995. – 25 с.
123. Халеева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста// Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей / Институт русского языка РАН. – М., 1995. – С. 277-285.
124. Человек – Коммуникация – Текст /Алт. гос. ун-т; [Отв. ред. А.А. Чувакин]. – Б.: Изд-во АГУ, 1998. – Вып.2, ч.1. – 183с. – Вып.2, ч.2. – 203 с.
125. Человек – Коммуникация – Текст: [Сб. ст.] /Алт. гос. ун-т; [Редкол.: А.А. Чувакин (отв. ред.) и др.]. – Б.: Изд-во АГУ, 1999. – Вып.3 – 222 с.
126. Человек – Коммуникация – Текст:[Сб. ст.] /Алт. гос. ун-т. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – Вып.1. – 233 с.
127. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи /Отв. ред. Е.С. Кубрякова; АН СССР, Ин-т языкознания.– М.: Наука, 1991. – 239 с.
128. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике /Пер. с англ.// Вопросы языкознания. – 1996, №2. – С. 68-78.
129. Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. – М.: Международные отношения, 1976. – 264 с.
130. Чуприкова Н.И. Принцип дифференциации когнитивных структур в умственном развитии, обучение и интеллект// Вопросы психологии. – 1990, №5. – С. 31-39.
131. Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность// Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей / Институт русского языка РАН. – М., 1995. – С. 213-223.
132. Швейцер А.Д. Буквальный перевод и интерференция// Перевод и коммуникация. – М., ИЯз, РАН, 1997. – С. 22-34.
133. Швейцер А.Д. Теория перевода. – М., 1988.
134. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
135. Языковая номинация (Общие вопросы) /Под ред. Б.А. Серебренникова и А.А. Уфимцевой. – М., 1977. – 358 с.

136. Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей / Институт русского языка РАН. – М., 1995. – 286 с.
137. Языковая семантика и образ мира: [Сб. ст.] – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997.
138. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. статей /Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – 142 с.
139. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. статей /Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – 172 с.
140. Bechtel, W. & Abrahamsen, A. Beyond the exclusively propositional era. – *Synthese*, 82, 1990. – pp. 223-253.
141. Changeux, J.-P. *L’homme neuronal*. – Paris: Fayard, 1983. – 420 p.
142. Clark H.H., Clark E. *Psychology and language: An introduction to psycholinguistics*. – New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1977. – 592p.
143. Eliasmith, C. The third contender: A critical examination of the dynamicist theory of cognition // *Journal of Philosophical Psychology*. Vol. 9 No. 4, 1996. – pp. 441-463.
144. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. – Chicago, 1987. – 614p.
145. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. – Chicago, 1980. – 242p.
146. Langacker, R. W. *An Introduction to Cognitive Grammar* // *Cognitive Science*, 1986, X, I. – pp. 1-40.
147. *Metaphor and Thought* /Edited by Andrew Ortony. – 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 678p.
148. Norman, D. A. *Models of human memory* // D.A. Norman (Ed.) *Models of Human Memory*. – New York, London: Academic Press, 1970. – 537p.
149. *Philosophical perspectives on metaphor* /Edited by M. Johnson. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981. – 361p.

150. Rohrer T. The cognitive science of metaphor from philosophy to neuropsychology. – 1995. – 8p.

151. Rumelhart, D.E., & Ortony, A. The representation of knowledge in memory // R. Anderson, R.J. Spiro, W. Montague (Eds). Schooling and the acquisition of knowledge. – Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum, 1977. – pp. 99-135.

152. Smith, E.E., Shoben, E.J., & Rips, L.J. Structure and process in semantic memory: A featural model for semantic decisions // Psychological Review, 81, 1974. – pp. 214-241.

153. Thelen, E. and L. Smith. A Dynamical Systems Approach to the Development of Cognition and Action. – MIT Press, Cambridge, 1993. – 414p.

154. Van Gelder, T. Compositionality: A connectionist variation on a theme // Cognitive Science, 14, 1990. – pp. 355-384.

Словари

1. Crabb's English Synonyms. London; Henly: Routledge & Kegan Paul. 1979. – 716p.

2. Dubrovin M. A Book of English and Russian Proverbs and Sayings Illustrated/ Дубровин М.И. Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях/ Худож. В.И. Тильман. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1995. – 349 с.: ил.

3. Longman Dictionary of English Idioms. GB: Longman. 1979. – 388p.

4. The Advanced Learner's Dictionary of Current English/ By A.S. Hornby, E.V. Gatenby, H. Wakefield. 1992.

5. The Concise Oxford Dictionary of Current English/ Ed. by H.W. Fowler and F.G. Fowler. Fifth edition. Oxford University Press, 1964. – 1558p.

6. The Longman Language Activator. 1995.

7. The Oxford English Reference Dictionary/ Sec. edition: Edited by Judy Pearsall and Bill Trumble. Oxford: Oxford University Press, 1996. – 1756p.

8. The Oxford Russian Dictionary. Oxford University Press. 1993. – 1340p.

9. Англо-русский фразеологический словарь/ Лит. ред. М.Д. Литвинова. – 4-е изд., перед. и доп. – М.: Рус. язык, 1984. – 944с.
10. Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х т. Около 250 000 слов./Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. Под общим руководством Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. – М.: Рус. яз., 1993.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/ РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1998. – 944 с.
12. Словарь русского языка: В четырех томах/ АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. язык, 1985-1988.
13. Современный словарь иностранных слов: Ок. 20000 слов. – М.: Рус. яз., 1992. – 740 с.

Анкета №1а.

Имя

Пол

Образование (курс)

Задание. Прочитайте текст. Прямой чертой подчеркните слова, раскрывающие, на Ваш взгляд, основной смысл текста. Волнистой линией подчеркните слова, которые могут быть поняты неоднозначно. Подчеркните пунктирной линией слова, которые вызвали затруднения при переводе текста. Переведите текст, как можно точнее передавая авторский смысл.

1. “People are trial and trouble, aren’t they?” she added, in that voice which must have greased the way to many a confession.

2. The great brown eyes, which once opened so blandly upon the world, seemed narrowed, and where Anna had used to draw a dark line upward at their corners the years had sketched in a little sheaf of wrinkles.

3. The ammonia scent of drifting snow hit my nose. Damn! The old devil had an awfully chic sense of smell. Coming down on us was indeed a wholesome, well rehearsed blizzard.

4. A cloud of questions buzzed about me.

5. It was a warm evening, cloudlessly and brilliantly blue, and the place was mute around us, walled in by a distant murmur which may have been the sound of traffic or else the summery sigh of the declining sun.